

Сергей
Камов

АРМЕЙСКИЕ ЗАПИСКИ

*Посвящаю светлой памяти
Бакимбаева Бекбулата*

...да, живуч человек! Человек есть существо ко всему привыкающее, и, я думаю, это самое лучшее его определение.

Ф. М. Достоевский «Записки из мертвого дома»

ВСТРЕЧА

Много лет назад на окраине Алма-Аты я вышел на дорогу, чтобы поймать такси. Благо, в то время в этом благословенном городе можно было уехать в любой конец за сущие копейки. Увидев старенький «Жигулёнок» с джамбульскими номерами, я поднял руку. Мне нужно было на другой край города, и цена, предложенная мной, вполне устроила водителя. Он, не торгуясь, указал мне на сиденье. Несмотря на дальний путь, проделанный им в этот день, водитель был улыбчив и сразу поддержал разговор, начатый мной.

– Вы, наверное, через Отар ехали?

– Да! А что?

– Служил я там. Как назад поедете, передайте, пожалуйста, поклон Отару.

– Хорошо, передам! – немного помолчав, он добавил: – Я тоже там служил.

– А где?

– В зенитном полку. Механик-водитель «Шилки».

– И я в зенитке, в четвёртой батарее.

– И я в четвёртой... Комбат Тарков...

– Комбат Тарков!!! – обрадовался я.

Мы радостно пожали друг другу руки и познакомились. Моего однополчанина звали Джанибеком.

– Я служил – весна-осень восемьдесят шестого.

– А я – осень восемьдесят пятого – весна восемьдесят шестого. Значит, ты, Джанибек, меня менял. А куда из учебки попал?

– В Афган. А тебя куда?

– Меня в Чехословакию. Нас восемь человек из афганского списка забрали в Центральную группу войск. А тебя в Афган куда забросили?

– Слышал горы Торы-Боры? Сейчас они у всех на слуху, якобы, там прятался знаменитый Бен Ладен, и его американцы безуспешно бомбили. Вот именно там я ногу свою и оставил, – он погладил рукой по левой штанине. – Эту! У меня ниже колена нет ноги.

Он помолчал, с грустью вспоминая прошлое.

– На бэтээре нас было восемь человек. Взорвались на mine. Двое живых осталось, я да ещё один парнишка.

Я молчал, поражённый рассказом, ведь меня миновала сия чаша, а этот мужчина сполна её пригубил.

– Да, не повезло тебе!

– Это как посмотреть ещё! – не согласился со мной Джанибек. – Я думаю наоборот. Шестерых убило, а я с парнишкой из Пензы живой остался!

Между тем мы проехали по проспекту Рыскулова и свернули на Розыбакиева, в сторону барахолки. Меня поразили оптимизм этого сильного духом человека. Что мои проблемы на фоне его?!

– А Тарков, мне сказали, сейчас уже генерал! Командует в Отаре всеми подразделениями, – поделился со мной радостью Джанибек.

– Во как! – обрадовался я. – А впрочем, чему тут удивляться, так и должно было быть! Элитный офицер, от бога! Теперь за Отар можно быть спокойным!

– А ты знаешь, когда комбат нас построил перед отправлением на горную подготовку в Чирчик, перед Афганом, он сказал небольшую проникновенную речь, которую я запомнил на всю жизнь! Представляешь, стоит эта двухметровая «скала», а в голосе у него дрожь, глаза влажные, у всех мурашки по спине! Он знал, куда нас отправляет. Жалел солдат, как отец сыновей.

Мы уже подъезжали к месту. Рассчитываясь, я положил сверху ещё столько же.

– А это что?

– А это, брат, суюнши! Спасибо за добрую весть, порадовал душу.

– Рахмет! – мы пожали на прощание друг другу руки.

С той встречи с однополчанином прошло лет пятнадцать. В армии, много лет назад, мне казалось – приду на дембель и забуду всё как дурной сон, все эти нудные строевые, бессонные ночи, «дедов», некоторых непорядочных офицеров и прапорщиков, весенние и осенние проверки... А со временем я понял, что это было если не самое лучшее в моей жизни, то непременно – светлое и нужное время для того, чтобы стать мужчиной. Я с трудом представляю свою жизнь, в которой бы не было этого армейского периода. Многое позабылось и видно мне в приглушённом свете, ведь прошло уже больше тридцати лет с той поры. Но многое до такой степени врезалось в память, что теперь уйдёт только со мной.

Первые свои заметки о службе я сделал по свежим следам, сразу после армии, когда у меня совершенно не было литературного опыта, а записи грешили обычным перечислением событий. Я спал несколько часов в сутки и в течение нескольких месяцев записывал в тетради то, что я прошёл и чему я был непосредственным свидетелем. Накопилось несколько тетрадок, испещрённых убогим текстом. В то время гремели «Сто дней до приказа» Юрия Полякова. И мне тоже хотелось попасть «в струю», рассказав о том, что в армии не всё так гладко, как нам подадут... Но, к счастью, записки я забросил, и они остались не востребо-

ванными. Теперь же мои записи оказались весьма кстати, ведь они сохранили массу фактов и мелких деталей, исчезнувших из памяти. И теперь, пройдя через горнило разрухи любимой страны, имея огромный жизненный опыт, я расскажу о Советской Армии с позиции зрелого возраста.

Конечно же, я предвижу массу «камушков в мой огород», всевозможных упреков и обвинений, хотя бы в том же самом «натурализме». А куда деваться! Этим «грешили» и великие – тот же Федор Михайлович Достоевский и Михаил Александрович Шолохов. Тут я иду по давно протоптанной тропе. Конечно же, въедливые филологи обвинят меня в «стилистически сниженной лексике». Но такова сама тема, которая «обязывает». Я и так «смягчил до терпимого» некоторые выражения и острые места. На самом деле было гораздо больше в них «перца» и остроты. Некоторые фамилии я поменял, а иные, более достойные, оставил как есть. Названия некоторых городов поданы в той транскрипции, которая присуща слуховому восприятию чужого языка, а события – в той последовательности, которая наиболее близка к реальности. И всё же – это не документальная проза, не мемуары, не воспоминания, хотя всё это было мной пережито. Ближе всего мои записи соответствуют документально-художественному жанру «записок». Некогда возникшая сухоньякая фабула в конце концов «обросла» художественной формой. Образно говоря – одел солдата по форме, накинул на него тёплую шинель и пустил его в жизнь, приговаривая: «Служи, как я служил!» А себе тихо признался – наконец-то я отмучился, снял тяжёлый камень с души.

Часть первая
ОТАР (ПГТ ГВАРДЕЙСК, ВЧ 14891)

СТЁКЛЫШКИ

На вечерней поверке комбат-громада, эдакая мощная стальная колонна в шинели капитана, стоял возле старшины Серёгина и, слушая переключку, внимательно наблюдал за вверенной ему батареей. Всю эту разношёрстную массу молодежи из городских интеллигентов и сорвиголов, горских абреков, азиатских джигитов и прочего контингента предстояло переплавить в общем котле и сделать из них людей нужного калибра. За полгода нужно было выковать из них солдат со знаниями и корочкой «Механик-водитель ЗСУ-23-4» – «Шилка». Старшину Тарков, видимо, тоже под себя подбирал – немногим тот уступал по габаритам ему самому – тоже рослый, с прямой спиной, только моложе комбата лет на семь. Серёгин спиной чувствует своё начальство, щёки разруганные у него в такие минуты, будто только из бани вышел. Мы стоим, не шелохнувшись, больше сотни разноплеменного люда. Из шеренги слышны только отклики на свою фамилию.

– Рядовой Алымов!

– Я! – отзывается негромким голосом невысокого роста осетинец, мой друг.

– Не слышу, громче! Рядовой Алымов!

– Я-я! – более протяжно отзывается Алымов.

Доходит очередь до меня.

– Рядовой Полетаев!

– Я-я! – выкрикиваю в ответ и почему-то не узнаю своего голоса.

Комбат уходит, и кажется, будто сразу в казарме становится много места. Старшина Серёгин чувствует себя свободнее, теперь он здесь главный командир. Металлическим голосом он объявляет:

– Сегодня отбой будет только после того, как выскоблите пол. К утру он должен блестеть как у кота клубни!

В ответ – непонятное бурчание... Ждали отбоя, чтобы кинуть усталые тела на койки, а тут...

– Я не понял, вам понятно? – словно что-то острое, металлическое бросил в толпу Серёгин.

– Так точно, товарищ старшина! – стогортанно громыкнуло в ответ.

Все хотят спать, измучены бесконечным днём, согласны быстрее начать шкурить этот чёртов пол.

– Младший сержант Баркус! – старшина повернул пунцовое лицо в сторону смуглого прибалтийца, отслужившего год.

– Я, товарищ старшина! – откликается тот.

– Задание выполнили?

– Так точно!

– Несите стёкла!

Баркус в сопровождении двух солдат пошёл в кандейку, небольшую комнатушку возле туалета, и они принесли куски битого стекла, поделили на все четыре взвода.

Наш заместитель командира взвода Елистратов, невысокий плотный сержант показал, как нужно пользоваться этим орудием. Он бросил стекло на пол, отчего оно разлетелось на десятки мелких кусков. Взял один обломок и начал им скрести доску:

– Как только грань затупилась, ломаете дальше и скребёте новой гранью, пока от стекла не останется маленькая зашарканная долька. Выкинули, взяли следующую. Понятно? Вперёд!

Весь сектор казармы был поделён на четыре равных участка по количеству взводов. Казалось, что до утра сделать эту работу невозможно. Кто на корточках, кто на коленях рассыпались солдаты по всему полу. Закопошились, скребут. Как квочки над цыплятами стоят командиры отделений. Наш младший сержант Прокудин не внушает доверия – худощавый, нескладный, вчерашний курсант, отслуживший полгода. Выслуживается перед старослужащими сержантами, командует неумело, больше шума от него, чем пользы. Глаза у него сонные, осоловелые от усталости. Как сомнамбула, автоматически, он бродит меж нами, пытаясь давать дельные советы по очистке пола. Он тоже мечтает быстрее завалиться на кровать, но пока приказ старшины по очистке пола не будет выполнен, эта мечта неосуществима. И поэтому он заинтересован, чтобы все эта эпопея с полами быстрее закончилась. Прокудин знает, на кого можно прикрикнуть, а кого лучше не трогать. На невысокого, безбоязненного чеченца Кампаша Салтиева лучше голоса не повышать, а вот на безответного скромного молдаванина Чересеу можно смело прикрикнуть, этот всё безропотно стерпит. Со мной Прокудин ещё до конца не определился, не поймёт, что я за фрукт. Зато у меня с ним сразу стало всё понятно ещё вчера утром, после стычки с Кампашем, чью сторону он несправедливо принял, чем выдал свою гнилую натуру. Он с теми, кто посильней, а кого будут забивать, тот не дождется от него заступничества. Но я не из слабаков, зря он

вчера так сделал... Своим вчерашним поступком он не заработал себе авторитета, а в моих глазах упал ниже плинтуса. По форме я к нему обращаюсь, как и положено: «Товарищ младший сержант», а в душе больше чем на «Прокуда» этот сержантский выкидыш не тянет. Его командирские данные оставляют желать лучшего, а про человеческие я уже сказал.

А утром, когда мы прибежали с зарядки, умылись и привели себя в порядок, встал вопрос, кому убирать проход в нашем кубрике. Койки стоят по две впритык в два яруса. В нашем отделении семь человек. Восемь человек вместе с командиром отделения – до окна, разделённые узким проходом, где плечистому человеку сложно пройти, не сузив плечи. Если убрать Прокудина, что спит в конце на нижнем ярусе, то на каждого в нашем отделении выпадает ровно день в неделю на уборку кубрика. В первый день убирал Чересеу, на второй день – я, а на третий день Салтиев подошел ко мне вплотную и, показывая на меня пальцем, сказал, что сегодня моя очередь. Я ответил, что вчера уже убирал и что сегодня убирать будет следующий. Кампаш меня не услышал и сказал, что сегодня буду убирать именно я, потому что он так решил. Я отказался именно в той форме, которую и заработал мой сослуживец. Реакция у меня была хорошая, и потому я увернулся от его кулака, схватив его щупленькое тельце за грудки и вытащив в коридор, где мы стали барахтаться по полу, стараясь измучить или придушить друг друга. На шум быстро сбежалась вся казарма, куча кавказцев гортанно покрикивала, поддерживая своего земляка. Краем уха я слышал крик сержантов, бегущих к нам. Как чёрт из табакерки, откуда-то возник Прокуда. Он пронзительно крикнул, но голос сорвался на визг, который почему-то меня рассмешил. Я заметил за собой странную реакцию – почти всегда в экстремальные моменты меня пробирает смех. Я почувствовал, что лицо моё окаменело, будто лютая злоба, словно слепком, стянула его в искажённой гневной улыбке. Мы поднялись, едва выпустив друг друга из зверских объятий. Младший сержант Прокудин встал между нами, без разборки записав меня в организаторы потасовки.

Запомнилось его перепуганное взбудораженное остроносое лицо, выкрикивающее мою фамилию:

– Рядовой По-ле-та-ев! – он, как школьник, запинаясь, по слогам, произнёс мою фамилию и приказал мне взять ведро, тряпку и мыть полы.

Я, скрипя зубами, подчинился и, повернувшись к Кампашу, прошипел в его сторону: «Это не ты меня заставил мыть полы... Если бы не приказ сержанта, хрен бы ты меня заставил!» Тот сверкнул орлиными глазами, запомнив меня, и ушёл восвояси. Осетинец Андрюха Алымов, мой дружок, что призвался из Грозного вместе с Кампашем, уважительно похлопал меня по плечу: «Всё правильно!» После нашей стычки Салтиев будет искать слабое звено в другом месте, а меня постарается не задевать, и впредь относиться ко мне будет с должным уважением. В следующий раз вместо Кампаша полы будут мыть застенчивый Чересеу и добродушный безответный гагауз Коля Бабогло. Младший сержант Прокудин заступаться за них не будет.

Сидя на корточках на полу, вышаркивая стёклышком половую доску, я, как и все, боролся со сном. Несколько раз «клянул носом» Андрюха, мой дружок, что сидел возле меня по левую руку. Свалился с локтя, которым подпирал лицо, уставший крепкий молдаванин Ваня Чеботарь. Это единственный достойный представитель Молдавии, что сможет за себя постоять и будет косо смотреть на

своих земляков, которых подомнут под себя кавказцы. Кампаш со своими земляками, братьями Омаговыми – Русланом и Адамом, скребут пол в дальнем конце отведённого нашему взводу квадрата. От однообразного монотонного движения и от навалившейся усталости меня разморило, и я отключился. Сколько мгновений длилась моя «отключка», я не знаю, но привиделось мне многое – пролетело время последних дней, спрессованное в этом коротком промельке... Привиделось мне, будто наш человек-гора комбат Тарков, снова, как в первый день, привёл всю батарею на танковый полигон. Прокатилась знакомая дрожь по коже от радости увидеть настоящую боевую машину. Танк «шестьдесят двойка» прицеливается и стреляет, отчего гул прокатывается по округе и ощущается мощь боевой техники. Тут же по своим мишеням стреляет «Шилочка». Затарахтели одновременные выстрелы из всех четырёх стволов, снап зарядов кучно ложится в цель: «Красота!» В мозаичных осколках моего короткого бредового сна мы проходим курс молодого бойца. «Шестьдесят двойка» гулко идёт на мой небольшой окопчик, надвигается, лязгая гусьянками, железная махина, а у меня нет страха, мне нравится этот экстрим. Мне даже весело от такого мощного ощущения. Подпустив танк на предельное расстояние, первую болванку гранаты я бросил прямо под башню. Пригнулся в окопчике, когда танк прогудел над самой головой, подождал, когда он отъедет, и хладнокровно запустил под башню вторую гранату. Ещё мне привиделось, как взводом мы шли с полигона – впереди наш командир взвода капитан Опекушкин, а я замыкаю последнюю шеренгу, ташу на горбу ящик с гранатами...

И тут сквозь дрёму я услышал свою фамилию:

– Рядовой Полетаев!

Я открыл глаза и увидел перед своим лицом до блеска начищенные сапоги – надо мною стоял наш замкомвзвода Елистратов.

Он снова негромко повторил:

– Рядовой Полетаев!

– Я! – подскочил я и вытянулся перед ним, как полагается солдату.

– За мной! – он пошёл впереди, а я поплелся вслед за сержантом.

Елистратов был невысок, в меру строгий, подчинённых старался не обижать, был, в отличие от Прокудина, справедливым и не заискивал перед горцами, имел своё независимое суждение, за что его уважали в нашей батарее. Один только старшина Серёгин, которому тот непосредственно подчинялся, подтрунивал над ним и за какие-то прегрешения звал Слоном. Так и закрепилось меж нами негласное прозвище замкомвзвода – Слон. Сержант Елистратов привёл меня в кандейку, что находилась возле туалета, где ещё не окончен был ремонт. Из стены, на высоте двух метров торчали электрические провода.

Он сунул мне в руки молоток и зубило:

– Рубани их, чтоб не торчали! Я не дотянусь, а тебе как раз.

А у меня с детства боязнь к электричеству. Осторожничаю, спрашиваю – не под напряжением ли случайно?

– Всё нормально! Руби! – командует, а через мгновение спохватывается, ведь ему самому за меня отвечать в случае чего.

Смыкает провода меж собой голыми руками – раздаётся треск и вспышка замыкания.

Слон отпрыгивает в сторону:

– Итить-колотить, чуть не убило! Ну ладно, иди полы шоркать.

Иду к своим. Сажусь рядом с Андрюхой Алымовым. Шоркаю полы, снимаю стёклышком мелкую стружку. За час взвод прошёл метра полтора по всей ширине казармы. Стёкла тупятся быстро, ломаем их на более мелкие и свежими гранями продолжаем выскребать доски.

Старшина Серёгин бредет меж нами, прилипшими к полу – высокий и статный, похожий на античную статую, и откуда-то сверху вещает:

– Запомните, сынки, – слово «сынки» звучит у него не по-отцовски жалеющим как у комбата Таркова, а имеет иную интонацию – «маменькины сынки». – Казарма для вас – дом родной! Вы должны её любить и холить, как мать родную! Домашние шанежки вы уже переварили и пустили в перегной, забудьте о них на два года! Обещаю вам крепкую половую жизнь, стёкол на всех хватит! Если не хватит – будем «рожать», чтобы хватило!

К полночи стёкла стали заканчиваться. Лишь у пары взводов было пройдено до середины. Нужно было ещё где-то добывать – по-новому, по-солдатски – «рожать».

– Кто знает, где есть стёкла? Если нет желающих, будем рожать всей батареей! – старшина, блестя начищенными сапогами, пробирается меж нами, взирающий на нас сверху вниз, как небожитель.

– Я, – откликается Юрка Мананков, прохиндей из Одессы, успевший цепким глазом осмотреть за три армейских дня округу. Опять же, когда знаешь куда идти, лучше свободно прогуляться, чем пол скрести под надзором сержантов. К нему упорно прикрепились клочки – Манан, Одесса, Хохол и еще Слон, за его немаленький нос – «хобот». Он не имел привычки вообще на что-то обижаться, тем более на клочки.

– Есть желающий с ним пойти? – спрашивает старшина.

– Я, – отзывается Кампаш Салтиев, смело беря на себя часть ответственности – раздобыть среди ночи, без фонаря, в глухой темноте сырого ноября, стёкла.

– Вперёд! Без стёкол не возвращайтесь! – напутствует «добрым словом» Серёгин.

Добровольцы ушли за стеклом, следом куда-то исчезли замкомвзвода Елистратов и командир отделения Прокудин. Стёкол почти ни у кого не осталось, и некоторые уже спали прямо на полу. Меня тоже сморил сон, и в этот раз мне приснился вчерашний день, когда замполит батареи Овчаренко, невысокий, бойкий старший лейтенант, вывел нас в поле с автоматами Калашникова, заряженными холостыми патронами. И целый день таскал нас по сопкам. Мы с Андреем Игумновым из Астрахани ни на шаг от него не отставали, рысачили по округе, атакуя невидимого противника. В первой же атаке мы выпустили весь заряд холостых патронов. Я почувствовал внутри холодок радости от ощущения боевого оружия в руках. В дальнейшем мы громко кричали «Ура!» и забирались на очередную высотку. По-солдатски это называется: «Сопка наша – сопка ваша». Два узбека из нашего взвода, Абдулаев и Рашидов, постоянно отставали, и мы с Игумновым повесили их автоматы на себя. Но и это их не спасло, они едва передвигали ногами. Мы стали им помогать, замыкая нашу группу. Если бы с нами был не Прокудин, который сам едва бежал, а старшина Серёгин или замкомвзвода Елистратов, то этим бедолагам крепко бы досталось. Замполит предоставлял взводу свободу действий и был от происходящего в восторге, которого не скрывал. Он получал мальчишескую радость от этой мнимой «войнушки» и от того, что находился в центре этой военной игры. Сколько десятков километров мы намотали на этих

голых диких сопках со старлеем Овчаренко, одному богу известно. Он сам измотался и нас умотал. Его светящееся улыбочивое лицо стояло перед глазами, когда сквозь сон я услышал сиплый голос Прокудина:

– Рядовой Полетаев!

Я поднял голову и неторопливо поднялся:

– Я...

– Работаем!

– Чем? Где стёкла?

В этот момент в казарму ввалились Одесса с Кампашем, в руках у них было свежебитое стекло. Где они его раздобыли, никого не интересовало и осталось в полном секрете. Главное, что в эту ночь они дали нам всем возможность хоть несколько часов поспать. Приказ комбата – привести казарму в порядок к утру был выполнен. В третьем часу ночи наш взвод окончил работу. Другие тоже заканчивали. Сержант Елистратов оставил пару человек от взвода натирать мастикой полы на нашем участке, остальным разрешил отбиваться. Умученные бесконечным днём, мы сразу провалились в сон, а те невезучие, что остались для натирания полов, с завистью глядели на нас. Им предстояло первыми из нас познакомиться с «Машкой» – железным самодельным полотёром с пятью танковыми щётками для натирания пола мастикой.

КОМАНДА В ОТАР

Прошло всего несколько дней моей службы, но в них столько произошло событий, что на гражданке хватило бы на пару полновесных недель. Дни, расплывшиеся до секунды, начиная с подъёма и заканчивая отбоем, кажутся длинными, как собачья песня. Каждый день нужно преодолевать себя, заставлять делать необходимое, собрав волю в кулак. Приходится привыкать ко всему – к распорядку, к скудной еде, подчиняться командирам, даже тем, которые не заслуживают уважения. И каждый божий день приходится, сжавшись в кокон, быть начеку, чтобы давать сдачу сослуживцам, которые мечтают подмять слабейшего под себя. Ещё пять дней назад я в гражданке ходил по Усть-Каменогорску, прощаясь со своими знакомыми. Я изнывал от обременительной свободы, свалившейся на меня после школы, когда я уехал из родного села в город. Сначала я бросил военное училище, потом меня терпели в техникуме, почему-то не выгоняя за кучу задолженностей. Меня несло по течению, и я мечтал это прекратить, чтобы со временем всё начать с чистого листа. Я перестал себя уважать и мечтал поместить это никчёмное существо, которое все знают как Полетаева Артёма, в экстремальные условия. Мне хотелось посмотреть, на что я способен, есть ли в смысл в моей никудышной жизни. Самым лучшим выходом было уйти в армию, где было предостаточно времени для полезных раздумий. И через неделю после моего восемнадцатилетия я уже находился в части. Уходя, я настаивал на том, чтобы мне в селе не устраивали никаких проводов. Узнав, что на квартиру в городе, где во время учёбы в техникуме мной был снят скромный уголок, пришла повестка, я попрощался с родителями и поехал, прихватив с собой лишь рюкзачок с вяленой рыбой. По совету старшего брата я одел поношенную, недорогую одежду, которую вскоре мне предстояло поменять на солдатскую форму.

Ещё неделю назад я был гражданским человеком. Узнав через знакомых, что наша команда пойдёт на юг Казахстана в Гвардейск, который в народе больше знают как Отар, я отправился к друзьям в Энергетический техникум. Несколько парней из нашей группы, отслуживших в армии, решили меня настроить и как следует проводить на службу.

Прежде всего они отыскивали рослого крепкого парня из другого отделения, подвели меня к нему, познакомили:

– Спрашивай у Володи, он недавно пришёл из Отара!

Я поинтересовался службой, на что тот ответил словами армейского фольклора, сложившегося в недрах прославленного земного уголка:

– Есть на свете три дыры – Отар, Кушка и Мары! – он посмотрел на меня сверху вниз. – Всем, кто прошёл Отарский ад, тому не страшен Бухенвальд!

Видя, что его слова произвели на меня впечатление, добавил:

– Это – учебка, где полгода будут гонять как проклятых. «Малую пехоту» и зенитчиков в большинстве готовят для Афгана, остальных распределяют – немного в Закавказье, а основную часть оставляют в Среднеазиатском военном округе.

На прощанье он меня успокоил:

– Не дрейфь, не ты первый, не ты последний!

В тот, последний день на гражданке мы заняли комнату в недостроенной пятиэтажке неподалеку от магазина «Жастар». Я открыл «дипломат» с водкой и вяленой рыбой. Напутствовали, настраивали, провожали и разбрелись, кто куда. Только изрядно набравшийся бывший стройбатовец Кайрат, с которым мы особо и не дружили во время учёбы, дошёл со мной до военкомата. Он обнял меня и проводил. Я сделал последние шаги к двери и перешагнул порог. На досмотре офицер забрал всю мою вяленую рыбу, пояснив это коротким: «Нельзя!» Нам выдали сухпай и повели к автобусу. На улице стоял невыразимый гвалт – крик, шум, ор, звон решётки, девичий визг – всё слилось в одно целое. Каждый старался перекричать соседа. В этой гуще я услышал знакомый, хрипатый голос Кайрата, выкрикивающего моё имя, чем он очень меня поддержал. Поддавшись общему настроению, он сотрясал решётку руками, стараясь перекричать своего рослого соседа, исходящего на крик. И даже когда автобус выехал за территорию военкомата, мы слышали этот удаляющийся прощальный людской гул.

В те последние часы нас везли по родному городу к вокзалу, где из другого отделения военкомата забрали призывников нашей команды, прибывших из районов области. В автобусе, набитом до отказа пахнущими перегаром парнями, я познакомился с Юркой Краснобаевым из Лениногорска, ставшим мне добрым другом на долгие годы. Ровно час летели на самолёте до Алма-Аты, где мы с новым другом чуть было не отстали от своей команды, решив попить кофе в буфете. Часов восемь шёл поезд на юг, пока не остановился в большом населённом пункте. Несколько команд из разных городов Союза ехало в других вагонах. На платформу высыпала тьма народа, всех стали строить в колонны. По мере готовности, чтобы не допустить стычек между призывниками разных команд, сопровождающий офицер уводил группу в сторону воинских частей, расположенных на пустыре в двух-трех километрах за посёлком. Наша команда была небольшой, человек шестьдесят, и мы ушли первыми навстречу своему солдатскому счастью. Рядом со мной неторопливо вышагивал мой друг Юрка Краснобаев, с которым

мы успели за эти сутки сойтись. С ним мы решили дружить и после дембеля, до которого оставалось ждать миллион лет.

По дороге он мне рассказывал:

– В Отаре служил мой старший брат, в зенитке, в первой батарее. Отсюда его забрали в десантуру, в Актогай. А с Актогая – в Афган. Там он получил осколочное ранение в висок. Домой с медалью вернулся и уехал в Питер.

– Здорово! Может, и мы в Афган попадём, – озвучил вслух я свои мысли.

– Хорошо бы в зенитку попасть! Оттуда многих забирают за речку, – мечтательно согласился со мной Юрка.

Так шли мы в колонне по глухой отарской дороге и мечтали о службе.

Отар – глухое, забытое богом место. Скучность во всём – в растительности, в птицах, в любой живности... Минимум красок – серая и коричневая, серая и коричневая, словно при раздаче в момент сотворения мира Господь обошёл эту местность, оставив лишь неяркие цвета. Зелени – кот заплакал. Чахлые деревца. Каменистая земля. В этой каменистой земле, как мы позже узнали, ломанами вырубали лунки и высаживали привозные деревья. Здесь плохо приживалась жизнь. Многие солдаты гнили от непривычного климата. Нужен был характер, недюжинная сила воли, выносливость и живучесть, чтобы сносно существовать в этих гиблых условиях. Первое моё неизгладимое впечатление – жуткое, болезненное, саднящее душу, словно получил ожог. Это так и осталось со мной, пока я не покинул Отар.

– Вот тебе и экстрим! Ты получил то, о чём мечтал! Ты сам так захотел, – злорадствовал во мне внутренний голос.

С тех самых первых мгновений я настроился на то, что придётся несладко, и до конца учебки не расслаблялся.

Думаю, что не у меня одного возникли такие мысли. Виду никто не подавал. Шумели, покрикивали, кто-то смеялся. Явный лидер в нашей команде – высокий Володя Бердюгин из Зырянска, в прошлом боксер, с кривым ломаным носом громко рассказывал похабный анекдот. Мы подходили к конечному пункту. Асфальтированная дорога делила подразделения на две части: слева стояло несколько пятиэтажных казарм со своими спортивными городками и плацами. Справа стояли одноэтажные казармы малой пехоты и стройбата. На входе, перед каждой пятиэтажкой – на постаментах боевые машины. Перед танковой учебкой – танк, у зенитчиков – «Шилка». У ворот к танкистам нас встретили два худых паренька в робе, которых старослужащие отправили раздобыть сигарет. Они отслужили еще только полгода и по сроку службы в негласном армейском «табеле о рангах» веса почти не имели. Это для нас они казались «бывальными» солдатами.

– Откуда, молодёжь?

– Из Усть-Камана!

– Привет, земляки! Есть с «комендантки»?

– Есть! Я! – протиснулся из толпы плотный брюнет со шрамом на щеке. Пожали друг другу руки, познакомились.

– Угостите сигареткой! – попросил земляк. Тут же несколько пачек протянули с разных сторон. – Может, что домашнее есть?

Повытаскивали из рюкзаков домашнее да еще вещмешок с сухпаем, выданным на всех в военкомате, сунули в руку солдатику, несколько рубликов кинули в пятерню.

– Держи, зёма, а то отоштал тут на общих хлебах... Что ли плохо кормят?

– Сами увидите! – не стал пугать рядовой.

– А как тут со спортом? Тренируют хоть? – поинтересовался кто-то из наших спортсменов.

– Чего-чего, а спорта хватает! – урезонил солдатик.

– Ну, это кому как! По мне хоть с утра до вечера! – козырем ходил зыряновский боксер Вова Бердюгин. Он даже не представлял себе объёмов нагрузки через парочку дней, от которых волком выть захочется!

Пока мы разговаривали, нас догнала чужая команда, больше сотни человек, и стала обходить сбоку. Наш землячок, которому мы подкинули сухпай и домашних шанежек, повернулся к новой команде:

– Откуда будете?

– Из Москвы! – гордо крикнули из неё.

– Дайте рубль! – с ухмылкой обратился к ним солдат.

– Самим надо! Не раздаём!

– Каюк вам, москвичи! – «отблагодарил» или приговорил в ответ наш солдат-землячок.

Те молча проглотили дерзость и ушли. Возможно, в этой команде и шёл повар Вася, которого по странной логике определяют к нам в зенитку, в наш первый взвод.

Сначала нас разместили в казарме танкового полка. Мы расположились в одном углу, а в другом дико улюлюкали, кричали на непонятном языке кавказцы. Огромная команда, раза в два больше нашей. Как позже выяснилось, это были азербайджанцы. Позже, уже в войсках, у меня была возможность познакомиться ближе с этим народом, и в памяти остались о них самые хорошие воспоминания. Но об этом позже. То, первое впечатление от встречи с иноплеменниками было весьма негативным. Вели они себя вызывающе. Раздевшись до пояса, один невысокий крепыш делал сальто на полу прямо в центре казармы. Потом он вытащил из толпы другого и стал с ним бороться. Уложив своего земляка на лопатки, он поднялся, гортанно взвизгнул над своей командой. И всё это предназначалось нам – глядите, какие мы сильные! Конечно же, сама дикость поражала и обескураживала. Но это были не самые гордые представители Кавказа. Нам впереди предстояло знакомство с ребятами с Северного Кавказа. А пока мы недружелюбно взирали на резвившуюся толпу. Мы сами уже превратились в стаю и смотрели на своего вожака, готовые кинуться в бой вместе с ним. Зыряновец Володя с удивительным спокойствием поглядывал на соседей – всё было под контролем. И эту, первую ночь в казарме мы провели благополучно.

Зато в первый же выход на улицу мы столкнулись с небольшой командой азиатов. Это случилось сразу же после того, как у нас забрали гражданку и переодели в солдатскую форму. Сам процесс переодевания стоит того, чтобы сказать о нем пару слов. Это хорошо отлаженный конвейер, где особо никого не интересуют твои параметры, все приблизительно – плюс-минус пару размеров. На складе, куда нас привели, прапорщик и сержант выбрасывали новые хэбэ, ремни, шапки и шинели в протянутые руки. То, что мне досталась шинель пятидесятого размера, а не сорок шестого, начальника склада не интересовало. Шапка чуть больше. Сапог моего размера вообще не оказалось. И я дня три еще ходил в своих ватных сапожках, которые размокали в отарской слякоти, и мне приходилось их постоянно выжимать. В форме и домашних сапожках я больше походил на партизана.

чем на бойца Советской армии. Дня через три мне подобрали старенькие сапоги сорок второго размера, хотя я носил сорок третий с половиной. Ноги я не натирал даже в ту злополучную пору. И лишь при чутком отношении взводного офицера Опекушкина, который через неделю самолично выбил для меня на складе более-менее сносную обувь сорок четвертого размера, я стал ходить пусть не в новых, но в хороших сапогах. Единственное, что всех устраивало, был ремень, который можно было свободно подогнать по талии. И ещё – новые портянки были мягкими и большими, но это до первой бани, больше мне в Отаре такие не попадались. С формой на руках нас завели в помещение, где орудовал «дед»-сержант, который был непререкаемым авторитетом и нагонял «жути» на молодых, вытрясая карманы. Работал индивидуально с каждым, не жалея своего драгоценного времени. Он заводил нас поочередно в загашник, мы выворачивали карманы и отдавали ему деньги, кто не успел припрятать. У меня оказалось немного, рублей пять, ведь не мог человек с гражданки ехать на службу совсем без денег. Я «пятерочку» оставил специально для такого случая, хотя и эти деньги было жалко. Остальные хранились в надёжном месте. Червонец, свёрнутый в трубочку и упакованный в целлофан, хранился у меня за щекой во рту. И если бы, заметив раздутую щёку, этот наглый сержант попытался забраться в мой «сейф», то я бы просто-напросто оставил его без пальцев. Эта заначка здорово выручила меня в первый месяц службы. Видя, что на мне нет ничего ценного из барахлашка, сержант скомандовал: «Бросай в общую кучу!» Других он осматривал более тщательно, откладывая в сторону джинсы, свитера и другие добротные вещи. Из этого заведения мы вышли другими, совершенно не похожими на самих себя прежних. Заходили мы сюда в красивой одежде, подогнанной под размер каждого, все в ярком, а вышли – как под копирку, похожие друг на друга. В коричневых мешковатых шинелях, на головах нахлобучены бесформенные шапки. Подпоясаны ремнями с еще тускловатой, нечищенной пастой ГОИ, а по-солдатски – «пастагоем», звездой. На ногах, как колодки, сапоги. Один я, за неимением нужных сапог, в лёгких «стариковских» ватных сапожках.

На пустыре, недалеко от склада, мы и столкнулись с той самой командой, которую, видимо, вели вслед за нами на переодевание. Вследствие чего мы сцепились, я не помню. Причина могла возникнуть из-за ничего, все были «на взводе», наэлектризованы. Их было меньше, человек сорок. Очень сплочённые ребята из Актюбинска. Видя наше превосходство в «живой силе», они быстро скучковались и стали спиной друг к другу, а мы обложили их кольцом. Нами верховодил и подогревал эмоции всё тот же зырянский боксёр Володя, прошедший в своём тушиковом городке Крым и рым. Актюбинцы ошетинились и при нашем приближении повытаскивали ножи. Вернее, не ножи, а тесаки, и выставили перед собой. Мы тут же отстегнули ремни, которые нам выдали всего пару минут назад, и намотали их на руки. Болтая бляхами, мы ходили на небольшом расстоянии. Непривычные шинели сковывали движения. Стоило зайти за невидимую черту, актюбинцы направляли тесаки навстречу, отпугивая особо ретивых ребят. Напряжение росло, никто не хотел уступать.

Среди актюбинцев выделялся крепкий симпатичный парень с тяжёлым взглядом. Его все слушались. Стоило ему кинуть короткое слово, как земляки тут же выполняли его команду. Он и разрешил накалившуюся ситуацию, обратившись к нам:

– Один на один кто драться будет? Есть мужчины среди вас?

– Есть, – тут же откликнулся Володя Бердюгин, снял с себя шинель, отдав её ближнему, и вышел из нашего кольца вперёд.

Протянув нож своему товарищу, навстречу шагнул лидер актюбинцев. По его лёгкой походке, осанке, крепкой комплекции было видно, что он спортсмен. Наши лидеры стояли друг друга. Сблизились, и началась схватка. Володя провёл несколько удачных атак руками, ловко увернулся от ответного удара. Он понял что имеет дело с борцом и чётко держал дистанцию, не подпуская соперника. Пару минут всё хорошо складывалось для нашего бойца, что заставило его расслабиться и, когда он в очередной раз ринулся вперёд, соперник прошёл в ноги и опрокинул Володю на землю. Всё изменилось мгновенно. Наш боец лежал на спине, а соперник сидел на нём и наносил удары. Володя не сдавался и даже лёжа, из проигрышной позиции, наносил ответные удары.

Мы все были заняты дракой и не заметили, как откуда-то появился прапорщик. Он подошёл к борющимся бойцам вплотную и командным голосом приказал разойтись:

– Встать!

Они стояли перед ним, опустив головы.

– Сразу с дисбата решили начать?! – он оглядел толпу свирепым взглядом. – Вы, в новых шинелях, куда шли?

– В казарму!

– Вот и идите себе в казарму! Становись! Шагом арш! А вы, которые без шинелей, идёте на склад? Становись! За мной шаго-ом арш! Щас я вас приодену!

Ночь прошла без происшествий. Утром, спозаранок, в казарме появился первый «покупатель». Нас построили в одну шеренгу. Мы с Юркой Краснобаевым стояли в середине плечом к плечу. Высоченный капитан шёл вдоль строя и с высоты своего роста внимательно осматривал нас. По шеренге покатилося через нас и дальше, в конец, волнительное: «У него в петлицах – две пушки! Не то артиллерист, не то зенитчик!»

– Хорошо бы зенитчик! – заволновались мы с Юркой.

Капитан выбрал несколько человек, прежде чем оказался возле нас. Шинель великолепно сидела на его фигуре. Когда он подошёл ко мне вплотную, я хорошо его рассмотрел. У него немного вытянутое лицо, русоволос, он чем-то походил на известного актёра Николая Олялина. Чувствовалась исходящая от него мощь и сила.

Он остановился напротив меня:

– Фамилия?

– Полетаев!

– Выйти из строя!

– Есть! – я сделал два шага вперёд.

Комбат остановился возле Юрки.

– Фамилия?

– Краснобаев!

– Выйти из строя!

– Есть! – сделал два шага вперед со счастливым лицом мой друг.

Мы попрощались с ребятами из нашей команды, теперь наши дороги разошлись. Став в две шеренги, дружно шагали за капитаном. Было нас не больше

восьми человек, Володя из Зырянска был тоже в этой группе. Мы, довольные, что попали «в зенитку», с перспективой оказаться в Афгане, прошли мимо поста-мента с «Шилкой» в зенитный полк. Мечты сбываются. Есть Бог на свете! Есть!

На плацу нас стали разделять по батареям. Юрку забрали в первую, меня Тарков взял в четвёртую, остальных – во вторую и третью. Нас всех перед казармой раскидали по разным группам, смешав с ребятами из других команд. Рядом со мной оказался тот крепкий паренёк, который одолел в драке нашего Володю Бердюгина

Он протянул мне руку:

– Кайрат, из Актюбинска, Казахстан.

– Сергей из Усть-Каменогорска, Казахстан. Земляки, значит.

– Земляки! – подтвердил радостно Кайрат.

Познакомились, разублались. Непонятно стало, а чего дрались-то вчера?

– Вижу, что ты спортсмен. Чем занимался? – поинтересовался я у Кубайдулина.

– Вольная борьба. КМС.

– Понятно!

Нас завели на четвёртый этаж и раскидали по взводам. Меня в первый – это сразу влево по коридору, а Кайрата – в третий, чуть подальше. Напротив нас, справа по коридору – второй и четвёртый взводы, отделенные от нас полосой коридора, которую сержанты называют «взлёткой». Эту «взлётную полосу» мы будем иногда чистить стёклышками, а дневальные еженощно натирать мастикой. Батарея к нашему появлению почти полностью набрала штат. Больше сотни человек! Всяких национальностей! Весь Советский Союз! В нашем взводе – три чеченца, два молдаванина, два казаха, два узбека, два татарина, осетинец, гагауз и горстка русских из разных краёв. Позже появится рыхлый толстячок из Москвы, повар, который будет появляться лишь на вечерней поверке. Первое впечатление жутковатое – засилье кавказцев. В других взводах – аварцы, лезгины, чеченцы, балкарцы, кабардинцы – почти весь Северный Кавказ тут собрался. Скоро я близко познакомлюсь с горячими горцами. Есть немного прибалтийцев, которых здесь почему-то окрестили «лабусами». Есть «трошки» хохлов. Говорят, что до нас было много ребят из Киргизии. Также, говорят, весёлые ребята! Нам от них достался командир отделения, мой непосредственный начальник, младший сержант Прокудин. Редкий экспонат!

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ

После первой ночной чистки стёклышками полов, проспав около трех часов, мы встали по расписанию в шесть утра, разбуженные командой дневального: «Батарея, подъем!» Младший сержант Прокудин выработал дурную привычку – вскакивать после утренней команды и, протирая мутные глаза, пробираться по проходу к моей кровати. Он первым поднимал именно меня. В это тяжелое в подъеме утро после ночных бдений Прокуда осипло кричал: «Отделение, подъём!» И снова подскочил ко мне. Я спал на втором ярусе, на входе. Рядом со мной спал земляк Коля Зубарев, что приехал в другой команде. Он стал свидетелем этой утренней побудки. Осоловелое со сна лицо Прокудина находилось на уровне моего. Когда командир отделения протянул руку, чтобы сорвать с меня одеяло, я специально поднял обе руки, давая ему такую возможность:

– Тяни, хоть будет за что тебе врезать!

Прозвучало это резко и грубо, отчего сержант испарился, и со следующего утра начинал побудку с других. Зубарева, свидетеля моего утреннего «общения» с Прокудой, сие утреннее приветствие рассмешило, и он с хохотом спрыгнул вниз.

– Форма одежды номер два! – громко вещал старшина Серёгин. – Пять минут туалет! Через десять минут все стоят на плацу повзводно для проведения утренней зарядки!

Молниеносно влетев в брюки-хэбэ, резво намотав портянки и надев сапоги, мы мчались в туалет. Благо, наш взвод располагался ближе всех к выходу, мы еще успевали справить нужду. Остальным везло меньше – через пару минут залетали сержанты и, стоя над душой, начинали кричать: «Бегом! Бегом!» Прогнать больше ста человек в течение пяти минут через туалет просто нереально! Длинный писсуар вдоль стены, где могли поместиться человек пять, да пять кабинок не могли пропустить так быстро весь поток. Со временем мы становились умнее и, чтобы не создавать толчею в туалете, сразу бежали вниз, за казарму, где спокойно совершали свое «дело», отчего вся задняя стена до уровня пояса была желтой и за зиму обросла ледяными сталактитовыми наростами.

Форма номер два – с обнаженным торсом, без верхней одежды. Ёжась на пронизывающем ветру, мы дождались последних, менее расторопных сослуживцев. Кампаш замыкал строй, подгоняя отставших. Сержант Елистратов – сбитый крепыш, с наличием развитых мышц, стоял сбоку. Рядом с ним – худой, болезненный Прокуда, дрожал всем телом.

Слон командовал:

– Бегом, – мы по команде согнули руки в локтях и немного наклонились вперед, – марш!

Мгновенье – и мы срываемся с места, бежим по плацу к спортивной площадке, к беговому кругу. Навстречу нам в темноте двигается масса народа. Колонна проходит скорым шагом, в полной экипировке – с вещмешками, на боку у каждого котелок, на плече автомат. Те, у кого нет автоматов, по двое тащат на плечах крупнокалиберные пулеметы, цинки с патронами, ящики на плечах. Они уходят в ночную темь, в сторону ещё не облаканных солнцем сопок. Многие из них через несколько месяцев уйдут «за речку».

Наш замкомвзвода, перекрикивая грохот сапог, звяканье котелков, бряцанье оружия, кричит:

– Радуйтесь, что вас Бог миловал и вы не попали в малую пехоту! Тут вы как у Христа за пазухой! Балдеете! – он старается придать взводу очертания воинского коллектива, а не разрозненного стада, которое больше напоминает наш бег вразброд. – И ра-аз, и ра-аз, левой, левой!

В толпе заминка, и после очередной команды строй выправляется и все бегут в ногу.

– Раз, два, три, левой, левой! – теперь бег настроен, как часы, отчётливо слышится и радуется Елистратова.

Слабенький здоровьем Прокудин едва успевает, глубоко дышит, тяжёлые ноги путаются, – плохой пример для подражания. Пробежав несколько кругов, мы хорошо разогрелись и занимаем свое место на плацу.

Один из сержантов, встав впереди выстроившейся повзводно батареи, показывает упражнения зарядки, командует:

– Раз, два, три! И раз, два, три! Позу лежачую принять! Отжимаемся на счет раз-два. Раз – отжались, два – исходное положение. И раз, два. Раз, два-а. Раз, два-а...

По соседству, не в силах отжаться, плачет слезами Железняков из третьего взвода. Рядом с ним еще один нытик, такой же, под стать ему, дружок. Оба откуда-то из центра России. Их одергивает Кубайдулин Кайрат из Актюбинска, явный лидер в их взводе. Это всё я успеваю увидеть, пока мы отжимаемся.

Легко, как пушинка, отжимается мой дружок Андрюшка Алымов. Мне тоже легко дается это упражнение. Наверно, оттого, что вырос в деревне и привык к труду. Оттого, что старший брат заставлял заниматься на турнике, учил играть в хоккей и футбол. И к тому же, я давно готовился к армии, каждый вечер бегал кроссы по несколько километров. Особенно последние пару месяцев, когда мы с другом Айдарбеком бегали по песчаной дороге за селом и по барханам. Теперь мой друг тоже где-то на юге, в афганской учебке, в Ашхабаде.

По окончании зарядки мы поднимаемся к себе на четвертый этаж. Учимся застилать койки. Чтобы одеяло было натянуто, края заправляют под матрац, который немного согнут наружу. При выравнивании матраца одеяло натягивается. Прокудин показывает, как нужно выправлять подушки по нитке, натянутой вдоль кроватей нашего взвода. Два человека натягивают нитку с двух разных сторон и перемещаются с нижнего яруса на верхний. По той же нитке выправляют полосы на одеялах – чтобы они плавно перетекали одна в другую. Кто не попал в линию, перестилает кровать заново. Кантики на одеялах на всех кроватях набиваются специальными деревянными приспособлениями – «льжками». Табуретки – одна к одной. Пол убран влажной тряпкой. Несколько минут на мытьё-бритьё, одевание, и спускаемся вниз для построения на завтрак. Наша столовая находится через дорогу возле расположений малой пехоты. Там же, неподалеку, стоит одноэтажный штаб нашего подразделения. На завтрак идём, чеканя шаг, голодные, старательные.

Сержант Елистратов командует:

– Песню запе-вай!

Дробно, вразнобой запеваем:

– У солдата выходной, пуговицы в ряд...

– На месте... Стой! Раз-два, – прерывает разноголосицу замкомвзвод. – Итить-колотить, что это было? Такую песню изувечили! Певцы недоделанные... Не умеете петь – научим! Запомните, советский солдат умеет всё! Мы можем вместо завтрака песню разучить, хотите? – мучает нас сержант.

В ответ – недовольное мычание.

– Где Чеботарь? Ты вроде на гитаре бацаешь? Вот и запевай! – требует Елистратов.

Ваня Чеботарь затягивает, голос у него хороший. Вчера он запевал неплохо, только слова пел мягко, с добрым молдавским акцентом.

Он ссылается на своё произношение, сержант его обрывает:

– Запомните, мы все дети одной большой страны. И все мы разные и непохожие. И это нас только украшает! Чеботарь, запе-вай!

Мы уже боимся опоздать к завтраку, рады, что нашёлся добрый человек, умеющий петь, а то бы остались голодными, если верить Елистратову.

– У солдата выходной, пуговицы в ряд.

Ярче солнечного дня золотом горят!

Спели по-гвардейски, с воодушевлением – есть-то охота! Расположились колонной возле столовой в ожидании своей очереди. Высоченный старшина Серёгин в красиво подогнанной по фигуре шинели стоял перед нами, невозмутимый и недосягаемый, как божество. Он уже «дед», ему осталась самая малость до дембеля, как нашему Елистратову и другим замкомвзводам. А нам что медным котелкам до конца службы. И кажется, что наш дембель не наступит никогда. Но старшина Серёгин нам уже как-то сказал, а он не может врать: «Запомните, сынки! Дембель неизбежен, как крах империализма!» И мы ему верим! И надеемся, что это чистая правда!

По команде, быстрым шагом мы зашли в столовую, заняли места – по десять человек за один стол, ожидая команды к принятию пищи. Голодными глазами излапали небогатую еду, каждый оценил, что успеет взять, оглядел едоков, попавших за свой стол, что очень важно. Если за стол попадало два-три кавказца, то считай, что тебе повезло как утопленнику. Хорошо, если ты сможешь отстоять свою пайку. Многие не могут, и с каждым днём становятся слабже, потому что растущему организму нужна здоровая пища и в достаточном количестве. Со временем эти ослабевшие ребята попадут в зависимость от более сильных, которые подомнут их под себя.

Наконец поступила команда: «Раздатчикам пищи встать! К раздаче пищи приступить!» Раздатчик раскладывает еду черпаком по алюминиевым чашкам. От него много зависит – он может одному набрать неполный черпак, а своему другу или земляку – с горкой. Смотрим, голодные, на стол, ждём. Серёгин командует: «К принятию пищи приступить!» Мы падаем за столы, хватаем два-три куска хлеба, кладем на стол возле себя. Если первую неделю все привыкали к еде и присматривались друг к другу, немного осторожничая, то вскоре, видя скудость стола, полную нехватку пищи, даже обычного хлеба, совершенно переставали обращать внимание на такие мелочи, как элементарное уважение. Выживал сильнейший – самый грубый, самый наглый. Пока сержанты ели пищу за своим, не особо богатым столом – из общего котла, только, возможно, чуть погуще и чуток пожирнее – солдаты моментально смолачивали свою убогую еду, которой вволю не хватало даже самым сильным. Голова пригнута, ложка мелькает по короткой траектории от тарелки до голодного рта, свободная рука висит сбоку от баланды, очерчивая неприкосновенную межу. Чувства пресыщенности я там не помню. Зато хорошо помню, что есть там хотелось всегда! Даже выходя из столовой, ты не мог сказать, что наелся. Словно тебя обманули. Поначалу возле поварского окна, на столе, ещё стояли разносы с черными сухарями, куда бежал кто-нибудь один от стола и приносил разнос. Но со временем сухари исчезли.

В этот солнечный день, сразу после завтрака, нас построил командир батареи Тарков, и мы отправились на зенитный полигон. Шли повзводно, вся батарея. Впереди маячила высоченная фигура комбата. Широким размеренным шагом он задавал тон всему движению. Когда мы прошли КПП Гвардейска и поднялись к сопкам, батарея заметно растянулась. Мы шли налегке, без вещмешков, автоматов и прочей амуниции. И нам было не в пример легче, чем нашей малой пехоте, которая встретилась нам в утренней темноте, брнчащая автоматами и котелками. Капитан Опекушкин, наш взводный, шёл рядом с комбатом. Он был тоже высок, но заметно ниже Таркова. Говорили, что они окончили одно училище и были хорошими друзьями. (Знать бы, где это училище, поклониться ему до

земли и сказать большое солдатское спасибо за этих элитных офицеров!) Вместе они попали по распределению в эту дыру, где уже прослужили больше пяти лет. За это время Тарков стал легендой Среднеазиатского военного округа. Наши сержанты говорили, что он собрал все возможные титулы по боксу – абсолютный чемпион Среднеазиатского военного округа, обладатель Хрустальной Перчатки, мастер спорта международного класса! Вот так величина, до которой даже нашему старшине Серёгину не добраться. Потому он и становится розовощёким как после бани, когда рядом стоит комбат Тарков.

Есть ли что на свете более унылое и безжизненное, чем Отарские сопки? Возможно, но я не видел! Скупое однообразие! Голые камни, ни деревьев, ни живности, одни большие, чёрные, как гудрон, вороны. Откуда офицеры знали дорогу на наш полигон, как они ориентировались в этих сопках, похожих, как близнецы, одна на другую? Лёгкий снежок, которым были присыпаны горки, растаял, и под ногами – чавкающая грязь. Мы шли и месили сапогами грязюку, волочась на полигон, двенадцать километров от Гвардейска. Одно успокаивало, что не для удовольствия этот поход на природу, а мы выполняли обычный солдатский долг. Да и вольнее в походе себя чувствуешь, чем, скажем, на плацу, где мы скоро будем «умирать» целыми днями на строевой подготовке. Шли мы с Андрюхой Алымовым плечом к плечу, разговаривали о гражданке, как нам было хорошо дома и какие вкусные пирожки нам готовили наши матери, которых мы так мало ценили. И мы обещали, что когда вернёмся, такие возмужавшие, прошедшие огонь и воду, вот тогда мы отблагодарим своих матушек и отцов за всё.

Полигон для стрельбы зенитчиков не произвел на меня должного впечатления. Я ожидал большего. На одной из сопки – несколько неглубоких ям, выдолбленных в каменистой земле, куда должны были заезжать «Шилки». Позиция отличная – далеко видать. Постояли на возвышенности минут двадцать, послушали офицеров. Комбат сказал слово о том, что из нас будут делать настоящих солдат, механиков-водителей. И ещё о том, что многие из нашей батареи отправятся «за речку». А для этого нужно обретать навыки вождения и иметь базовые знания, чтобы не стать лёгкой мишенью для врага. Одним словом, настроили нас на службу. В общем, этот выход на полигон заключался не в том, чтобы показать эти ямы, а чтобы мы на себе прочувствовали с самых первых дней, что нам предстоит серьёзные нагрузки и понадобится недюжинное здоровье.

Солнце припекало, когда мы возвращались назад. В низину сбегали ручьи. Почву развезло. На сапоги налипали килограммы грязи, отчего ноги тяжелели, будто мы шли в колодках. Ноги скользили и утопали выше щиколотки, приходилось с чавканьем вырывать сапоги из слякоти. Кто-то тихо хлюпал носом от усталости, кто-то шутил и, преодолевая себя, находил в этом повод для самоуважения. В одном месте Кампаш Салтиев оказался рядом со мной плечом к плечу. Здесь, на природе, он, как ни в чём ни бывало, стал рассказывать мне про свою родину, что у них ценят тех, кто служил за границей, и еще тех, кто служил в Казахстане. С этого похода на полигон у нас с Кампашем сложились отношения мирного нейтралитета.

Уже в Гвардейске, по дороге к полку, мы нашли место, где можно было смыть грязь с сапог. На обед мы опоздали на пару часов, но еду нам оставили, так как поваров ещё с утра предупредил старшина о нашем походе. Остаток дня провели на плацу, отрабатывая строевой шаг. Уже в темноте, после ужина, когда мы воз-

вращались к казарме, нашим глазам предстала утренняя картина, только движение было в обратную сторону: брэнча котелками и автоматами, неся на плечах крупнокалиберные пулеметы, возвращалась домой со своего полигона малая пехота. Среди них были и ребята, что приехали с нами в одной команде с гражданки.

Замкомвзвода Елистратов, после того, как пехота удалилась, во всеуслышание заявил:

– Итить-колотить, как вам, ребята, повезло, что вы попали к нам, а не в малую пехоту!

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ, ИЛИ ПОХОД ЗА БЕТОННУЮ СТЕНУ

Пехота у нас делилась на большую и малую. Большая пехота готовила механиков-водителей и стрелков, которые должны были ездить на боевой машине пехоты (БМП).

Их пятиэтажка стояла следом за нашей. А дальше – пустырь до самого Гвардейска, в котором находилось ещё несколько полков – артиллерия, связь и другие. Малая пехота готовила пехотинцев – ту самую царицу полей, которая на своих плечах выносит всю тяжесть сухопутного боя. С малой пехотой мы пересекались больше чем с кем-либо. Столовая, клуб и даже наш штаб находились на территории малой пехоты. Через нас пехота уходила на свой полигон. По соседству с пехотой – стройбат. От него, как от чумы, отгорожен наш мир глухой бетонной стеной. Рассказывали, что там царит «дедовщина», как нигде в Отаре, потому что это не учебное подразделение, как у нас – с элитными офицерами. В стройбате служат все два года «от звонка до звонка», без какой-либо перспективы поменять это гиблое место на что-нибудь более-менее сносное. Отарский стройбат – это приговор, это наказание для нормального человека. Через много лет на этом месте расположится дисциплинарный батальон – дисбат. Хрен редьки не слаще, как говорят в народе. Один раз я сходил за эту бетонную стену... Дернул же меня чёрт!

Было это воскресным днем в начале декабря.

Чем хорош воскресный день для солдата? На завтрак два яйца полагается и, возможно, каша будет из гречки. Еще – поведут в клуб, где будут показывать фильм, воспитывающий человека морально устойчивого, настоящего патриота. Спинок там у лавочек нет, чтобы солдаты не спали. Но если хорошо приспособиться, то можно, прислонившись плечом к плечу, подремать с другом в темноте. Уставшие от нагрузок, мы за это и любили наш клуб, что там можно поспать. Чем плох этот день? Каждое воскресенье устраивают спортивный праздник. Это праздник для кого угодно, только не для солдата. Праздник – от слова «праздновать», значит отмечать, радоваться, отдыхать. Интересно, рада ли лошадь, промчавшаяся десяток верст по байговскому кругу? Взмыленная, мокрая, загнанная лошадка... Так и у солдат. Кто додумался только назвать это «праздником»? На эту уловку мы и попались, когда в первое воскресенье нас повели на этот самый радостный день. Оказывается, ты не посторонний наблюдатель этого действия, а самый непосредственный участник. Исключений нет, все радуются! После тяжёлой недели, где тебя с утра до поздней ночи гоняли как Сидорову козу на спортивной площадке, на плацу, в выходе на полигон, логическим завершением армейской недели является воскресный спортивный праздник.

Накануне декабря навалило снегу, местами по колено. Комбат Тарков дал приказ получить оружие выше этажом, в УБВТ (учебная батарея военных техников). Они учили нас вождению, занимались ремонтом и имели, в отличие от нас, оружие. Мы знали, что там была какая-никакая «дедовщина», что они жили по другим законам и служили здесь, как и наши сержанты, полный срок – два года.

Нас вывели на какой-то заснеженный пустырь за малой пехотой, расставили людей на этом участке и дали старт. Бежали мы в шинелях, что само по себе – занятие непростое, к нему нужно долго привыкать. Особенно если шинель не по росту длинная, её полы сковывают бег и мешают ногам. Автомат на плече постоянно бьется об руку, его лучше перекинуть через шею на спину, чтобы ремень был внатяжку, либо висел спереди, чтобы держаться за него руками. Если прибавить ко всему снежную целину, местами доходившую до колена, то можно представить, какой был у нас праздник в то воскресенье. Весь полк, четыре учебных батареи, несколько сот человек отправили на шестикилометровый круг. Кто-то бежал трусцой, кто-то во всю прыть. Я прибежал вторым. Поэтому хорошо запомнил тот день. Самым сложным было выйти перед строем и пройти по плацу на глазах у всего полка, чтобы получить грамоту. Меня от волнения поколачивало, но я всё же справился. Вручал капитан Нефёдов, наш полковой спорторг. Он невысокого роста, сухонький, жилистый, нос гнут-перегнут – боксёра видать сразу. Рядом с ним стоял замполит полка, эдакая бомба в шинели, со всех сторон круглобок, щекаст, внушитель. У спорторга Нефёдова крепкое рукопожатие. Он на эмоции скуповат, немногословен. И ещё – честный офицер и мировой мужик, как выяснится в процессе службы. Тонюсенькая грамота у меня в руке.

Пересиливая свою стеснительность, стоя перед целым полком таких же, как я, солдат, отчетливо, громко, я отчеканил:

– Служу Советскому Союзу! – и ушёл, старательно печатая шаг.

Стал в строй под одобрение комбата Таркова и взводного Опекушкина.

Так прошёл день до обеда. Грамоту, чтобы не потерялась, я свернул вчетверо, положил в конверт, на листке написал небольшое письмо и отправил родителям. Мне хотелось порадовать родных, показать, что я уже не тот шалопай, которым был ещё недавно.

Часа два после обеда мы занимались строевой подготовкой, впечатывали шаги в бетон плаца, словно пытались его раздолбить подошвой сапог, – так требовал от нас сержант Елистратов. Эхо вслед за нами гуляло вдоль казармы чеканным шагом.

Было ещё светло, когда нас привели в клуб. Это было одноэтажное здание с бетонным полом, куда насмерть вбетонированы узенькие железные лавочки. В нем было прохладно, как в морге. Мы с Андрюхой Алымовым заняли места недалеко от входа, так как у нас созрел план. Нужно было тихо покинуть помещение, чтобы остаться незамеченными. В крайнем случае сказать, что пошёл по нужде. Желудок посасывало, будто внутрь тебя забрался голодный упырёк и требовал постоянной подпитки. А у моего друга Андрюхи Алымова оставался последний рублик из тех, что чудом сохранился ещё с гражданки. Обычно мы бегали в магазин к танкистам или в ремонтный полк. А в этот раз сходить в магазин не успели. А рублишка был, и он жёг другу карман. Нужно было истратить, пока его не украли ночью. Выход был один – идти в стройбат, кто-то сказал, что там есть чпок – так мы называли небольшой магазинчик. В прошлый раз Андрюха бегал, теперь был мой черёд.

Есть хотелось, нужно было чего-нибудь купить. И я пошёл. До бетонного забора было недалеко. Хорошо натопанная тропа вела к тому месту, где находился магазин. Сбиться с пути было сложно. Не я первый, такой умный, шагал по этой тропе. Путь до забора я преодолел в считанные секунды. С разгона взлетел на высокую стену, ловко крутнулся и оказался в стройбате...

Картина, представшая перед моими глазами, коробит меня при одном упоминании о том «походе». По обе стороны тропы стояли деды-стройбатовцы! Они оценивающе оглядели меня. Верзила в расстегнутой шинели от радости даже хлопнул в ладоши, в предвкушении поизголяться над юным солдатиком.

– Оба-на! Вот так подарочек! «Дух» с неба к нам свалился!

Ещё один старослужащий солдат, чуть поменьше ростом, петухом выхаживал перед товарищами. Несмотря на прохладу, хэбэ на его груди была расстегнута. Подшивка подворотничка, в палец толщиной, сверкала белизной.

– А энто вроде не пехтура, другой какой-то. Гля, два хрена на петличках! Зенитчик, однако.

– Салабон, он и в Африке – салабон! Дух есть дух! – попытожил третий.

Пока я шёл по тропе к магазину, они смеялись надо мной. Друг перед другом извивались. Не худые, крепкие ребята в «набитых» «квадратных» шапках, какие положено носить только «дедам». Шинельки у них нарастапашку, видны брюки хэбэ в обтяжку, «ушитые» дальше некуда. Место тут «прикормленное», сколько залетает разных голодающих на свет продуктового магазинчика! Чинно и «благородно» вели себя: не били, карманов не выворачивали, на последний рублишко не посягались. Свой бы, может, я и отдал, если бы добром попросили, а вот за Андрюшкин рублик я бы точно огрызнулся! Напряжённо прошёл я сквозь строй «дедов» в магазин. Глянул на полочки с продуктами. Да, не шибко-то тут разгуляешься на свой «золотой»!

– Дайте мне пряников на весь рубль! – прошу продавщицу.

– Я-то дам пряничков. Вот как ты назад пойдёшь?! – жалеет меня продавщица.

– Не знаю... Как-нибудь пойду! Не стоять же теперь тут.

Насыпала она мне красивых заливных пряничков – целый кулёк, через край. Парочку я успел рассовать по карманам. И пошел. Я старался всегда не тянуть с тем, что неотвратимо. Если этого нельзя избежать, то нужно делать шаг вперед без раздумий. Перед смертью не надышишься, как говорится. Хлопнула дверца за спиной. Пряники обнял я двумя руками.

– А не угостите ли пряничком? – умыкнул пряник из-под руки первый «дедушка».

– На территории доблестного стройбата жадин не любят! – улетучился следующий пряник.

– Не побрезгуйте «дедушкой», снизойдите, – еще парочка просочилась сквозь руки.

Кто-то снял с меня шапку: «Фокус-покус!» Я потянулся за ней, оторвав руку от кулька. В этот момент пряников стало ещё меньше. Шапка опустилась на голову, я закрыл рукой остатки пряников, в два прыжка отделился от назойливой толпы и перемахнул через высокую бетонную стену. Одного боялся – чтобы шапка не слетела с головы во время прыжка, как-то она на голове плохо сидела. Петляя по тропе, я подбежал к клубу и незаметно прошёл на свое место. Андрюшка уже кимарил. Он прохватился от сна, молча, ожидая, чем я смогу его порадовать.

Я протянул пожульканный кулёк:

– Это все, что осталось! Стройбатовские «деды»... Угостились...

Друг понял меня с полуслова. Взял пряник и, не торопясь, с удовольствием, стал его есть. Я тоже взял пряник. Был он мягкий и таял во рту. Всего по два пряника нам осталось. Мне вспомнилось, что в карманах у меня еще парочка припрятана. Я достал, но они были помяты, потому что я про них забыл, когда сиганул через препятствие, покидая доблестный стройбат. Но это уже не имело значения, потому что они были вкусными даже в таком виде. Вывернув карманы, мы поровну поделили обломки и в этот вечер были не голодны. Одно меня расстроило – моя шапка. Мне показалась она подозрительной. В темноте, наощупь, я обнаружил внутри шапки спичку. Сквозь прорезанную дырочку внутрь были заправлены шнурки от ушек и закреплены этой спичкой. Такую «модель» только «годки» и «деды» могли себе позволить. Шапка оказалась не моей. Имела форму – кто-то когда-то над ней трудился, но со временем она изнашивалась и вот, путём нехитрого «фокуса» оказалась на моей голове. А моя новенькая, бесформенная, но теплая «слонячья» шапка ушла в надёжные чужие руки.

– А шапка-то не моя, – признался я другу.

– «Деды»? – догадался Андрей.

– Ага!

Он повертел в руках невысокую поизношенную шапчонку, поднял вверх, рассматривая её в лучах синема:

– Крутая шапка! Зато как «дед» будешь ходить! – успокоил меня дружище, как это он умел делать. – Всё равно та бы до дембеля сносилась. Думаешь, моя не сносится?! Ещё как сносится! Всё равно на дембель искать придётся новую...

– Если доживём! – неожиданно вырвалось у меня полное отчаянья слово.

– Доживём! Обязательно доживём!

– А если взводный заметит или комбат?

– Ничего страшного! У тебя украли твое добро, сейчас по всему полку все друг у друга воруют, а ты «родил» себе новую шапку. Такую можно только с «деда» снять, – это он сказал, как будто речь шла о скальпе или шкурке какого-то животного. – Правда, не новую, а другую. Какая разница какую! Главное, она у тебя есть в количестве одной штуки, и всё! Ты же не будешь объясняться, что во время фильма ты вместо того, чтобы его смотреть, пошел в стройбат за пряниками!

– Нет, конечно, – подтвердил я.

– И в стройбат ты не пойдёшь на разборки с «дедами», правильно? Просто теперь забудем о стройбате совершенно, а будем ходить к танкистам. Там намного безопасней!

ПОБЕГ

Голод – не тётка! Есть хочется постоянно. Хорошо, что снов нет, а то бы тоже снились всякие глупости, вроде домашних шанежек. В Отаре мне совершенно не снились сны. Мы, едва живые, доползали до кроватей, падали в них и отключались. Наши солдатские постели казались нам мягче всяких перин.

Примерно через неделю нашей службы к нам в казарму пожаловал большой начальник. Поставили в коридоре табуреты ровными рядами, уселись, и потекла беседа. Полковник «задушевно» расспрашивал нас о службе, всё ли нам нравится,

попросил писать записки с вопросами. Я тоже написал вопрос: будет ли улучшение питания? Беседа протекала мирно, пока не зачитали мою записку. Боже мой, что тут началось! Полковник рассвирепел не на шутку и вылил помойное ведро ругательств на стриженую голову солдата, посмеявшего написать такое. Как рука у неблагодарного солдата не отсохла, когда она покусилась замахнуться на самое святое в этом гиблом месте, на еду! Я пожелал остаться инкогнито: «Извините, не знал, что это запретная тема, впредь буду осторожнее».

Вскоре после этого памятного для меня вечера в наш взвод привели пухленького москвича с наеденными, как у хомяка, щёчками, беленькими ручками, эдакого барчука. Был Стасик Афонин незлобивым, не создавал вокруг себя шума, был добродушным малым, мягким до невозможности. Его судьба была бы предсказуема, если бы он не был поваром. Чей сынок, откуда взялся? Почему его определили в зенитный взвод? Какое отношение он имел к нам? К тому же он работал не в нашей столовой. Уходил до подъёма, а возвращался только на вечернюю поверку. Жил по своему распорядку. Грязь на полигонах вместе с нами не месил и целыми днями на плацу не умирал, стаптывая каблуки. С работы он приходил бодрым, словно была возможность отдохнуть. Так что лишние калории на солдатскую работу у него не уходили, в отличие от нас. Подхарчеваться у него всегда была возможность, всё под рукой. Кто уследит за тем, что ты закинул в рот, что ты там «на соль» пробуешь и что ты в брюхе своём унесешь? И посылки ему слали из Москвы каждую неделю. Повар продолжал лосниться и жил припеваючи. Никто его не трогал по той причине, что его взял под свою опеку Салтиев Кампаш, собравший вокруг себя крепкий костяк из сослуживцев. Вечером, когда Стасик возвращался в казарму, вся батарея готовилась к отбою, подшивали подворотнички, начищали сапоги. Афонин вытаскивал из какой-то тряпицы булку хлеба, рафинад и угощал взвод. Москвича усаживали на табурет у окна, где менее всего было видно столпотворение, и с дельным видом слушали его сладкоголосые речи, потребляя его хлебушек и хрустя его рафинадом. Особенно когда Афонину приходила посылка, сколько в ней было вкусенького, чего ребята с окраин никогда даже на гражданке в глаза не видели, не то чтобы есть. Каждому во взводе хоть маленько, но доставалось, невзирая на сложившийся статус среди сослуживцев. Нам завидовали ребята из других взводов, ведь у них не было такого Стасика.

Всё закончилось в один вечер, когда Афонин не пришел на вечернюю поверку. Отбой отменили. Батарее отправили на поиски москвича. Разыскали столовую, в которой он работал, но там сказали, что Стасик давно ушёл. Рыскали по округе, но найти не могли, как в воду канул наш поварёнок. Нашёл его батарейный прохиндей и любимец старшины – Одесса, Юрка Мананков. Его с некоторых пор подтянул к себе Серёгин за незаменимую в тех условиях живучесть и виртуозную способность добывать из-под земли дефицит. Юрку поставили управлять каптёркой. А это, скажу я вам, самое тёплое место. Как говорится, и сыт, и пьян, и нос в табаке. Каптёрщик не только следит за содержащимся там имуществом, он ещё и свидетель всех тайн старослужащих. Сюда они тащат добытые вещи, чтобы спрятать их в заветный дембельский чемоданчик. Здесь они хранят свою парадную форму, чтобы одеть её несколько раз в жизни и в ней покинуть полк навсегда. Здесь происходит вся ночная жизнь, спрятанная от зоркого офицерского ока. Тут устраиваются небольшие застолья и разборки с провинившимися сержантами. Чтоб быть каптёрщиком, нужно иметь определённый душевный склад,

свойственный очень немногим людям. Одесса был прирожденным каптёрщиком. С Салтиевым Юрка был в приятельских отношениях по той же самой привычке – умению добывать дефицит из-под земли, он был первым в окружении Кампаша. И когда наш московский повар приносил гостинец или открывал очередную посылку, горсть рафинада или конфет «Рот Фронт» через Одессу прямоком попадала на стол к старшине.

В тот злополучный вечер Мананков тоже был вынужден искать Афонина. Чуть его не подвело: «Раз уж на улице холодно, значит, этот теплокровный поварёнок, – размышлял Манан, – нашёл тёпленькое место, где спокойно тарится». Пройдя вдоль дороги к столовой, он в сторонке отыскал одинокий след в снегу, который петлял к люку теплотрассы. Там и был обнаружен повар, решивший поспать по дороге в казарму, где он себе давно устроил лежбище и ежедневно отдыхал. А в этот раз проспал. Его били недолго и несерьезно, и не по лицу, чтобы не осталось следов. Наш взвод таким образом «искупал вину» перед всей батареей за нерадивого солдата, который затесался в наши ряды. Изрядно помятого Афонина доставили в казарму. Вскоре повара перевели в другое подразделение, потому что у нас после этого случая его бы «зачморили».

За первый месяц службы всё стало по своим местам, каждый показал свой характер. Кто-то совершенно потерял своё человеческое лицо по незлобивости своей или по безответности. В каждом взводе два-три самых слабых были угнетаемы сильными. По ночам они стирали подворотнички себе и ещё кому-нибудь или весь комплект хэбэ. Потом сушили утюгами и подшивали подворотнички, чтобы утром те оделись во все чистое и сухое. Когда я стоял в нарядах на тумбочке, которыми меня постоянно «награждал» Прокудин, мне приходилось видеть одни и те же лица, работающие по ночам. Помочь им было невозможно, потому что нужно было идти против организованной кучки сослуживцев, где находилось несколько кавказцев. К тому же сам этот измученный паренёк «не показывал зубы» и услужливо смирялся со своей участью с самых первых дней. Помню паренька из Чимкента, добродушного, тихого и улыбочивого. Служил почти на родине. Он был из третьего взвода. Даже авторитетный Кайрат Кубайдулин, заступаясь за него в первые дни, понял, что это бесполезно. Тот сносил всё с блаженной улыбкой и ночами стирал, гладил, пришивал подворотнички более сильным сослуживцам, сбившимся в стаю.

В нашем взводе набирал силу Одесса. Это был редкостный экземпляр, эксклюзив. Он мог достать почти всё. По ночам в каптёрке, где он был полноправным хозяином, Манан накрывал стол для старшины и тех старослужащих сержантов, которые собирались на дембель. Старшина изнывал от тоски по дому. Хотя Алма-Ата находилась рядом, я не видел, чтобы его кто-то навещал. И чем ближе к весне, тем чаще повторялись его «изнывания». Перед отбоем, когда офицеров не было в казарме, старшина ложился на свою кровать, что находилась в нашем взводе у окна, по соседству с сержантом Елистратовым, и благим матом орал: «Хочу домой! Хо-очу до-омой! Тащите сюда Варнаса!» Командир отделения Баркус из третьего взвода посылал своего подчиненного земляка к Серёгину, и Андриус Варнас бежал к старшине. Держался Варнас достойно, в отличие от Баркуса, и в обиду себя не давал. Светловолосый красавец-прибалт Андриус был продвинутым рок-музыкантом. Прокудин, не дожидаясь команды, бежал за гитарой в каптёрку, Андриус садился на краешек кровати к старшине, который дружелюбно

просил: «Сыграй, Андрейка, что-нибудь радостное! Повесели душу!» И Андрейка играл. Да ещё как! Что он вытворял на этой гитаре! Это были небольшие сольные концерты. Мы, подшивая подворотнички, невольно заслушивались выступлениями нашего рокера. Андрею самому нравилось это вечернее препровождение времени, ведь он законно, из рук самого старшины получал любимую гитару, напоминающую ему о гражданке. А во-вторых, он освобождался от работ по казарме на это время. И, самое главное, он был «обласкан» самим старшиной, а значит, был избранным и его никто не мог тронуть без последствий. Младший сержант Баркус, отслуживший год, ни разу не слышал доброго слова от Серёгина, который, откровенно говоря, его недолюбливал. А Варнас, его земляк, с первых дней службы попал в привилегированное положение, благодаря старшине. С этим Баркус никак не мог смириться, и тихо, упёрто ненавидел своего земляка. И при каждом удобном случае за что-то ему мстил: давал наряды вне очереди, «прописав» в одно время у тумбочки, отправлял на грязные работы, когда такие находились, ставил в те наряды, которые были наиболее неприятны. Более всего мы с ним пересекались в так называемой «помощи по наряду столовой», куда меня постоянно пытался определить Прокуда. Случай с Баркусом – это яркий пример «антиземлячества», и не единичный, свойственный для выходцев западной части Советского Союза. Мне, выросшему среди казахов, где земляк далеко за пределами родины значит не меньше, чем родственник, и всячески оберегается, это увидеть было в диковинку. Баркус и Варнас – оба были из Риги. Мало того, они жили в одном доме, только в разных подъездах. Я сначала думал, что вражда эта давняя, застарелая, ещё с гражданки, но оказалось, что они до армии друг друга почти не знали. Также Баркус ненавидел другого своего земляка – Даукантаса, худого высоченного парнишку, которому тоже не хватало еды и он «доходил» вместе со всеми. В отличие от других своих земляков, Даукантас на гражданке занимался боксом и мог за себя постоять. В одной из стычек с кавказцами он успел наградить парочку горцев синяками, но был ими свален и побит. Их было шестеро. Сержант Баркус в этот момент куда-то исчез, не желая связываться с горячими кавказцами. С ними связался комбат Тарков, но об этом позже. Баркус гнобил всех своих земляков. Иванова, русского паренька из литовской деревеньки, он готов был сгноить в нарядах...

В том же, третьем взводе, изнывали от службы два бойца – Железняков и Зазнобин. Вечно они натирали ноги или начинали на пару кашлять и умирать от какой-нибудь болезни. Эта парочка до того поднаторела в деле симуляции, что мы стали забывать их в лицо. Они постоянно пребывали в санчасти. Из месяца, проведенного ими в Отаре, больше половины они провели в больничке. Мы свыклись с тем, что на вечерней поверке на эти две фамилии отзывался заместитель командира третьего взвода Панкратов: «Санчасть».

Но однажды вечером, когда ещё едва начало смеркаться, командир батареи Тарков неожиданно спросил у Панкратова:

– Железняков и Зазнобин выписаны из санчасти час назад. Вы послали за ними сопровождающего?

– Нет! – Панкратов стоял, потупив голову.

– Где ваши подчинённые, товарищ сержант? – комбат спокойно, но требовательно спросил у Панкратова, готового сквозь землю провалиться. – Разберитесь и доложите!

Весь третий взвод кинулся на поиски отсутствующих солдат. Как и в случае с поваром, сразу же побежали проверять люки теплоснабжения, но там не оказалось никого. Кто-то побежал в столовую – проверить, может, за хлебом пошли, ведь есть всегда охота. Кто-то пошел в санчасть, но там лишь подтвердили, что уже как полтора часа назад два наших солдата покинули их территорию. Третий взвод «рвал и метал», особенно кавказцы. Через полчаса они привели «языка». Выхватили где-то на пустыре между зениткой и танкистами одиноко спешащего солдата и силком увели в свою батарею. Высокий худощавый длинноносый паренёк очень походил на Железнякова. Он упирался, вырывался из железных рук «конвоя», говорил, что ему нужно идти, что его самого уже потеряли в части и скоро будут искать. Но лезгины не слушали, взяли его под руки и провели по тропам к своей казарме, подняли по лестнице в расположение, представив «пленного» пред ясные очи комбата.

– Мы поймали Железнякова! – радостно доложили кавказцы.

Тарков внимательно посмотрел на солдата:

– Да, действительно похож на Железнякова. Только вы одного не заметили, он – танкист! Видите, танк на петлицах?

Комбат попросил солдата представиться.

– Рядовой Волжанин, товарищ капитан! Войсковая часть номер... – он назвал номер танковой части.

– Можете быть свободны! Шагом марш в свое подразделение!

На вечернюю поверку Железняков и Зазнобин тоже не явились. Комбат доложил о побеге вышестоящему начальству. Произвели отбой всем, кроме третьего взвода. Сержант Панкратов получил приказ перекрыть все пути отъезда сбежавших на железнодорожной станции Отар. Третий взвод отбыл в сторону вокзала. Была непроглядная ночь. Дул пронизывающий степной ветер.

Зря кавказцы почёсывали руки, чтобы «оторваться» на дезертирах. Ночь результатов не дала. Утром третий взвод отправили на отдых, поменяв четвёртым, а наши два оставшихся взвода – первый и второй направили на усиление поисков в Отар.

Отар железнодорожным полотном делился на две части – собственно Отар со стороны вокзала и «Шанхай», с другой стороны, прозванный так за вечные разборки и поножовщину. По крайней мере, нам так разъяснили, но гораздо позже. Нас распределили по всему «Шанхаю». Поставили посты по два человека каждые двести-триста метров друг от друга на всех улицах. Мне выпало стоять в паре с Андреем Игумновым, тем самым, с которым мы отличились еще на курсе молодого бойца, когда с радостным замполитом батареи Овчаренко рысачили по отарским сопкам. Во взводе Андрей держался сам по себе, в конфликты не ввязывался, но мог за себя постоять. Он умело переводил на шутку шероховатые моменты, знал уйму прибауток. Вздёрнутый нос, открытый взгляд придавали его лицу беззлобное выражение. Наш пост находился возле магазина, к которому частенько подходили пьяные «шанхайцы». Мы с Андреем рассказывали друг другу весёлые случаи из жизни, посматривали по сторонам, не забывая, зачем нас сюда поставили. Через несколько часов мимо нас в магазин прошла пожилая, запитая женщина в старенькой одежонке. Вышла, неся авоську, в которой позванивали бутылки. Подошла к нам, разговорилась.

– А мой-то сынок тоже служит. Ой, бедна-ай, служит. Как вы, небось, мёрзнет сейчас на посту своём, – старушка всхлипнула и достала из авоськи бутылку вина. – Возьмите, сынки, угоститесь. Можя, и моего сынка кто угостит!

– Спасибо, мать! Угостят и твоего сына, непременно угостят! – успокоил Андрюшка чужую мать и ловким движением утопил бутылку в глубоком кармане своей шинели.

Старушка удалялась, шепча под нос: «Дай-то Бог, сынок! Дай-то Бог!»

И мы снова остались на пустынной глухой улице. Где-то на окраине «Шанхая», в сторону воинских частей, на всю громкость включили музыку.

– Лучше бы старушка булкой хлеба угостила, – размечтался я, – к спиртному я не привыкший. Я бы с удовольствием краюху хлеба съел!

– Дареному коню в рот не заглядывают! Слышал такое? Я лично беру любой валютой! А потом – нужно радоваться тому, что Бог послал! Представь, сейчас бы мы в части умирали на плацу, чеканили шаг под гнусавый прокудий голос: «Ра-аз, ра-аз, ра-аз, два, тр-ри!» – он очень точно передразнил Прокудина, чем меня рассмешил. – А мы как на курорте с тобой! Свежий воздух кругом, опять же, сердобольная старушка угостила...

Андрей головой мотнул в сторону забора, намекая на то, что пора бы и «подзаправиться»:

– Кто первый?

– Ты! – я вообще не собирался выпивать.

Игумнов зашёл за высокий заборчик подальше от лишних глаз: как-никак на посту стоим. Профессионально запрокинул голову и прямо из горла в несколько «бульков» наполовину опустошил бутылку.

– Иди! Твоя половина! Вишь, какая снайперская точность – ровно половина, всё до капли отмеряно. Я, брат, дело знаю!

Действительно, как в аптеке! Видно, рука набитая у человека. А я вино не пил ни со стакана, ни тем более из горла. Была не была. И я выпил терпкую сладость.

Когда я вышел обратно, мне стало так хорошо и радостно, что я впервые за всё это время почувствовал себя свободным. Сев на лавочку у забора, я ещё слышал отдалённый голос Андрея, который вскоре куда-то исчез. Исчезла улица, и опрокинулось небо. Сколько прошло времени, я не помню. Сквозь дрему я услышал отдаленный звук машины и подскочил на ноги. Ехал военный «Уазик». В открытое окно машины широколицый майор закричал в мою сторону:

– Солдат, ты почему один?

– А все ушли...

– А ты почему остался?

– А как я пост брошу! Нас никто не снимал, товарищ майор! – лёгкий хмель выдуло из меня тут же.

– Бросай всё и бегом к своим! Вон, в конце улицы солдаты! Марш туда, боец! Тут опасно! Нашего старлея избили!

Взяв высокий старт, я подорвался на полную мощность и рванул в конец улицы, к своим. По колдобинам, ямам и рытвинам, бежал вслед за «Уазиком» большими шагами. И моя широченная, не по размеру, шинель мне совсем не мешала, я не путался в её полах, летел стремглав. Я же второе место по полку занял по бегу с полной выкладкой! А тут, в экстремальных условиях, когда в этом бандитском «Шан-хае», если верить майору, «избивают наших старлеев», я могу и рекорд побить!

В конце улицы собрался наш взвод. Там же и Андрюха Игумнов.

Спрашиваю:

– Ты чего меня не разбудил?

– А я только сигареткой разжиться хотел. Магазин на перерыве. Не у кого даже сигаретку стрелнуть. А ты спишь так хорошо, будить рука не поднялась. Вот, а ты вина пить не хотел. От хлеба разве так уснул бы! Я думал, по-быстрому сгоняю к своим и назад. А тут майор этот.

Сержант Слон возбуждённо построил нас в шеренгу по три:

– Итить-колотить! Овчаренко под раздачу попал! Становись!

Замкомвзвода посчитал нас: все!

– Шаго-ом марш! Песню запе-е, – он осекся на полуслове, – отставить! Песни дома петь будем! Итить-колотить, замполита побили! Грёбанный «Шанхай»!

Елистратов ещё что-то бубнил себе под нос, но за дробным нечётким шагом его не было слышно. Вышли из Шанхая, песня птицей взвилась над головами. Ваня Чеботарь густо запел, с акцентом – за версту распознать можно, что это молдаванин поёт. Это ведь здорово, что молдаванин поёт – мы все общее дело делаем! Наш уважаемый замкомвзвода Елистратов нам уже не раз говорил: «Все мы дети большой страны, все мы разные, в том и сила наша!»

К столовой подошли последними. Другие взводы уже поели. Сухарей на разносе у поварского окна нет. На столе была хлеба горка, по рукам растянули мгновенно. Солдат, раздающий пищу, заглянул в казанок, а там – маслянистое пятнышко на поверхности, и до дна всё видно, как на Байкале. На доньшке – капустная прожилка лежит. И больше ничего! Помешал черпаком, зачерпнул из казанка – полная тарелка воды. Первый снял пробу:

– Так она даже не солёная! Как из-под крана! – возмутился высокий и обычно спокойный Ерлан Дюсюпов из Талды-Кургана. – Дайте сюда казанок, я схожу к поварам, пообщаюсь.

Пока раскладывали по тарелкам второе, Ерлан неторопливым шагом сходил к окошку поваров, но скоро вернулся без казанка.

– Ну, что сказали, Ероха?

– Сказали, что весь полк ел без претензий, а вы одни недовольные, не доедаете, что ли?! Я ему говорю: «Мне до всех дела нет! Ты сюда смотри – озеро Байкал видел? Там даже соли нет!» А повар говорит: «Я на этих харчах уже дедом стал, а ты, дух, дедушку еще учить вздумал?»

– С ними бесполезно бодаться! Ешь, Ероха, второе погуще первого! – успокоили ребята. С этого похода в Шанхай мы немного дружнее стали.

Поели – с горсточку размазанного по тарелке кислого рагу и полуголодными вышли из столовой. Что ели, что не ели.

В казарме прояснилась картина случившегося в «Шанхае». Прочёсывая поселок, замполит батареи старший лейтенант Овчаренко шёл вместе с двумя солдатами из четвертого взвода. Один из них – Рафик Рустамов из Киргизии, крепкого сложения, спортсмен, кандидат в мастера спорта по классической борьбе. В одном быкоподобном Рафике могла поместиться парочка замполитов. Шея у Рафы бычья. Руки, ноги – мощные, весь в мышцах, сам – здоровый, как бык. По интеллекту – тоже бык. Драться он не умел, надеялся видом напугать. Он обычно вставал напротив кого-нибудь, кто не испугался его вида, напирал всей своей массой и мычал, глядя исподлобья: «Ты чо-о, здоровый, что ли? Ты

чо-о, здоровый, что ли? Щас ты у меня будешь летать, как ссанный веник!» Вторым солдатиком в том злополучном походе за «шанхайскими гостинцами» был ничем не выдающийся паренёк из Сибири, невысокий, скромный Саня Гусев. Овчаренко, поговаривали, занимался какими-то восточными единоборствами. Когда заиграла музыка на окраине «Шанхая», старлей решил разузнать, а нет ли случайно на «шанхайской» свадьбе наших сбжавших солдатиков? Оказалось, что нет. За что начали мутузить замполита – неизвестно. Важнее то, что сибиряк впрягся в драку, а быковатый Рафа дал стрекача, оставив товарищей в беде. Замполит неделю после этого прятал свои синеватые глаза под солнцезащитные очки. Сибиряку разбили нос и подкрасили глаз. А трусоватый Рафик даже после этого позорного момента продолжал гнобить сослуживцев, что послабже, напирая своей быковатой тушей и обещая устроить жизнь «летающего ссаного веника». Только на это он и был способен.

После этого происшествия и безрезультатных поисков дезертиров начальством было решено по «Шанхаю» не патрулировать. На станции Отар оставили один взвод, который должен регулярно меняться другими. В задачу входило перекрыть все подступы к станции в часы остановки всех поездов, неважно, пассажирский он или грузовой.

Мы заступали в эту ночь. Шли к Отару дружным шагом. Стояла волчья погода, ветер звенел в проводах, снежком присыпало следы. Снежной крупой, ледяным ветром, словно крапивой, обжигало лицо. Тяжёлая мысль сверлила голову: «Если есть ад после смерти, то при жизни Отар – это его земной филиал».

Каптёрщик Одесса, что-то недовольно бурча, шёл в конце строя и постоянно сбивался с ноги. То ли он материл дезертиров, то ли в уме продолжал беседу со старшиной, тихо с ним не соглашаясь. Его можно было понять – то ли сидеть в тёплой каморке и подпитываться со стола самого Серёгина, организованного им же самим, то ли тащиться на холодный вокзал и стоять полночи на ледяном ветру у железнодорожного полотна, чувствуя, как ноет пустой желудок. Старшина сказал, что приказ комбата: всем на поиски дезертиров, до единого, в том числе и каптёрщику. Ещё лично Одессе Серёгин сказал, что если уж он не найдёт дезертиров, то их уже в Отаре никто не найдёт, мол, одна надежда на него. Напомнил о поваре, геройски найденном им в люке теплотрассы.

В восемь вечера наш первый взвод, усиленный прохиндеем Одессой, вечно отсутствующим по должности каптёрщика, заступил на место четвёртого.

Одесса сразу же решил хорошенько оглядеться. Он кругом обошёл вокзал, окинул пронизательным взглядом прилегающие постройки, заострив внимание на столовой, прошёлся к магазинам и прогулялся по мосту над железнодорожными путями. С моста оглядел зорким оком всю округу, радостно присвистнул и произнёс лишь одно слово: «Клондайк!» Чему можно было обрадоваться, глядя на скупую отарскую местность, никто из нас не знал.

Изучив расписание поездов, сержант Елистратов минут за двадцать до подхода состава выводил нас из небольшого здания вокзала и каждому отводил свой участок. В эту ночь мой пост находился на мосту над железнодорожными путями, который соединял Отар с «Шанхаем». После того как ушёл очередной поезд, я подался внутрь вокзала и расположился на сиденье. Многие дремали. Елистратов не запрещал спать, он беспокоился о солдате как мог. Выставлял несколько человек на посты, потом менял их. Я тоже задремал, уронив голову на соседское

плечо. Прохватился от сутолоки – скоро должен был подойти пассажирский поезд. Взвод высыпал на улицу.

Возле моста меня догнал Кампаш и негромко попросил:

– Когда поезд уйдёт, не торопись заходить. Свистни, если кто появится на мосту. Я догадывался, что друг Салтиева Одесса что-то задумал.

Поезд отправился. Улица обезлюдела. И только две фигуры мелькнули в углу столовой. Потом та, что больше, встала на плечи невысокой и через форточку проникла внутрь. Кампаш отошёл от окна и стал возле одинокого дерева. Через некоторое время на мосту со стороны «Шанхая» раздались шаги. Показался офицер. Я негромко свистнул. Когда капитан исчез в темноте отарской улицы, от одинокого дерева отделился силуэт и метнулся к окну столовой. Оттуда рука подала свёрток, и вылез Одесса. Я спустился по лестнице вниз и пошёл к двери вокзала. От Мананкова вкусно пахло – наверное, наелся в столовой до отвала. Мне он сказал, что все котлеты он должен отнести старшине и другим дембелям, что я должен его правильно понять, ведь в столовой на нас не рассчитывали – мало заготовили. Может, в следующий раз больше заготовят! Я, как говорится, умылся. Конечно, мне никто ничего не обещал. Но ведь мог же Манан выделить мне всего одну сочную настоящую мясную котлету за то, что я стоял «на шухере»!

Я проглотил его отказ и сказал:

– Хорошо, Одесса! Только в следующий раз на меня не рассчитывай!

Под утро Игумнов Андрей недалеко от вокзала по устойчивому хлебному запаху вышел на пекарню. Он не мог устоять перед искушением и зашёл внутрь. Сердобольная женщина, увидев его, сразу поняла, зачем пожаловал солдатик, и протянула ему буханку горячего хлеба. Он поблагодарил женщину и исчез в дверях.

Шёл Андрюха, прижимая к себе хлеб, словно грудного ребенка. Сам не ел, нёс взводу добычу, чтобы поделиться с самыми близкими – на всех всё равно бы не хватило. Запахом щекотало ноздри.

Он подошел к скучившимся ребятам и сказал:

– Угощайтесь!

Навстречу потянулись руки, и в мгновение от буханки остался только пар. Игумнову досталась небольшая краюха. Хрустели, жевали, радовались, благодарили добытчика.

Утром нас поменял второй взвод. Мы сразу направились в столовую. А по возвращению в казарму нам дали несколько часов на отдых. После обеда мы снова должны были отправиться в Отар.

Одесса неплохо выслужился перед старшиной с ворованными котлетками. От Серёгина редко кто слышал доброе слово. Каптёрщик был одним из немногих, кто удостоился этой редкой награды. Одесса воспарил и готов был идти на новые «подвиги». В следующий раз он сразу же посетил магазин и вынес под поллой шинели настоящие фирменные джинсы. Все это он проделал с олимпийским спокойствием, видно, имел давний опыт. Одесса, выходя, остановился у кассы и стал улыбаться и «строить глазки» продавщице. Добытую вещь он тоже «подогнал» старшине. И ни разу за эти несколько дней, что мы стояли в Отаре, Мананков не возвращался в казарму с пустыми руками.

Мне же по-своему везло на этой станции. Пассажирские поезда стоят тут долго, минут двадцать-тридцать. В первый день ко мне спустился паренёк и протянул рубль:

– На, держи! Я тут в учебке был, в танковом полку. Помню, как есть хотелось всегда!

Я поблагодарил парня. На рубль купил пряников и поделился с друзьями из своего взвода. И следующий поезд привёз мне удачу. Я ходил по перрону, где находился мой пост в этот день. По ступенькам поезда спустился высокий крепкий мужчина и протянул «трёшку». Он служил здесь в малой пехоте. «Пехотинец» зашел обратно и вынес мне большой кусок торта, который я разделил с ребятами. Они ели и говорили, что я везучий, вон сколько народу ко мне подходит!

Несколько раз я заходил в пекарню, и мне сердобольные женщины протягивали горячую буханку. Я выходил на улицу к другу Андрею Алымову и другим сослуживцам – булка мгновенно разрывалась на куски и исчезала в голодных ртах.

Через несколько дней патрулирование в Отаре отменили, потому что наших дезертиров поймали в Москве. К нам в часть они больше не вернулись. Комбат Тарков, построив нас в коридоре, говорил о печальной участи беглецов. Высокий, как каланча, и спокойный, как танк, он смотрел на нас с высоты своего роста и сожалел о том, что не все достойны своих великих предков:

– У Железнякова дед всю войну прошёл, имеет ранения, орденосец. А этот..

НАРЯДЫ. РВАНЫЙ РУБЛЬ

На улице ветер разгулялся, раздольно ему на отарских просторах. В казарме сквозняк. На окнах видно, как колышутся газетные полоски, которые мы старательно наклеивали на щели в рамах. Недели две назад после отбоя нас отобрали несколько человек из батареи, остальным разрешили отбиваться. Я тоже попал в эти «счастливики», которым предстояло утеплять окна. Загнанный, как и все, этим нескончаемым днём, я мечтал о том, с каким удовольствием завалюсь на свою кровать. И вот вышел старшина Серёгин, провел вечернюю поверку и «обрадовал», как и в первые дни после чистки полов стёклышками, что нужны два бойца от каждого взвода. Прокудин, командир нашего отделения, как мне показалось, с удовольствием назвал мою фамилию. Вторым оказался безропотный Чересеу. Мы нарезали из газет полоски, навели мыльной воды в тазу. Прокудин крутился рядом, подсказывал, он тоже уже невероятно устал и мечтал быстрее отбиться. Чересеу обмакивал бумажные полоски в мыльной воде и подавал мне. Я, стоя на подоконнике, обклеивал ими щели окон нашего кубрика. Минут сорок ушло на эту работу. Мы слышали, как засыпают наши сослуживцы. Иные делали это с поразительной быстротой. Астраханец Андрей Игумнов резво запрыгнул на второй ярус, натянул до подбородка одеяло, повернулся набок – и уже, ровно посапывая, спит! Ероха Дюсюпов, неторопливый талдыкурганец, спокойно лёг на спину, мгновенно уснул, даже не успев укрыться одеялом. Постепенно вся казарма погружается в глубокий мёртвый сон. Сопят, свистят носами, похрапывают, вздыхают, бормочут во сне уставшие солдаты. Сонный морок висит в воздухе. Прокудин, Чересеу и я, закончив работу, тоже отбиваемся и проваливаемся в сон. Растворяется казарма, исчезают звуки, я с блаженством погружаюсь в густую мягкую бездну, где мне никогда не виделись сны.

Первых две недели я просыпался по ночам от боли в ногах, судорогой стягивало икры. Я скрючивался и щипал ногтями сведенные болью мышцы. Это от дневных перегрузок. Если мне, привычному к работе и занимавшемуся спортом деревенскому парню, было непросто, то каково приходилось обычному мальчишке, который был к армии менее подготовлен!

Андрей Алымов ещё в день знакомства подбил меня на занятия спортом дополнительно. Мы попросили дневального разбудить нас за пять минут до подъёма. Мало того, что сами урезали себе сон на пять драгоценных минут, так ещё не нашли ничего более умного, как отжимание на перекладине. «Перекладиной» служила железная труба над дверью в отхожей комнате. Единственным плюсом в наших начинаниях было то, что мы первыми оказались в туалете после команды «Подъём», ведь с этого утра на него нам отводилось десять минут на всю батарею. Больше заниматься спортом самостоятельно нас не тянуло.

Ещё пару недель назад я был гражданским человеком и, как уверенно считал сам, неплохо был готов к службе. Но мои представления об армии оказались настолько романтичными и далекими от жизни, что мне даже смеяться над собой прежним неловко, это будет выглядеть, по крайней мере, некрасиво, словно посмеялся над ребёнком. Это всё равно, что мечтать, стоя на берегу моря, о красивом подводном мире, а тебя замуровали в скафандр и опустили на дно. И у тебя нет свободы, не хватает кислорода, и лишь тонкий трос соединяет тебя с привычным миром.

Сегодня вся батарея заступила в наряд по полку. В казарме осталось лишь несколько человек. В том числе я. Мы отбились, посчитав себя счастливыми. По казарме бродил сквозняк. Было прохладно. Поверх одеяла я накинул шинель, а на голову надел трофейную шапку, что досталась мне от «деда»-стройбатовца взамен моей. На окнах колыхались газетные полоски. И это всё, что я запомнил, прежде чем погрузился в свой сон без сновидений. А примерно через час меня вырвал на поверхность противный голос Прокуды, пришедшего за помощью:

– Рядовой Полетаев, подъём! В помощь наряду по столовой.

Нас шестерых собрали, построили и повели на улицу. Там ветер степной метался между казармами, обжигал лица, тушил редкие звёзды над нами, заметал нашу дорогу. Прокуду шатало ветром. Выпитое усталостью, посинелое от холода, его лицо напоминало лицо мертвеца. Прикрывшись от ветра ладонью, он шёл впереди нас. Мы пересекли дорогу к малой пехоте и вошли в столовую. Сырым теплом обдало. Кислой капустой напахнуло от котлов. Высокий наглый повар-«дед» увёл нас в загашник, посреди которого стояла ванна. Вокруг неё – табуреты, ящики, на которых нам предстояло сидеть. Рядом – мешки с картошкой, в основном некрупной. Наглый повар протянул нам орудия труда – три ножа и три столовых алюминиевых ложки, заточенных под ножи.

– Ночь кормить, к утру зарезать! Чтоб утром была полная ванна картошки! Вперёд, «духи»! – и ушёл.

– Сам ты «дух», – вослед ему прошипел наш тщедушный дагестанец Мага.

Мы уселись вокруг ванны и начали чистить картошку. Если учесть, что картошку хорошо умели чистить только два человека из шести – я да Ваня Чеботарь, то перспектива была весьма печальной. Гитарист Андрей Варнас неумело крутил в своей тонкой руке картошину и умудрился порезать палец заострённой ложкой. Ему обмотали рану какой-то тряпицей, и он продолжил мучительное занятие. На-

против меня сидел Женя Егоров – высокий симпатичный паренёк из Ленинграда. Выросший в хорошей интеллигентной семье, он тоже был плохо подготовлен к такой жизни. В третьем взводе, куда он попал, было больше всего кавказцев, в основном дагестанцы. Один из них, аварец Магомедов сидел рядом с ним. Был Мага худым, совсем неокрепшим пареньком с мальчишечьим лицом. Одни глаза у него решительно горели по-мужски, когда нужно было за себя постоять. Этот неоперившийся птенец горного орла возмужает на наших глазах и скоро будет клевать тех, кто слабее его. Но это позже. А в ту ночь Магомет больше перевёл картошки на шкурки, чем очистил. Он до этого дня вообще никогда не чистил картошку – не мужское это дело. Высокий талдыкурганец Ерлан Дюсюпов, по его словам, мог легко разделать барана, но терпеть не мог чистить картошку, и всё же чистил, как мог.

У солдата две мечты – еда и сон. Поспали мы до того, как нас взяли в помощь наряду, всего час. Хотелось есть. Варнас, от которого толку было немного, отправился на разведку – может, удастся хлеба добыть, но напоролся на сержанта Баркуса, который сживал его со свету, и вернулся с пустыми руками. Мне повезло больше, когда я пошёл на поиски пропитания. Я отыскал в наряде по столовой своего друга Андрея Алымова, который подкинул нам несколько морковок.

Часа в три ночи наряд по столовой, закончив все свои дела, удалился в казарму. Мы к той поре наполнили картошкой ванну лишь наполовину. Сон брал своё. То у одного нож вывалится из рук, то у другого. Мага пустил слезу, но тут же взял себя в руки. Меня тоже сморило.

Неожиданно появился повар, громыхнул пустым ведром о край ванны:

– Не спать, «духи»!

– Ты сам «дух»! – снова зашипел на него Мага.

Дед набрал пару ведер готовой картошки и ушёл. Через час повар проверил нас снова. Ванна была ещё неполной, но нам разрешили идти в казарму: достаточно! Шёл пятый час утра. Ветер гудел в проводах. До подъёма оставалось полтора часа.

Если наряду по столовой давали после обеда пару часов законного отдыха, то помощникам наряду по столовой такого отдыха не полагалось. По этой причине новый день после всенощного бдения казался бесконечным. В следующий раз мы сами просились в какой-нибудь наряд, только чтобы не попасть в помощь по столовой.

В декабре мне пришло письмо от родителей. Станным показалось то, что оно на треть было разорвано. В письме я обнаружил рубль, тоже почти наполовину разорванный. Я очень обрадовался тому, что дома всё нормально. Матушка меня всячески подбадривала. Рублю я тоже был рад, ведь денег у меня уже не было. Только я не знал, что делать с такой валютой и где её смогут принять. Как всегда, я посоветовался со своим другом Андреем. Алымов дал простой совет – зашить рубль нитками. Так я и сделал. Вечером, перед вечерней поверкой, когда все подшивали подворотнички, я рубль наживулил через край белой ниткой. Работа, конечно, была топорная и, как говорится, «белыми нитками шитая».

– Возьмут так возьмут, а на «нет» и суда нет! – спокойно заключил мой товарищ. – В конце концов, рубль-то настоящий! Ты ж его не рисовал, а только залатал немного!

Хороший у меня друг, всегда найдет чем успокоить. Решили этот залатанный рубль израсходовать через несколько дней, когда пойдем в очередной наряд.

Настало время наряда по полку. Мы с Андреем с некоторых пор решили не разлучаться и в наряды ходить вместе. В этот раз нам достался странный пост – охранять пустые ящики. Штук десять-пятнадцать деревянных ящиков лежало под навесом на ступеньках в подвальное помещение нашей казармы. Вход с обратной стороны, прямо под окнами первой батареи. Дверь в подвал на замке. Кому могла понадобиться пустая тара? Для чего этот пост? Зачем нас туда поставили? Для чего мы ночь напролет должны мерзнуть на промозглом ветру? Все эти пустые ненужные вопросы вертелись у меня в голове, когда я заступил на этот пост. Вскоре я нашёл массу плюсов. Во-первых, ответственности никакой, потому как эти ящики никому не нужны. Во-вторых, начальство не проверяет. В-третьих, можно изловчиться и при желании поспать. Я аккуратно сложил ящики и устроил на них лежанку. А в-четвертых, у нас в карманах были пряники, а это уже для солдата чуть ли не пища богов. Если хорошо взвесить, то получается – королевский пост!

Рванный рубль мы все-таки сдали. За пряниками решили сходить к танкистам. Магазин у них был больше и товар разнообразнее. Кроме того, там имелись столики, где можно было посидеть, но у нас не было ни времени, ни денег для посиделок. Очереди не было. Я попросил мятных пряников и протянул рубль продавщице. Она была чем-то обеспокоена и смотрела в зал, где за столами сидели две группы солдат-кавказцев человек по пять-шесть. Андрей тоже обратил внимание на горцев и шепнул мне на ухо: «Берем пряники и быстро сматываем отсюда!» Может, потому продавщица не заметила подвоха в нашем зашитом рубле, что всё время наблюдала за молодежью в зале. Она подала нам бумажный кулёк с пряниками, и мы быстро пошли к выходу. Не успели сделать и десяти шагов, как за нашей спиной раздался звон битой посуды. Я обернулся и увидел перевёрнутые столы, драку, услышал крик продавщицы, пытавшейся вызвать по телефону караул. Но к ней подскочил один из абреков и забрал трубку. Всё это произошло в несколько мгновений. Андрей тянул меня за руку к выходу: «Быстро уходим!» Когда мы оказались на улице, я спросил у друга: «А кто с кем дрался?» Он, спокойный как всегда, ответил: «Чеченцы с ингушами! У них свои разборки. Нам там делать нечего!» Алымов вырос в Грозном и прекрасно знал нравы и обычаи Северного Кавказа. Нечего сказать, вот так сходили за пряничками!

На том, «королевском» посту мы меняли друг друга каждые два часа, потому что на улице было холодно. Я даже вначале умудрился вздремнуть на ящиках. Но под утро, когда пришел на пост в очередной раз, стоял мороз и дул ветер. Одно радовало в то утро – мятные пряники, купленные на рванный рубль. Были они на этом гиблом морозе почему-то особенно вкусными!

ГОРЯЩАЯ СПИЧКА. ЛЕЗГИНКА

Распорядок дня в нашем учебном подразделении был жёстким, расписанным до секунды. Мы не ходили, а летали. Замкомвзвода Елистратов зажигал спичку, она горела примерно сорок пять секунд. За это время мы должны были успеть «отбиться» – раздеться, аккуратно сложив одежду на табурете возле кровати, и запрыгнуть под одеяла. Либо произвести подъём с кровати и одетым по форме стоять в шеренге перед сержантом. Всё бегом! Сколько сотен спичек, сколько спичечных коробков было сожжено, прежде чем мы научились автоматически

выполнять команды, одному богу известно! Звучала долгожданная команда: «Разойдись!» Это значило, что можно перевести дыхание, сбегать в туалет. Стоило только «расположиться» за железной дверцей отхожей, как тут же раздавался визгливый голос Прокуды или посланного за мной солдата: «Взвод построен, одного тебя нет, Полетаев!» И я подрывался бежать на построение. Спокойно сходить в туалет можно было только ночью, когда ужасно хочется спать. В столовую мы забегали по команде: «Справа по одному в столовую бегом марш!» А в ней мы не ели, мы метали, ложка выбивала об чашку голодную торопливую дробь. Челюсти грубо перемальвали скудную пищу и чёрный хлеб. А если в баланде попался кусочек сала, то ты счастливчик. Было это сальцо невероятно вкусным. Никакой шашлык, никакое другое блюдо на гражданке не может перебить мне тот незабываемый вкус! И мусульмане грешили потреблением сала. Выходили мы из столовой с чувством, что стали еще голоднее, чем входили в неё.

Часами мы умирали на плацу. Нога с вытянутым носочком замирала на весу над очередным квадратиком, а противоположная рука, согнутая в локте, зависала на уровне грудной клетки. Мы не десятки, сотни километров прошли за полгода по нашему полковому плацу. Мы наполовину стёрли каблуки наших подошв. Я и сейчас, через тридцать пять лет, достойно пройду в строю, потому что я служил в Советской Армии! Так во мне живо воспоминание о тех днях.

Несколько раз в неделю мы посещали спортивный городок, где из нас выжимали последние соки. Мы отжимались на турнике, делали упражнения на брусьях, на них же качали пресс, нарезали бесконечные круги на кроссах. Скучать нам не приходилось.

А Елистратов все повторял:

– Итить-колотить... Как вам повезло, ребята, что вы не попали в малую пехоту!

Стоило нам остановиться, как тут же начиналась борьба со сном. Большим испытанием были для нас политзанятия. Мы расставляли табуреты в кубрике, брали тетради и ручки и записывали.

Капитан Опекушкин, наш уважаемый командир взвода, диктовал нам очередную лекцию, то и дело выкликая имя очередного закимарившего бойца:

– Рядовой Бабогло, встать! Чем вы занимались ночью, почему сейчас спите?

– Спал, – неуверенно отвечал солдат.

Салтнев в свежестыранном и выглаженном хэбэ сидел за спиной у Бабогло, уверенный, что тот его не выдаст. Опекушкин разрешал сесть солдату и продолжал читать лекцию дальше. Ронял ручку очередной задремавший боец, которого поднимал взводный, пытаясь понять причину недосыпания.

– А вы, рядовой Омагов, почему спите?

Омаговы не были близнецами, даже не были похожи друг на друга. Старший был крупнее, мужественнее и по душевным качествам – порядочнее младшего. Младший явно должен был родиться девочкой. У него были бабьи ужимки и нехороший язык. Он начинал глупо оправдываться перед взводным и вёл себя нагло и хамовато.

Опекушкин его спокойно осаживал и, помнится, заканчивал так:

– Рядовой Омагов, Герат по вам плачет! Хорошо, если не Кандагар!

И я кимарил на политзанятиях и тоже был не раз пойман взводным за этим делом. Хоть я никому не стирал и не гладил белья по ночам, спать всё равно хотелось. Опекушкин, видя наше сонное настроение, поднимал нас на ноги, и

мы стоя слушали урок минут двадцать. На ногах тяжелей уснуть, хотя и такие специалисты находились. Так проходили политзанятия.

Младший сержант Прокудин в первые дни в кубрике, когда нам читал урок по устройству боевой машины, тоже засыпал на полуслове прямо перед нами. Кто-то над ним посмеивался, кто-то, не теряя времени, тоже задрёмывал на своем табурете. В наших глазах командир отделения терял уважение, и за глаза его все называли Прокудой.

Вскоре занятия в кубрике отменили, и проводить их стали в парке боевых машин. Это место представляло собой большой огороженный участок под открытым небом, где стояла боевая техника. «Шилок» там почему-то не было. Нас подвели к гусеничному бронетранспортеру. Сержант Елистратов доставал конспект и рассказывал нам устройство ходовой части и агрегатов. Поодаль также обучались другие взводы. Под ногами постоянно чавкала грязь, а потом ее сковало морозом, и земля превратилась в бугристое, изрытое гусьянками ледяное поле. Ребята из УБВТ, что обслуживали эту технику, постоянно ходили грязными, черные комбинезоны лоснились от масла, и спасти их не могла уже никакая стирка. Эта черновая работа ожидала и нас, будущих механиков-водителей. Стоять по щиколотку в грязи и слушать конспекты об устройстве машины – занятие малоприятное. Зимой же, когда мороз, ветер и сырость действовали заодно, ноги промерзали до костей. Через пару часов такого обучения Елистратов отпускал нас размяться. Мы ходили по парку, собирали выброшенную механиками ветошь, выпрашивали у них солянки, поджигали и грелись у небольшого костерка. Больше всего хотелось отогреть ноги: редко кому доставались хорошие портянки, были они тонкими и узкими, а кирзовые сапоги на морозе больше походили на деревянные колодки. Ноги держали над костром, пока сапоги не начинали дымить. Частенько таким образом мы обучались до обеда, но иногда нас уводили в «классы», где мы проводили пару часов перед обедом. Что собой представляли «классы»? Это было одноэтажное, не запущенное в эксплуатацию здание, в котором было несколько однотипных комнат. Находилась оно на территории малой пехоты, неподалеку от столовой. Не было в нем ни деревянного пола, ни отопления. Зато была хорошая крыша и светлые окна. Вместо пола – бетонная стяжка. Здание зимой промерзло, но там не было сквозняка, грязи, и на голову не падал мокрый снег, было светло, и там можно было спрятаться подальше от глаз офицеров. В любом случае, в классах было гораздо лучше, чем на улице, в парке боевой техники. Особенно любил это место младший сержант Прокудин, который совсем недавно был таким же, как мы, курсантом – «курком». И теперь он по сроку службы тоже недосыпал и «летал», выполняя приказы старослужащих сержантов и старшины.

Когда мы пришли сюда из парка в первый раз, я обратил внимание на лежащий на бетонном полу картон – кто-то принес сюда коробки и порвал их на части. Прокудин объяснил, что за неимением стульев эти картонные листы можно использовать вместо подстилки для сиденья. Кто первым придумал этот способ обогрева, неизвестно, но это был единственный выход из нашего непростого положения. Мы садились друг за другом на бетонный пол, подстелив под себя картонку. Те, кто послабже, садились к стене. Этим ребятам везло меньше других: картону хватало только на пол, а спина целиком касалась ледяной бетонной стены. Зато следующему было теплее и мягче, он спиной опирался на первого. Третий – на второго, четвертый – на третьего... И так – весь взвод садился полусидя-полулежа

в несколько рядов. Мы с Андреем Алымовым неразлучно находились вместе. Рядом с нами были Андрей Игумнов, Ваня Чеботарь. Отдельно в ряд садились Кампаш Салтиев и его приближённые. Братья Омаговы организовывали третий ряд. Прокуда читал конспект, изо рта шёл пар. Комната была похожа на холодильное помещение. Через картонку и теплую шинель чувствовался холод пола, но мы согревались теплом друг друга и почти сразу засыпали. Мы научились с виртуозной быстротой отключаться и в нужный момент мгновенно просыпаться. Прокудин заканчивал чтение конспекта и удалялся за двери либо пристраивался где-нибудь у стенки и спал, как и мы, «по-слонячьи». В других классах, в других взводах творилось то же самое. Прохватывались тогда, когда чувствовали, как цепенеют ноги, вставали на онемевшие конечности и ходили по классу, разминая их.

С некоторых пор младший сержант Прокудин стал ставить меня в наряды по батарее чаще других. Особенно он любил мне давать наряды вне очереди. За любую мелочь. А однажды, когда мы втроем из отделения срезали дорогу к столовой, он объявил наряд вне очереди мне одному. Это было уже через край, и я прямо при ребятах сказал ему в лицо: «Я, тебе, Прокуда, сделаю!» Он ехидно посмеялся: «Я тоже своему сержанту мечтал сделать, но не сделал!» Меня зацепила та несправедливость, которую он проявил именно ко мне, ведь, по сути, наряды он должен был дать всем трём нарушителям, а не мне одному. Дело было принципиальным, и я оставлять это не собирался и железобетонно ему пообещал: «А я сделаю! За всё твоё “добро” расплачусь в конце учебки!» Вскоре я «прописался» на тумбочке. Такого, как я, деревенского работягу, было выгодно брать с собой в наряд. Если таких как Чересеу нужно было два человека ставить на «Машку» для натирания мастикой полов, то я один за пятнадцать минут натирал её казарму до блеска. Я до такой степени с ней свыкся, что для меня это занятие не представляло какого-либо труда.

Было у дневального одно существенное преимущество – хорошая пайка. Первый дневальный бежал в столовую до прихода батареи и мог плотно поесть. Он обычно экономил время в дороге: чтобы поесть не торопясь, приходилось хотя бы в одну сторону пробежаться. Он же оставлял хорошую пайку второму дневальному. Правда, к его приходу она уже остывала, но всегда была неприкосновенной. Второму дневальному было проще – он, не торопясь, съедал готовую порцию с отложенными для него полновесными двумя или даже тремя кусочками хлеба. Второму дневальному иногда приходилось поштучно сдавать ложки наряду по столовой, когда не было «ложкаря» – была такая неофициальная должность в нашей батарее. Этим редким специалистом по ложкам был у нас туляк из третьего взвода Паша Руснак. Был он ни низок, ни высок, ни худ, ни широк. На коротенькой шее сидела неправильной формы голова. Был он нескладен фигурой и не был красавцем. Но когда он улыбался, лицо преображалось, и добротой своей он мог обезоружить любого. Как он смог выжить в третьем взводе среди кавказцев, не имея крепкого здоровья и будучи отъявленным добряком, мне неизвестно.

В один из таких нарядов по батарее, будучи вторым дневальным, в отсутствие ложкаря Паши, мне пришлось сдавать ложки самому. Боже мой, что это были за ложки! От некоторых осталось одно название. У одних были загнуты держачки, у других – наполовину обломаны, у третьих – вместо держачки алюминиевый обломок сантиметров трех длиной. Погнутые, поцарапанные. Я собрал, посчитал все ложки вместе с обломками, всё сходилось. Понёс сдавать. Местечко там глухое,

как аппендицит. Нужно было пройти по г-образному загашнику, огороженному деревянной стенкой. Шириной он метра полтора, а общей длиной метров пять. В самом углу – небольшое окошко. Там стоял солдат в бушлате, засунув внутрь окна голову и оживленно беседуя с приемщиком ложек. Это был наряд по столовой из первой батареи, где служил мой земляк и друг Юрка Краснобаев. По разговору я понял, что ребята от безделья травят байки друг другу. Мне некогда было ждать очередь в ложкарской. Через минуту я похлопал по плечу весёлого русского паренька: «Земляк, мне в батарею надо, ты и потом можешь поговорить, а я тороплюсь, мне ложки сдать надо!»

Высокий крепкий парень недовольно оглядел меня, только и сказал:

– Сдавай, раз торопишься! – и ушел.

Приёмщик пересчитал ложки, записал куда-то, а когда я повернулся уходить, то увидел, как из-за угла на меня надвигается лава крепких ребят. Впереди – мощный чеченец, а за ним тот самый паренёк, которого я потревожил у ложкарского окошка.

Он кинул в мою сторону:

– Вот этот!

А кроме меня тут никого и не было, сложно ошибиться – по чью душу пришли! Я только успел согнуть руки в локтях, закрывая лицо и грудь, ноги расставил чуть шире плеч. Налетели с ходу, без лишних слов и начали метелить меня как грушу. В лицо не били, чтобы не оставлять следов, а под формой синяков никто не заметит. Шинелька ты моя дорогая, единственная моя заступница, если бы не ты, худо бы мне пришлось! Смягчала ты удары, как могла. Хорошо, что узко было в том коридорчике – первые двое мешают остальной толпе ко мне подобраться. Буцкают от души кулаками, пинают грязными сапогами, пытаюсь меня свалить. А я стою железобетонно, как вкопанный, не валюсь. Из ложкарского окошка наблюдает такой же, как я, солдат – интересно ему, то же кино, только вживую! Били старательно, даже подустали немного.

Чеченец говорит:

– Тебе повезло, что ты не упал! Одного недавно в госпиталь увезли!

Развернулись и ушли. Послушное стадо поплелось за своим поводырем. «Спасибо и на том, что не убили!» – откашливаюсь, согнувшись в три погибели, в этом грёбаном закутке. Выползаю, как побитая собака, иду к своим, кашляя на ходу. Батарея поела, только двое остались. Рафа, увидев меня, ложку в сторону отложил, сразу догадался, что это меня мутузили в том закутке, у ложкарской.

– Кто?

– Вон те, с первой батареи, – я махнул головой в сторону дверей, где скрылась шумная толпа.

– Айда за ними, разберёмся! Щас они у меня будут летать, как ссанные веники!

– он встает, бросив обед.

Не ожидал я от быковатого Рафы, что он за меня заступаться будет. За соседним столом Муса сидит, рослый плечистый чеченец. Его чуть не посадили и недавно к нам из первой батареи перевели, к Таркову на исправление.

Рафа – к Мусе:

– Наших бьют!

У Мусы глаза округлились:

– Кто?

Он бросает ложку, еду. Бежим. Выскакиваем из столовой.

Чеченец с акцентом кричит вслед уходящей толпе:

– Стой!

Уходят, будто не слышат. Подлетаем, Муса хватает за плечо высокого парня, тот поворачивается. Оказался земляком. Нохчи обнимаются, радуются. Какие тут разборки, когда братаются наши с не нашими. Рафа стоит в недоумении. А я вообще «умылся», неотомщённым остался. Развернулись и пошли каждый в свою сторону. Рафа с Мусой обедать, а я в батарею, службу нести, у тумбочки стоять.

Вышел я из этого наряда страшно уставший. Бока болели, в груди ныло ещё с неделю – добро меня поколошматили ребята из первой батареи. А вскоре Прокудин опять дал мне наряд вне очереди. Привык я к ним, как пёс привыкает к блохам. И снова Прокуда не по делу меня «наградил». Было дело так. После отбоя я решил постирать хэбэ. Зимой за ночь мокрая вещь в казарме просохнуть не может. Чтобы ее просушить, нужно занять очередь за утюгом. Я зашел в бытовку, где было много народа. Два утюга работали без перебоя. Скопилась приличная очередь. Один утюг находился в руках Рустама Абдуллаева. Этот симпатичный лезгин из третьего взвода стоял по пояс раздетый, бугры мышц груди и пресса чётко выделялись на его теле. Был он немного ниже меня. Вторым утюгом гладил чужую одежду Чересеу. Это я сразу понял, потому что его хэбэшка была на нём, да и вряд ли его пропустили бы в первую очередь. Скорее всего, это одежда Салтиева или Омагова младшего, они уже давно спят. Абдуллаеву тоже хотелось иметь работника. Он был крепким и сильным парнем, свою порцию пищи всегда получал и мог урвать лишний кусок хлеба.

Рустам, увидев меня, махнул мне рукой, подзывая к себе:

– Иди сюда! На, гладь! – в приказном тоне обратился ко мне лезгин.

– Твоё хэбэ, ты и гладь!

– Что ты сказал? – он спокойно поставил утюг и медленно пошел ко мне.

– Твоё хэбэ, ты и гладь! – повторил я.

Мы схватились прямо посреди бытовки. Барахтались на полу с рычанием и злобой. Один хотел подмять под себя другого, чтобы унижить и «зачморить», сделав своим рабом. Другой отстаивал своё право на существование. Рустам не был борцом, зря он пошёл в ближний бой. На шум прибежали сержанты, нас растащили. Весь линолеум на полу был исчеркан чёрными полосами от наших подошв. Сержанты приказали нам брать тряпки и отмывать, но задетый за живое своей неудачей Абдуллаев отказывался. Я тоже стоял на своем – вдвоём натворили, вдвоём и убирать будем, один не буду. Вдруг возникший как из-под земли полусонный Прокуда «влепил» мне наряд вне очереди. Я в этот момент младшего сержанта Прокудина ненавидел больше, чем Абдуллаева, за то, что тот не разбирался в причинах, а мог только использовать свою мизерную власть по своему усмотрению. Даже Рустам понял, что он поступил неправильно и что я пострадал напрасно из-за него. И мы вдвоём, еще до конца не остывшие от схватки, с разных сторон отшаркивали линолеум от полос. В ту ночь утюга я дожидаться не стал. Постирал своё хэбэ, попросил своего друга Андриюху Алымова на пару со мной его отжать и, аккуратно расстелив под простыню, лёг спать. Это был самый последний способ сушки одежды – своим телом. Им пользовались в армии задолго до меня. Сначала нужно привыкнуть к мокрому холодному хэбэ,

на это нужно немного времени, а затем крепкий солдатский сон делает своё дело, и ты просыпаешься только с командой «Подъём». Утром я одел на себя слегка подсушенную, но тёплую хэбэшку, и мы побежали на улицу, на мороз, на зарядку. Главное – двигаться. Через пару часов одежда на мне совсем высохла.

В один из холодных декабрьских дней, после обучения в парке боевых машин, нас, как обычно, привели в классы. Младший сержант Прокудин с румяными щеками и замерзшим заостренным носом стоял посреди класса и читал конспект о коробке передач. На его оттаявшем носу долго висела капля, от губ шел пар. Он иногда останавливался, дул утробным теплым воздухом на покрасневшие худые руки, стараясь их согреть. Заиндевелые окна плохо пропускали солнечный свет. Мы, как обычно, расположились на картонках на бетонном полу друг за другом, согреваясь чужим теплом и пытаюсь хоть немного вздремнуть. Мороз пробирал насквозь. Прокудин, дочитав до точки, сказал, что на сегодня всё – хватит! Что-то буркнул и вышел из класса. Я был уже в полусне и слышал, как засыпают мои сослуживцы.

Вы когда-нибудь спали на бетонном полу в замороженной комнате? Если нет, то я расскажу, каково это – спать на бетонном полу в замороженной комнате. В мороз, рассказывали друзья, видятся цветные яркие сны. Но это когда ты уже перешагнул черту этой и той жизни. А до этой роковой черты – никаких снов. Ты будто в коконе находишься, который медленно сужается и сдавливает тебя, сковывает в своих объятьях. Ты это чувствуешь и не погружаешься в сон, а кимаришь, находишься где-то на самой поверхности, готовый встрепенуться по первому шороху. Это в тёплой казарме слышатся ночами посвистывания носами, бормотания, оживленные монологи, выкрикивания, посапывания, храп и прочий «симфонический» солдатский оркестр. На бетонном полу в замороженном классе даже шороха не слышно – шинели не шуршат. Всё будто сковано холодом, лучше не шевелиться. Мёртвое молчание нарушает лишь тихое дыхание молодых солдатиков, мальчишек в шинелях... Сначала прохватывается один солдат, замёрзший больше других, начинает шевелиться и осматриваться на сослуживцев – не пора ли? Следом другие просыпаются, встают на непослушные ноги, начинают двигаться, разговаривать – не столько отдохнувшие, сколько замёрзшие. Все выходят в коридор: кто курит, кто бежит в туалет.

В тот холодный декабрьский день несколько взводов собралось в классах. Мы смешались в коридоре, разбившись на группы. Я, как обычно, был со своим другом Андреем Алымовым. Сержантов не было. Солдаты были предоставлены сами себе. Самая сильная группировка – кавказцы. Собравшись вместе со всех взводов, они поговорили между собой и зашли в класс. За дверью послышалась «лезгинка» и громкие радостные возгласы. Они образовали большой круг, в центре которого по очереди плясали «лезгинку» чеченцы, дагестанцы, кабардинцы, балкарцы. Здоровенный чеченец Муса неторопливо, раскинув в танце руки, шёл по кругу под общее хлопанье и подбадривание толпы. Легкий в движениях Кампаш Салтиев взвинтил темп и лихо выплясывал родной танец. Его сменили братья Омаговы: Руслан скромно и неумело, а младший брат Адам, похожий на девчонку, с присущим ему жеманством. В круг вошли аварец Мага и лезгинны – Рустам Абдуллаев и его земляки. Что-что, а плясать они умели. В классе становилось жарко. Вскоре всех, кто стоял в коридоре и смотрел на это действие

со стороны, стали загонять внутрь наплясавшиеся кавказцы. Всех вталкивали в центр круга по одному и заставляли плясать. Когда подошел мой черед и нас с Андрюхой Алымовым «попросили» войти в открытую дверь, в центре неумело танцевали ребята из разных регионов, далеких от Кавказа. Невысокий худощавый красnodарец Коля Проскурин, кубанский казачок, которого Салтиев записал в «свои», стоял в кругу кавказцев и хлопал в ладоши, глядя на эту «пляску». Не принимали участия в «танцах народов Кавказа» независимый Кайрат Кубайдулин, быковатый Рафа и еще несколько ребят из Азии. Алымова Андрея миновала сия чаша, ведь он был тоже с Кавказа, его не тронули, а меня толкнули в круг. Были там и рижский гитарист Андрей Варнас, и крепкий молдаванин Ваня Чеботарь, и ленинградец Женя Егоров, которых я уважал. Женя стоял ближе всех ко мне в круге, и по его лицу и неумелым движениям было видно, как он, перебивая себя, танцует. Я наотрез отказался. Хозяева «бала» возмутились. Трое пошли на меня. Это был огромный Муса, высокий лезгин Бабаев и моего роста пухлощекий балкарец Алтуев: «Ты будешь плясать!» Я снова им повторил, что лезгинку я плясать не буду. Они стали методично меня мутузить кулаками – в грудь, живот, в лицо не били. Я прикрывался от ударов согнутыми в локтях руками. Из центра круга меня догнали до самой стены. Я им снова сказал: «Можете хоть сейчас убить, но танцевать лезгинку я не буду!» После этой реплики они оставили меня в покое и пошли плясать дальше. Я стоял за кругом и мечтал о мести. Хотя бы одному отомстить – уже было бы легче на душе. Огромного Мусу я бы не одолел. Лезгина Бабаева – пятьдесят на пятьдесят. А вот Алтуева я непременно должен выловить! Назавтра, когда мы шли с Алымовым по казарме, встретившийся нам Муса остановил и заключил нас в свои объятия. Он стал говорить о том, что мы настоящие мужчины и хорошо, что мы держимся вместе. Мне, конечно, льстило его покровительство, только боль в груди от вчерашних «похвал» мне почему-то говорила о том, что верить ему не стоит. С той роковой «лезгинки» я мечтал только об одном – чтобы нас свела судьба наедине вместе с Алтуевым. Почти месяц я упорно ждал этой минуты. И вот она настала. Было это в конце декабря. Я спустился на почту, чтобы получить от родителей две посылки. Их вскрыли при мне. Сержант, служащий почты, сразу забрал у меня шерстяные носки. Их моя мама положила на дно, но почтарь, знающий толк в своём деле, вскрыл посылку, перевернув ее кверху дном. Носки бы мне, конечно, не помешали. В одной посылке была вяленая рыба, в другой – сало. Офицер из третьего взвода, что поднимался со мной от почты, выпросил немного рыбы и сала. Часть гостинцев пришлось отдать замкомвзвода Елистратову. И в этот момент нам дали команду – строиться на ужин. Батарейка поспешила к выходу. Мне нужно было разделить посылки со своим взводом по возвращении с ужина. Но для этого их надо было надёжно спрятать. Казарма опустела. Я пошёл к за-гашнику, что находился рядом с умывальной комнатой. Это было самое хорошее место, в которое никто не заглядывал. Я уже заходил в коридор, разделяющий умывальник и за-гашничек, когда навстречу мне встретился разнузданный Алтуев. Руки у меня были заняты поклажей, и кавказец нагло полез в посылку: «Угости!» Я огляделся, и, к моему счастью, заметил, что казарма пуста. Лишь одинокий дневальный, оперевшись спиной о стену, стоял у тумбочки. Если бы знал бедный Алтуев, что я этого момента почти месяц ждал!

– Сейчас угощу! – ответил я кавказцу. – Открой, пожалуйста, вон ту дверь.

Я разговаривал с ним не грубо, боялся спугнуть. Тот открыл дверь, ничего не подозревая.

– Заходи! – будто дорогого гостя зазывал я его в маленькую комнатушку.

Он зашел туда уверенно, как ходили кавказцы по нашей казарме. Я шагнул вслед за ним, поставил посылки к стеночке и прикрыл за собой дверь. Если бы он знал, с каким удовольствием я накинул крючок, заперев наш выход! Всё по-честному, один на один. Когда я повернулся, Алтуев только сообразил, чем я собрался его «угощать». Я схватил его за грудки, подтянул к себе и заглянул в его перепуганные глаза. Пухлые щёки его стали пунцовыми. Бить его я не стал. Взял за шиворот, подтянул к двери, пинком под зад выпроводил через порог, предупредив, чтобы он мне больше не попадался. Так я рассчитался за лезгинку.

РАССТРЕЛЯТЬ!

Я стоял в наряде по батарее, когда вошел комбат.

– Смирно! – громко подал я команду.

– Вольно! – скомандовал комбат и прошел в комнату офицеров.

Я не сразу научился четко и правильно подавать команды. Хватило одного, короткого, но вразумительного урока старшины. Это было ещё в первый мой наряд. Я стоял у тумбочки, когда в двери вошел Серёгин.

От неожиданности я перепутал команды и негромко крикнул:

– Смирно!

Старшина, высокий и красивый, в подогнанной по фигуре шинели, остановился на пороге казармы, на лице – кривая улыбка:

– Даже так! Спасибо на добром слове!

Он горой надвигался прямо на меня. С той же самой улыбкой он взял меня двумя пальцами за пуговку на груди и спросил:

– По уставу какую команду должен подавать дневальный при входе старшины или офицеров батареи в казарму?

– Дежурный по батарее, на выход! – виновато промямлил я.

– Правильно! А от командира батареи и выше подают команду...

– Смирно! – закончил я фразу из армейского устава.

– Правильно! – Серёгин несильно, но ощутимо буцкнул меня кулаком в грудь прямо в пуговицу, отчего та слегка вмялась. – Если команду не запомнишь с первого раза, то я буду тебе постоянно «пробивать лося»! А команды нужно подавать громко и чётко!

«Пробить лося» означало – ударить в грудь.

Он снова отошёл к двери и приказал дать правильную команду. Я закричал «громко и четко»:

– Дежурный по батарее, на выход!

Достаточно было всего одного урока старшины, чтобы усвоить азы солдатской службы. Многие у нас, как и я, ходили с помятыми грудными пуговицами – последствиями немногословной и предельно ясной работы старшины и замкомвзводов.

Комбат Тарков, бывало, с утра заходил в ближний край казармы, где находились каптёрка и бытовка. В коридоре у окна две гири – двадцатьчетверка и шестнадцатка. Он приглашал к себе сержантов и заставлял поднимать:

– Курсантов гоняете, а сами что можете? Сержант Елистратов, ко мне!

– Да я... – начинал увиливать сержант.

– Знаю, кто ты. К снаряду!

Елистратов брал гирию поменьше, но комбат настаивал на большем весе:

– Маленькая – для курсантов.

Елистратов старательно выжимал гирию несколько раз: «Итить-колотить, какая она тяжёлая!» И передавал её другому. Щуплый командир отделения Прокудин шестнадцатку едва выжимал пару раз. Последним к гириям подходил сам комбат, он брал обе гири в одну руку и свободно жал их десятку раз. Эти «экзакуции» имели воспитательное значение. Во-первых, Тарков требовал от своих подчиненных, чтобы они поддерживали свою физическую форму. Во-вторых, комбат личным примером показывал, что с ним лучше не шутить, силища у него огромная.

В начале января в Отаре была оттепель. Снег растаял. Мы скинули шинели и несколько дней ходили в хэбэ.

В третьем взводе командиром одного из отделений был младший сержант Дорохин. Был он земляком сбежавшего Железнякова. Дорохин, которому было двадцать три года, только перед армией окончил институт. Несмотря на то, что он по возрасту был на три года старше нашего старшины, его участь в нашем подразделении была весьма незавидной. Я вряд ли смогу объяснить, почему так судьба посмеялась над этим человеком... Был он нескладный собой, как говорят – некультяпистый. Нос был по-голубиному расширен у переносицы. Не красавец, но и не уродлив, чтобы это могло сыграть определяющую роль. Он так же, как и Прокудин, недавно прошёл учебку и едва успел к нашему появлению пришить на погоны лычки младшего сержанта. Все его потуги наладить дисциплину в своём отделении были напрасными. Он старался, добавлял в голос твердости, но солдаты его не слушали. За два месяца он полностью потерял свой авторитет, дошло до того, что его начали унижать его же подчиненные.

В ту оттепель в январе полк стоял на плацу, офицеры задерживались. Солдаты, предоставленные сами себе, занимались своими делами. В третьем взводе лезгины, оттеснив Дорохина вглубь взвода, смеясь, унижали его. Невысокий абрек брал его за грудки и объяснял тому, что он «чмо». Младший сержант пытался отступить, но кругом были кавказцы. Никто за Дорохина не заступился. С этого момента у него закончилась сносная жизнь.

В январе у Кайрата Кубайдулина была «черная неделя». Он с кем-то подрался, и об этом узнали офицеры. На полковом построении рядовой Кубайдулин по приказу замполита полка вышел из строя. Большой, толстый Гончаренко стал его ругать, грозил дисбатом. А потом неожиданно сорвал с него шапку, бросил под ноги и стал её топтать. На всё это Кайрат смотрел исподлобья. А когда экзекуция окончилась, поднял истоптанную замполитом шапку, отряхнул от снега и встал в строй. Эту самую шапку вскоре у него украли в столовой во время обеда. Это был нонсенс. «Как? У самого Кубайдулина украли! Не может быть!» – удивлялись ребята. Подтянуть могли бойцы из постоянного состава УБВТ по наущению какого-нибудь «деда». Сразу после выхода из столовой старшина Серёгин измучил нас поисками утраченного головного убора.

– Батарея, на поиски шапки, бегом в столовую ма-арш!

Мы выходили из столовой без шапки, и старшина еще пару раз заставлял нас вернуться на поиски. Если бы шапку потерял Чересеу, его бы просто затюкали, а Кубайдулину никто из батареи слова не сказал, так как у него был непререкаемый авторитет.

Старшина дал Кайрату дельный армейский совет, который работает в армии всегда:

– Ну что, Кубайдулин, шапку придётся рожать!

До вечера Кайрату пришлось одолжить головной убор у писаря, который целыми днями сидел в офицерском кабинете и заполнял бланки. А ночью он, накинув шинель, с непокрытой головой вышел из казармы в холодную глухую темь и явился минут через двадцать в добротной шапке. «Родил».

После оттепели наступила черед морозных ночей. В одну из таких ночей нас подняли по тревоге. Построили на плацу. Комбат и офицеры батареи находились вместе с нами. Нам выдали ломы, кувалды, лопаты, и мы пошли долбить участок мёрзлой земли. Зачем и кому понадобилась эта ненужная работа, я знать не хотел, потому что в армии многое не поддается объяснению. Просто есть приказ, и его не обсуждают, а выполняют. Видимо, отработывали обычную запланированную тревогу. А для того, чтобы занять хоть чем-то солдат, нас послали «копать» участок. Я работал ломиком. Замерзшая земля, перемешанная с камнями, гулко звенела от ударов, иногда из-под лома летели искры. Часа через полтора-два нас сняли с этого места и повели обратно в казарму. Мы снова отбились. Ночи, разорванной пополам тревогой, явно не хватило, чтобы выспаться. Подъем был тяжелым, и день казался длиннее других. А вечером мы по одному или по два человека забирались под койки в дальнем углу, возле окна, и дремали прямо на полу. Кто первым опробовал этот способ отдыха, неизвестно, но он многим помог восстановить силы и перебить сон. В казарме движение, сержанты ходят рядом и не замечают, что под сдвоенными кроватями спят солдаты. Как говорят в народе, голь на выдумку хитра.

В один из таких вечеров, перед ужином, я сидел на табурете возле окна. Я нереально устал и дожидался своей очереди, чтобы свалиться хоть на пять минут под кровать. Неожиданно передо мной возникла крупная фигура быковатого Рафика Рустамова. Он, наверно, почувствовал, что это самый подходящий момент для того, чтобы одолеть меня. Рядом никого не было. Мы вдвоем.

– Чё ты тут расселся, встань, когда с тобой разговаривают! – начал наезжать на меня Рафа.

– А ты кто такой, чтобы перед тобой вставать? Где хочу, там и сижу! – спокойно ответил я, оставаясь сидеть на табурете.

– Встань, когда с тобой разговаривают! – с явной угрозой накатывал на меня неугомонный азиат. Голос его звучал громче, так он обычно себя заводил.

– Пошёл отсюда! – без всякого желания с ним разговаривать, отправил я его подальше и продолжал сидеть.

Я знал, что после таких слов обычно приступают к мордобитию, но Рафа медлил. По натуре он был трусоват и только пугал своим видом.

– Ты чё, здоровый, что ли? – он задал свой любимый глупый вопрос и вплотную придвинулся ко мне. – Щас ты будешь у меня летать, как ссанный веник!

– Исчезни! – мне было уже всё равно: драться не хотелось, но если бы он начал, то пришлось бы.

Вдруг сбоку беззвучно, как барс, появилась фигура, и раздался знакомый голос:

– Ну-ка отстань от него! – это Кайрат Кубайдулин заступился за меня. Он не собирався уговаривать Рустамова. – Ссаный веник, ты меня понял?!

Это был вызов, любовая дуэль. И Рафа сломался, ушёл. Давняя борьба за первенство между Кайратом и Рафиком разрешилась в пользу первого. Я поблагодарил земляка.

Примерно в то же время у нас в батарее произошло ЧП. Пятеро лезгинов побили одного прибалтийца. Не просто тихо побили в грудь или в живот, а с «разукрашиванием» лица. Бразаускас, худощавый высокий парень, с виду был, действительно, не крепок и кавказцам казался лёгкой добычей. Но это казалось только с виду. Да, действительно, он, как и большинство из нас, не доедал. Двойную пайку, положенную солдату начиная с роста метр девяносто и выше, у нас не давали. Он помаленьку «доходил», теряя вес. Если я за пять месяцев учебки «легко отделался», потеряв всего килограмм, то у Бразаускаса дела обстояли гораздо хуже. Его покачивало ветром. Голос у него был тихий, и характером он был спокойный, неконфликтный. Но был один существенный плюс против его фамилии – он несколько лет занимался боксом. Об этом он никому не говорил. И это обстоятельство стало большим открытием для кавказцев, которые привыкли в нашей батарее к лёгким победам. А тут у них вышла большая промашка. Кто-то из этих пятерых спровоцировал конфликт и решил подмять Бразаускаса, а в ответ получил в глаз. Второй горец кинулся на помощь и налетел на кулак прибалтийца. Естественно, вслед за вторым кучей навалилась вся земляческая когорта и снесла с ног одинокого бойца. Наконец появились сержанты и отбили свору.

Вскоре об этом узнал комбат. Тарков пригласил к себе свидетелей побоища и самого Бразаускаса. Его лицо явно свидетельствовало о происшествии. Комбат с ним побеседовал, разобрался в конфликте и приказал построить батарею. Наш огромный комбат, напоминающий собой актера Олялина, прошёл перед нами во всей красе – подтянутый, мощный – к центру. Его спокойствие говорило о силе. Я ни разу не видел комбата раздраженным, кричащим или размахивающим руками. Всё взвешено и подчинено внутренней работе и контролю над собой. И это спокойствие убивало. В казарме гудела тишина. Все ждали. Он начал. Попросил выйти из строя зачинщиков драки и Бразаускаса. Они вышли на два шага вперёд на всеобщее обозрение. У двоих горцев было по одному синяку под глазами, у прибалта – тоже один. Речь Таркова была грамотно построена, а психологические акценты четко расставлены. Это был расстрел.

– Это вас на Кавказе научили нападать впятером на одного?! – обратился комбат к лезгинам. – Своим поступком вы унизили звание горца.

В ответ тишина, опущенные к земле глаза.

– Ответьте мне – кто из этих шестерых настоящий мужчина?! – спросил комбат у батареи.

Ответа не требовалось, все знали, о ком идет речь.

– Он один не побоялся пятерых и достоин уважения за то, что не дал себя в обиду.

Комбат делал паузы, а речь слегка усиливал, акцентируя внимание на самом важном.

– Я, как и Бразаускас, тоже боксёр. Представьте себе, что будет с тем, кого я ударю?

Все живо представили, что будет примерно то же, что попасть под прямую наводку пушки.

– Ещё мужчину отличает умение признать свою вину, – он повернулся к лезгинам. – Вы не правы! Я надеюсь, что вы попросите прощения у этого парня, – комбат обратился к виновникам, но те гордо молчали. – Я так понимаю, что вы просить прощения не будете.

Один из них покачал головой, видимо, считая это унижительным.

То, что произошло дальше, я буду помнить до гробовой доски. Это был неизбежаемый урок!

– Ну, раз вы даже на это не способны, то на что вы нам вообще нужны!

Тарков подошел к Бразаускасу:

– А мы их расстреляем к чёртовой матери! Правильно, рядовой Бразаускас?

У Бразаускаса округлились глаза, он не желал участвовать в расстреле своих беспокойных сослуживцев. Он открыл в изумлении рот.

Комбат, не дав опомниться, держал всех в напряжении. Он продолжал разговаривать с собратом по боксу Бразаускасом о расстреле, как об обычном, рядовом деле:

– Порядок действий такой: сейчас мы поднимемся выше этажом, в УБВТ, получим оружие и расстреляем их к чёртовой матери!

В казарме установилась дикая непривычная тишина. Батарея не дышала. Огромный людской механизм, давший сбой, нужно было запустить жёсткой рукой. Комбат, как непревзойденный мастер, дергал за тонкие нити управления. Ни один мускул не дрогнул на его жестком лице. Этот могучий человек, этот сплав особого металла, был непоколебим и уверен в своей правоте.

– На-пра... – Тарков замер на полуслове. Сейчас он скажет «во» и конец! Через мгновение будет поздно! Комбат смилостивился и посмотрел в сторону кавказцев. – Вы не надумали попросить прощения?

– Наду... Мы клянёмся, что больше так... Прости, Бразаус... – послышался лепет одумавшихся горцев.

Комбат посмотрел на долговязого боксёра.

– От тебя всё зависит. Ну что, рядовой Бразаускас, простим на первый раз оступившихся парней или всё же расстреляем?

– Простим... – залепетал перепуганный боксёр, ведь он тоже по-настоящему поверил комбату и боялся замарать руки в крови своих сослуживцев.

Комбат приказал встать в строй раскаявшимся парням и раскрасневшемуся от переживаний Бразаускасу. Благодаря этому правдивому представлению комбат достиг своей цели – он обуздал распоясавшихся кавказцев, справедливо и грамотно расставил акценты на том, что в его батарее будет порядок. Командирам взводов дал взбучку за допущенные неуставные взаимоотношения. Старшина Серёгин стоял с пунцовыми щеками, боясь сказать слово в своё оправдание, так как знал, что Тарков, эта громада, этот элитный офицер, всегда поступает справедливо. Сержантский состав, как непосредственно находящийся с рядовыми день и ночь рядом, должен моментально реагировать на все конфликты между солдатами. Рядовым было четко внушено, что рукоприкладством заниматься нельзя, что комбат за это дело может и расстрелять.

«ДИСКОТЕКА» И ДРУГИЕ НАРЯДЫ

Кроме очередных нарядов по батарее и внеочередных, которыми шпиговал меня младший сержант Прокудин, был еще наряд, который не особо нами почитался, – это по столовой. Прозвали его с издёвкой – «дискотека». Видимо, за то, что бренчали алюминиевой посудой, казанками, черпаками и ложками да бегали – «летали» все в каком-то хаотическом движении. Хуже «дискотеки» была только помощь наряду по столовой.

В этом наряде летали все. Приходилось бегать, чтобы успеть. Скользкий пол, сырость, кипящие котлы, противный запах кислой варёной капусты и этот наглый повар – повелитель сего заведения. Любой другой наряд спокойней и проще, будь то свинарник или штаб. Но было одно большое преимущество в столовой перед другими нарядами – там можно было хоть что-то съестное добыть. Немного хлеба или чёрных сухарей, морковку или, в крайнем случае, горсть отвратительной кислой капусты. Всё, что добывали мы с Андреем Алымовым, делили пополам. Мой друг всегда что-нибудь придумывал. В наряде по столовой мы сразу выходили во дворик с тыльной стороны, где на огне, в большом казане готовил морскую рыбу предыдущий наряд. Андрей палочкой проводил по дну, выскивая какой-нибудь оставшийся хвостик. Почти всегда там, на дне, под расплавленным комбижиром, оставались один или два вкуснейших кусочка. Это «прикормленное» место мы никому не выдавали и «рыбачили» сами. Куски хлеба, добытые кем-то из нас, тоже делились пополам. Не раз мне приходилось в сопровождении сержанта идти на продовольственный склад, который находился возле парка боевых машин. Мы брали с собой носилки и шли в дальний путь, минуя территорию нашего полка. Кладовщиком был русоволосый «дед» с голубыми глазами. «Ушитая», подогнанная по фигуре форма говорила о том, что служится ему вольготно. На расстегнутом воротнике хэбэ – толстый подворотничок из свернутого в несколько слоёв куска простыни, какие мог себе позволить не всякий старослужащий солдат. Сапоги блестят, каблуки наращены и едва заметно срезаны по краям. На погонах бушлата защитного цвета – красные сержантские нашивки. Шапка – высокая, вытянутая, с «набитыми» уголками – висит на самом затылке, готовая свалиться – так носят головной убор только деды и дембеля. Из-под шапки – русский чуб. Немногословный кладовщик прочитал записку и повёл выдавать нам провизию. Квашеная капуста хранилась в забетонированной прямоугольной яме – примерно два метра на метр. Носилки поставили у самого края. Я прямо в сапогах спрыгнул на утрамбованную капусту, как мне приказал кладовщик. Из ямы, над полом торчала только моя голова. Вилами с частыми зубьями я стал подавать капусту в носилки. Набрал с горкой и выбрался наружу. Капуста воняла, и есть ее даже голодному не хотелось. Стоило сержантам ненадолго отлучиться, мы обнаружили неподалеку мешки с рафинадом и в дырку вытащили несколько горстей. То-то обрадовался Андрей Алымов, когда мы вернулись в столовую, где он работал на чистке овощей. Я поделился с ним рафинадом. Он для меня приготовил очищенную морковку. Так мы выручали друг друга и каждый раз были рады этому маленькому нашему счастью.

Те ребята, что ходили в наряд по свинарнику, сказали, что там гораздо лучше, чем в столовой. Во-первых, с собой давали сухой паек на сутки, и ты спокойно и полноценно мог поесть. Во-вторых, никто над душой не стоял, и работы было

немного. В-третьих, там не было младшего сержанта Прокудина. И мы с Андреем однажды попросились на этот далекий участок. Свилярник находился примерно в километре от нашей части. Старослужащий сержант разъяснил нам фронт работы, и мы, не торопясь, сделали всё, что требовалось. Гуляя по двору, я решил заглянуть в сарай, что находился рядом со свилярником. Там, на бетонном полу, я увидел горку белых сухарей. Нам, солдатам, давали только черные, и то не досыта, а свиной кормили белыми, аппетитными с виду сухарями. Несмотря на то, что хотелось есть, я не взял ни одного сухаря. У нас было такое жаргонное слово – «западло», оно обозначало запрет, табу. Брать пищу, принадлежащую свиьям – ниже достоинства, «западло». Я показал Андрею свою находку, на что он отреагировал с присущим ему спокойствием: «Армия, куда деваться!» В этом наряде произошел неприятный для меня случай, о котором мне не хотелось бы вспоминать, но он занозой засел в памяти. Это – банка каши с тушёной. Та самая проклятая банка каши, которую не захотел со мной разделить мой друг Андрей. Свою он отдал сержанту, управляющему свилярником. Тот пожаловался, что ему нечего есть, и мой друг без раздумий поделился с «дедом» сухпаем. Этот сержант не похож был на человека недоедающего, был весьма упитан, и служба его была гораздо легче нашей. Жил припеваючи, как говорится: «Кум королю и сват министру». Служил как на гражданке, не знал подъёмов, тревог и спортивных праздников. С прапорщиком, что заведовал этим свилярником, жил душа в душу. И с каждой туши, что забивалась в солдатскую столовую почти каждый день, он мог оставить себе небольшой кусок мяса. Об этом я и высказал Андрею, и о том, что не следовало бы раздавать сухпай таким не голодающим ребятам, как этот свиляр. Мой друг промолчал и разделить со мной мою кашу отказался. Я был не прав, я должен был поддержать его, как это делал он всегда. Это был единственный случай за всю учебку, когда мы не поняли друг друга.

А в январе Андрею пришла посылка из Грозного. В ней были даже такие забытые в армии продукты, как кофе и сгущёнка. Это был настоящий праздник. Сгущёнкой, сладостями и другими продуктами Андрей поделился со всем взводом, а баночку кофе оставил себе. Нужна была изобретательность, чтобы сохранить ее и спрятать подальше от чужих глаз. В следующий наряд нас поставили по штабу. Это был наряд для «белых людей» – в чистоте, без суеты, почти всю ночь спали на полу, прямо на шинелях, да ещё кофе пили. После наряда по столовой и свилярника это была награда. Утром требовалось сделать доклад начальнику штаба, днем иногда приходилось бежать посыльным, вызывая какого-нибудь офицера. А ночью нас никто не тревожил. Мы рассказывали друг другу о своей прежней жизни, мечтали о том, как будем жить на гражданке, когда отслужим. Нам оставалось служить уже на целых два месяца меньше. И еще мы мечтали попасть в Афганистан. В добытой нами литровой баночке мы кипятили воду. Кипятильник был самым простым – к разделенному надвое изолированному проводу присоединялись две бритвы, разделенные несколькими спичками и затянутые нитками. Этот самодельный нагреватель моментально нагревал воду. Мы экономно расходовали кофе, а баночку прятали под бетонную плиту, что лежала неподалеку от штаба. И, приходя в следующий наряд, доставали нашу «затарку» и пировали. Кто мог похвастать таким шикарным нарядом! Но счастье наше длилось недолго. Придя в очередной раз, мы не обнаружили не только баночки, но и самой бетонной плиты. Была оттепель, малая пехота убирала свою территорию.

вымела все дочиста вениками. После этой уборки исчезла бетонная плита, но следов от техники на земле я не видел. Может, пехота вручную ее утащила? Бог с ней, с плитой! Жаль кофе, которое мы успели только ополовинить.

И все же чаще всего мы попадали в наряд по столовой. В один из таких нарядов мы разносили питание для своей батарееи, расставляли на столы казаны, тарелки, хлеб... В это время в столовой питалась первая батарея. Я поприветствовал Юрку Краснобаева, своего земляка, с которым поддерживал связь. Суета царила в наряде. Все бегали, чтобы успеть покормить очередную батарею. В этой сутолоке я обнаружил лишнюю тарелку мяса с подливом. Наглый повар в тот раз просчитался. Я тоже не растерялся. Это было дополнение на стол ко второму блюду, вкуснее которого в армии я ничего не ел. Схватив подлив, я помчался по лабиринту меж столов первой батарееи. Пробравшись среди суетившихся солдат нашего наряда, я подошел к одному из столов и передал эту драгоценность прямо в руки моему земляку.

– Угощайся, Юрня! – и быстро затерялся среди моих летающих сослуживцев.

Этот случай напрочь исчез из моей памяти, как и многое другое, но о нем мне напомнил сам Юрка Краснобаев четверть века спустя после армии. Этот подлив он разделил со всеми сидящими с ним за столом. Они обрадовались, спросив: «Кто это?» Он гордо ответил: «Мой земляк!» Еще сказал, что был тот подлив необычайно вкусен.

ВОЖДЕНИЕ. КУСОК САЛА. ДЕРЗКИЕ «ДУХИ»

Наконец-то нас стали водить на танковый полигон на вождение! Хотя что-то новое в нашей однообразной жизни. До смерти надоел плац, от которого ноги гудят! Порядком надоели все эти теории строения боевой машины, спортгородок... Это всё, конечно же, осталось. Но сам поход на полигон, смена обстановки и эта мощь боевой техники обещали много интересного. Из нас, может, пара человек работала на тракторе до армии, для них переучиться ездить «на броне» – сущий пустяк. Некоторые, как я, обучались в сельской школе на уроках сельхозмашин, немного ездили на тракторах и имели представление о вождении. Кто-то гонял на мотоцикле и знал, как переключать скорости. А половина из нас не имели даже представления о вождении. По каким критериям нас набирали в механики-водители, одному богу известно!

Сержант Елистратов вел наш взвод по сопкам к месту вождения. Там нас поджидала пара гусеничных бэтээров. На броне, в черных, промасленных до блеска комбинезонах, со шлемофонами на голове, сидели механики-водители из УБВТ. Мы их называли «постоянка» – постоянный состав. Они, в отличие от нас, в Отаре служили все два года, до самого дембеля. У них, по слухам, «дедовщина». У нас – «уставняк», то есть всё по уставу. Что лучше? Кому как повезет! И там, и там «весело»...

По поведению механиков было видно, что служили они не первый год и что с нами они миндальничать не намерены. Скорее всего – «черпаки», «деды» в казарме сидят, к дембелю готовятся. Мы для них «духи». Елистратову они дали понять, что дальше не его забота, они сами будут делать из нас людей. Его власть над нами только до брони. Мы соблюдали очередь, волновались, ведь нам настоящую боевую технику водить доверяют. Первые два человека пошли – по одному

в каждую машину. Они забрались на броню, спустились в люк и заняли кресло за рычагами. Механики спустились следом. В ближней машине послышался громкий голос водителя. Машина завелась, рванула с места и заглохла. Снова раздался раздражённый голос «черпака», глухая затрещина и снова могучий рык двигателя. Бэтээр плавно стронулся и пополз по накатанной дорожке по кругу. Второй – за ним, соблюдая дистанцию. Во втором – Ваня Чеботарь, он трактористом был до армии, поэтому техника его слушается. Через десять минут они закончили прохождение круга и остановились на тех местах, откуда начали движение. Наши ребята выбрались из машин и стали делиться с нами полученными впечатлениями. Чеботарь чуть не пел от радости, улыбка на всё лицо. У него всё отлично. Чересеу доволен меньше своего земляка, на его щеке грязный отпечаток от перчатки «черпака».

Спрашиваем его:

– Это что у тебя на щеке?

– Там сами узнаете, – он старательно вытирает рукой грязное пятно на лице.

Пошла следующая пара. Все повторяется: машины дергаются, глохнут, «черпаки» покрикивают, снова заводится двигатель, уходят по кругу. «Особо тупые» покидают машины с грязными лицами, что свидетельствует о том, что «черпаки» не особо красноречивы в поучениях, но используют проверенные средства, весьма доходчивые. На улице холодно, перчатки у них грязные. Зато в следующий раз мы знаем, что лучше «не тупить», а запоминать уроки на лету. Дошла очередь до Салтиева. Бэтээр дёрнулся, заглох, раздался знакомый крик механика-водителя, глухой удар, несколько ответных, какая-то возня. Вскоре «черпак» вылез на броню. Он сидел недовольный, с грязной щекой, ноги спущены в люк, стал учтиво командовать сверху. Тронулись, поехали. Так весь круг он на броне и просидел, хотя было холодновато. После поездки с Салтиевым спеси у «черпаков» немного поубавилось.

К обеду мы вернулись с полигона, разбрелись возле столовой в ожидании своей очереди. Мы с Андреем Алымовым стояли на снегу возле бордюра и разговаривали. Слушая друга, я в задумчивости автоматически бил каблуком по снежной корке. Под снегом, во льду блеснуло что-то круглое. Я нагнулся и увидел изображение Ленина. Рубль! Вот это подарок! Я выбил его каблуком вместе с осколком льда, погрел в ладонях и протер досуха об шинель. Расчистил снег ногой и увидел во льду еще немного белой мелочи. Мы ее выбили из льда и положили в карман. Рубля полтора. Вот так счастья привалило! Теперь нам было с чем идти в наряд. Можно было позволить себе купить килограмм пряников и горсть конфет. Только мы закончили со своим небольшим «кладом», как раздалась команда замкомвзвода Елистратова: «Строиться!» А следом: «Слева по одному в столовую бего-ом ...арш!» Мы были голодные, ели быстро. Говоря по-солдатски – «метали».

Третий взвод поел раньше и уже выходил строиться на улицу. Возле нашего стола остановился аварец Мага. Мы его не заметили. У Магомедова была своя цель. Он следил за Салтиевым. С некоторых пор у них обострились отношения. Мага обтесался, стал злым и острым на язык, как горный клинок. Из тщедушного паренька он превратился в дерзкого бойца с претензией на лидерство в батарее. Его везде поддерживали земляки из других подразделений. Да и у нас было много дагестанцев, в основном лезгины. Но аварец, гордый потомок великого Шамиля,

был один. Салтиеву тоже не на что было обижаться – его земляков в наш призыв было более чем достаточно даже в нашей батарее. Они соперничали между собой. Магомедов стоял неподалеку от нашего стола и наблюдал за Салтиевым, который был увлечён едой.

Вдруг раздался крик Маги:

– Он съел сало! Салтиев съел сало!

Кампаш подскочил из-за стола, быстро проглотив еду:

– Я не ел! Не ври! Это была картошка.

– Я сам своими глазами видел, как ты съел кусок сала! Ты – нарушил Коран.

Ты не мусульманин!

– Я съел картошку! – оправдывался чеченец.

Склока, которую затеял Мага, должна была утвердить его в лидерстве, ведь он предъявил серьезное обвинение своему конкуренту. Но доказать это было невозможно, ведь кроме него этого никто не видел. Чем бы закончилась эта стычка, неизвестно, если бы к Маге не подошел большущий чеченец Муса из его взвода и с акцентом не стал уверять аварца, что «мы братья, мы все с Северного Кавказа!» Конфликт был улажен, но Салтиев запомнил эту дерзость Магомедова. До конца учебки они таили вражду друг на друга. Мне же однажды она сыграла на руку, это было в самом конце, перед нашим отъездом.

Буквально в тот же день вечером в столовой произошёл грандиозный конфликт, который мог закончиться крупным побоищем. Виновником конфликта был не то наш старшина Серёгин, не то слишком расторопный «дух» из «постоянки», сложно рассудить. Стечение обстоятельств. Наш старшина уже готовился к дембелю. Он привык к тому, что ему беспрекословно подчиняется целая батарея. Достаточно было сказать Серёгину всего одно слово, чтобы любой сержант, будь то замкомвзвода или командир отделения, тут же выполнил его приказ. Про нас, рядовых, и речи не могло быть о неподчинении. В тот вечер вместе с нами в столовой на приеме пищи находилась «постоянка», батарея УБВТ. Один очень расторопный «дух» из УБВТ был отправлен «дедушкой» за солью и перебежал через проход к соседнему столику. Как известно, в нашей армии приказы выполняются либо мгновенно, либо молниеносно. Желание «дедушки» – тот же приказ. Наши сержанты уже поели и, покинув свой стол, шли к выходу. Первым шёл Серёгин. Надо же было именно в этот момент бойцу из УБВТ промелькнуть перед самым носом нашего старшины. «Дух» взял солонку с солью и метнулся обратно, чуть не задев старшину. Серёгин двумя ладонями оттолкнул солдата от себя, отчего тот расстелился в проходе, рассыпав соль. Вроде несильно задел, но этого хватило, чтобы тот потерял равновесие и упал. Учитывая рост и мощь нашего старшины и небольшой вес солдата, можно предположить, что он не собирался того ронять, но не рассчитал свои силы. Соль, которая предназначалась «дедушке», была рассыпана. «Дед» подскочил из-за стола и попытался кинуться на нашего старшину, но в проходе было узко. Следом за ним, как по команде, подскочила вся «постоянка». Раздался невиданный здесь доселе шум, неразбериха. Тут же подскочил из-за стола Салтиев и закричал на «дедов» из УБВТ. Мы следом за ним повыскакивали со своих мест, бросив еду. Мага с Мусой подняли третий взвод. Кубайдулин Кайрат – второй взвод. Рафа – четвёртый.

«Деды» и «черпаки» из «постоянки» напирала на нас, крича в несколько плоток:

– Вы куда, «духи», прёте! Быстро на место! Оборзели! «Дедушек» не уважаете?!

Салтиев словно бичом стеганул напирющую толпу:

– Пошли на улицу, посмотрим, где у кого какое место!

Все быстро стали выходить на улицу. Серёгин, разруганный от стычки, шел первым. Батарея – за ним. «Постоянка» выскочила вслед за нами и сразу кинулась в нашу сторону, но мы уже приготовились: намотали ремни на руки, Серёгина с сержантами оттеснили вглубь нашей толпы. Впереди взводов стояли Муса, Мага, Рафа, Кубайдулин Кайрат, а впереди всех бегал Салтиев Кампаш и «заводил» нас. Ребята из УБВТ застыли на полпути, что-то недовольно крича. Из темноты появился офицер, и «постоянка», не солоно хлебавши, подалась обратно в столовую доедать свой ужин. Мы же, построившись, дружно и с песней пошли в казарму.

В КОНЦЕ ЗИМЫ

В конце зимы стало тепло. В шинели – жарко, без шинели – прохладно. Много времени проводим на плацу. Ходим батареями, готовимся к смотру, песни поем в сотню глоток до охрипа. Нашу многонациональную толпу за несколько месяцев переплавили в один мощный монолит – нога к ноге, стекла позванивают в казарме от нашего шага, сотрясаются стены. Но это еще не окончательная переплавка – комбат недоволен. Старшина Серёгин будет вить из нас веревки. Дело в том, что все четыре батареи в разное время ходят на одном плацу, и есть возможность сравнить, кто лучше. Вторая батарея вне конкуренции в песне – видимо, у них кто-то из офицеров имеет музыкальное образование. Там поют на два голоса. И какие это голоса! Заслушаешься. Песня подобрана хорошо. Не шалай-валяй, а целый армейский хор получается. Профессионально. Да еще идут слаженно. Прямо театральное действие какое-то. Мы, конечно же, в песне сильно уступаем, но прошагать мы обязаны лучше. И мы снова умираем на плацу. В мозгу звенит эта простая армейская арифметика: «Раз, раз, раз, два, три!» Старшину меняют заместители командиров взводов, муштруют как прокаженных. Наш комбат не привык проигрывать, он к себе требователен, нам тоже не дает поблажек.

Наряд в сравнении с муштрой на плацу кажется отдыхом. Даже «дискотека» по столовой не так напрягает. Но вот и пришла пора заступать в наряд по полку. Мы с Андрюхой попали на новое место – охранять хозпостройку. Она стояла недалеко от складов. Туда мы на своих горбах тащили по субботам огромные тюки со старым постельным бельем. Это было одноэтажное здание, где пол был покрыт кафельной плиткой. Возле окна в коридоре стоял деревянный столик. Слева за дверью – душевая кабина, а прямо – дверь в комнату. Всё – на замках. Это наш пост.

Мы разделили ночь пополам. Алымов заступил первым. Я сменил его ночью. Он мне рассказал, что попытался спать на столе, но замерз – в здании холоднее, чем на улице. Охранять здесь нечего, кому нужен этот старый стол? Кроме него здесь воровать больше нечего! Ночью он пошел в котельную, что находится неподалеку, и там погрелся. Я тоже попытался спать на столе. Немного вздремнул, но промерз и стал прыгать, чтобы согреться, возле двери в душ. Почему-то вспомнилось, как ещё в начале службы мы ходили в эту душевую. Вся батарея

пошла мыться в баню, кроме нас. А мы вчетвером притащили сюда баулы с бельем нашего подразделения. Нам доверили ключи от душа. И мы, радостные, что над душой никто из сержантов не стоит, забежали в мойку. Я разделся, прошел босиком по ледяному бетону и встал под душевую лейку. Меня обдало холодной водой и на мгновение перехватило дыхание. От пола шел пар, и создавалось обманчивое впечатление тепла.

– Как водичка? – спросил кто-то из ребят.

– Отлична-а-я! Горячей воды тут вообще нет!

– Шутишь! Ты же моешься.

– Во-от, в холо-о-дной и моюсь.

Помнится, что мы все хохотали, то ли от ледяной воды, то ли оттого, что были юны и армия нам открывалась с неожиданных сторон, о которых мы на гражданке даже не могли предполагать. И никто из нас после этого не заболел.

В ту ночь на этом мертвом посту я простоял, пока не почувствовал, что заледенели пальцы на ногах, и пошел в сторону котельной. Открыл большую дверь и вошел внутрь. Там был приглушенный электрический свет, большее освещение шло от огня открытых топок, куда солдаты закидывали уголь. На земле, на перевернутых носилках, в бушлате сидел крупный кавказец. Он встал мне навстречу и поздоровался. Я честно признался, что замёрз. Привыкший к стычкам, я подумал, что сейчас он нагрубит мне и будет прогонять. Но то, что произошло дальше, я буду с благодарностью вспоминать всю жизнь. Он открыл топку, пошерудил длинной кочергой золу и вытащил на землю большой кусок раскаленного угля. Этот горящий уголёк он закинул под опрокинутые носилки, на которых до этого сидел.

– Садись, брат, грейся! – и сам удалился. Вскоре он подошел и протянул мне ломоть белого хлеба. – Угощайся! Ничего больше не могу предложить. Чем уж богат...

Я сидел в теплом помещении на теплом сиденье и ел белый хлеб! Как в ресторане. За что, Господи, ты посылаешь мне, недостойному, такие подарки?! Я был счастлив. Ноги согрелись, в желудке не урчало. О чем ещё я мог мечтать в то утро!

Я просидел в котельной около часа. Поговорил с приветившим меня парнем. По акценту я понял, что он – чеченец. Спросил его, откуда он родом. Оказалось, действительно, из Грозного. Поблагодарил его и пошёл обратно.

Больше мы с Андреем на этот пост не просились. И ходить в этот душ тоже не было никакого желания. Пусть другие моются с хохотом в этой ледяной воде.

В одну из суббот нас повели в баню к танкистам. Парилки, естественно, в этом армейском заведении не было. Зато была хорошая просторная мойка с горячей водой. Краны с хорошим напором, душ. Даже седушки были, чтобы мыться сидя. Таза по три вылили на себя к тому времени, когда в дверях появился старшина. Он стоял, пригнувшись, в дверном проеме.

– Батарей, окончить помывку! Выходи строиться!

Мы спокойно домывались – кто смывал с себя мыльную пену, кто просто нежился, желая протянуть удовольствие, плеская на себя тёплую воду. Старшина сделал пару шагов в мойку, схватил пустой таз и запустил его между нами в пустой угол. Таз угрожающе пролетел над головами и с глухим звоном ударился о стену.

– Я кому сказал?! Выходи строиться! Бегом!

Мы мгновенно побросали тазы и полетели к выходу.

Легко после бани на свежем воздухе, кажется, что крылья вырастают. Идем к казарме, чеканим шаг, песню над собой подняли, как знамя. Даже старшине нравится, как мы научились ходить строем. Он в хорошем настроении, перед казармой распустил нас на перекур, целых десять минут дал. Скоро построение на обед – нет смысла подниматься на четвёртый этаж. На лавочках собралось человек двадцать курильщиков, разговаривают, смеются. Зачем я пошел через курилку, ума не приложу, ведь я не курю. Проходя через середину, увидел: лежат бумажных три рубля возле вкопанного в землю машинного диска. В него бросают окурки, и никто не видит банкноты. Я нагнулся и поднял деньги. Никто их не заметил, хотя народу было много. На целых три наряда нам с другом Андреем Алымовым хватило. Бог послал нам на пряники, ведь мы уже месяц жили без денег.

В то же время в третьем взводе среди ночи случилась очередная разборка. Дело в том, что после каждой нашей небольшой полочки у солдат стали пропадать деньги. То у одного, то у другого. Но в основном страдал третий взвод. Так происходило на протяжении нескольких месяцев. Пытались поймать, караулили ночами, но чутьё вора не подводило, и он так и оставался незамеченным. Искали среди солдат. Но однажды лезгинами был пойман за воровством младший сержант Баркус. Среди ночи, когда все спят мёртвым сном, он шарил по карманам чужого солдатского хэбэ. Деньги, эти скупые солдатские крохи, он взять либо не успел, либо их там не было. Его заметил один мелкорослый кавказец, вставший по нужде, и поднял шум. Первым делом на крик подскочили лезгины и в нижнем белье, как белые привидения, окружили сержанта. Но Баркус, этот гнусный тип, стал оправдываться, мол, хэбэ неровно лежало, а он его просто поправил. Для Баркуса этот инцидент мог плачевно закончиться, если бы не вмешался старшина, который крикнул со своей кровати из нашего кубрика, чтоб все легли спать, пока он не поднялся. Пообещал разобраться утром. На следующий день Баркус выкручивался, как лить на сковородке, чтобы хоть как-то сохранить своё лицо. Его оставили в покое, но веры ему после этого не было. И деньги после этого случая перестали теряться. Если бы не старшина, то Баркуса ждала бы участь младшего сержанта Дорохина, потерявшего авторитет. С этой поры желчный Баркус стал ещё больше отыгрываться на своих земляках, давая волю своему ущемленному самолюбию. Кавказцами он управлять уже не мог, в их глазах он был вором. И поэтому он с нетерпением дождался, когда наш призыв выпустят из учебки.

СТАРЫЙ ДОЛЖОК

Смотр прошёл успешно. Комбаты шли впереди своих батарей. Кто из них мог сравниться с нашим Тарковым! Эта стальная машина, заведенная на ровный ход и работающая без сбоев, была устремлена только к победе. Богатырь, состоящий из стальных мышц, так здорово чеканил шаг, что любо-дорого было посмотреть. Мы любили нашего комбата, он был для нас непререкаемым авторитетом. И мы из шкуры вон вылезали, только чтобы соответствовать нашему элитному офицеру. Выше всех на голову шел он, ведя нас за собой. Вслед за ним шли командиры взводов и замполит, высоченный старшина Серёгин, сержанты и наша «коробка» солдат. Проход на «отлично». Не зря мы столько времени проводили на плацу.

Наш взводный, капитан Опекушкин, ко мне всегда очень хорошо относился. Он выделял меня среди других и старался облегчить мою жизнь. Так, однажды

после политзанятий еще в самом начале службы он попросил меня зайти в свой кабинет.

– У вас, рядовой Полетаев, красивый почерк. Вы не хотели бы поработать писарем? Нам писарь нужен.

На улице стоял холод. Многие из солдат уже начали «гнить» и не вылезали из санчасти, единственного места, где можно было законно отсидеться в тепле. Многие мечтали о таком предложении. А как же ребята? Мой взвод? Мой друг Андрей? Я буду отсиживаться в офицерском кабинете, а они по сопкам рысачить и на плацу умирать. Как же я им в глаза буду смотреть!

– Извините, товарищ капитан, не могу. Я лучше к ребятам... Со своим взводом...

– Ну, как знаете. Моё дело предложить. Неволить не будем. Можете идти к своему взводу.

И я помчался на улицу догонять своих. А писаря нашли буквально в тот же день. И вот теперь, когда наша учёба в зенитном подразделении стала приближаться к концу, Опекушкин снова вызвал меня к себе. Он всегда был вежлив и спокоен, и осаживал зарвавшегося сержанта или солдата с таким же завидным спокойствием.

– Из вас, рядовой Полетаев, мог бы получиться хороший сержант. Мы только достойным солдатам делаем такие предложения. Вы не хотели бы остаться в нашей батарее сержантом?

– Нет, товарищ капитан. Я бы хотел служить как можно дальше от Отара, желательно в Афганистане!

– Я вас понял. Но если передумаете, то мы возьмём вас сержантом.

Разговор протекал весьма откровенный, и я искренне уважал нашего взводного. Но в Отаре я не хотел оставаться, а до Афганистана из нашей батареи было рукой подать.

– Извините, товарищ капитан, но... При всем моём уважении к вам... Я не передумаю!

– Ну что ж, благодарю за честный ответ. Можете быть свободны.

Март стоял тёплый. Мы поскидывали шинели и ходили в хэбэ. Солнце стало палить жарче день ото дня. Стоило присесть на корточки, как солнечные лучи даже через хэбэ прижигали колени, и приходилось вставать. Нам выдали панамы и фляжки, в которые наливали кипяченую с верблюжьей колючкой воду из специальной бочки. Фляжки крепились за ремень на правом боку. За полком, где-то над сопками, звенели жаворонки. Туда мы и пошли в один из дней. Опекушкин взял с собой наше отделение во главе с Прокудиным, и мы отправились на свой зенитный полигон. Капитан поставил задачу младшему сержанту привести отделение на точку самостоятельно, а сам ушёл вперед. Каждый рядовой из нашего отделения нёс в руках лом или лопату. Нам предстояло немного выровнять грунт в ямах на позициях наших зенитных установок. На выходе из Гвардейска Прокудин переобулся в кроссовки, что захватил с собой, а сапоги оставил на КПП. Так, без лома, налегке шёл впереди наш младший сержант. Я – вслед за ним, первым в отделении. Мы отошли с полкилометра, когда Прокудину под ноги попала ржавая заострённая железка, похожая на небольшой ломик. Он поднял её и подошёл к нам.

– Полетаев, неси, – он протянул железку мне, – пригодится. Ею хорошо грунт долбить.

– У меня есть лом! Тебе надо, ты и неси!

Меня возмутила форма обращения, это не была просьба, и это не был приказ: «Рядовой Полетаев, я приказываю...» Да ещё наглость, с которой он подошел именно ко мне, а не к кому другому. Прокатался на мне всю учебку, все трудные работы – мне, наряды – мне... После моего отказа он опешил и сделал непрости- тельную глупость – легонько ткнул мне в живот этой железкой. Через мгновение я держал его за грудки, ногами он едва касался земли. Железка вылетела у него из рук. Во мне клокотала вся скопившаяся ярость на этого человека за то, что все эти месяцы он был ко мне несправедлив. Он всколыхнул во мне всю ту муть, которая оседала долгое время. Нужно было рассчитаться по долгам. Никто из отделения за него и не думал вступиться.

– Сейчас капитан скроется за сопкой, и, если хочешь, мы с тобой договорим... – пообещал я перепуганному Прокудину и выпустил его из рук.

Так я подвел черту в наших отношениях.

На ближней сопке ещё маячила фигура капитана. Он шёл, не оглядываясь. И тут Прокудин сделал ещё одну глупость: он поднял железку и обратился к талдыкурганцу Дюсюпову.

– Дюсюпов, на, неси!

– Пошел ты...

Никто из отделения не взял эту ненужную вещь, а Прокудин узнал в этот раз о себе много нового. Ему ничего не оставалось, как развернуться и идти вслед за капитаном. Дёрнул же его чёрт поднять эту железку! Шёл бы себе да шёл. Может быть, и обошлось бы. Теперь он налегке быстро удалялся от нас – ведь он в кроссовках был. А мы самостоятельно шли следом. На точке мы разбились на две группы: одни долбили яму ломами, другие лопатами выкидывали каменный грунт. Притомившись, мы расселись в той же яме. Солнце припекало. Над нами в сотни голосов пели жаворонки. Незаметно все уснули. Опекушкин, до того гулявший по округе, увидев нас, будить не стал. Как всё-таки капитан жалел нас, солдат! Он подошёл к Прокудину, сидящему в стороне. Тот встал перед офицером. Капитан сказал, чтобы он разбудил нас минут через двадцать-тридцать и повёл сразу на обед в столовую. А сам пошёл в сторону полка.

По дороге в столовую мы спустились к небольшому озеру, что виднелось слева между сопок. Разделись и стали купаться. Вода была мутноватой, но не ледяной. Когда рядом со мной проплыла змея, мы все резво выскочили из воды и пошли в сторону дальней сопки, где маячила фигура Прокудина.

АФГАНСКАЯ КОМАНДА

Время учёбы в зенитном подразделении приближалось к концу. Мы сдали во- ждение. Каждый самостоятельно проехал на гусеничном бэтээре по намеченной дистанции с мостом, рвом и прочими препятствиями. Я, как и все, волновался. Но когда я сел в кресло механика-водителя, приготовил несколько кусочков рафинада, припасённых на такой случай, и сразу успокоился. Положил квадратик сахара в рот, надел шлемофон, дождался команды, завёл двигатель и поехал. Я почув- ствовал машину, её дыхание, рычащую мощь. Спокойно вёл там, где нужно было проехать по мосту, через ров, разогнал броню на всю мощь на заключительном этапе и остановил на том месте, откуда начал движение.

В парк боевых машин в последние дни мы ходили, чтобы создать видимость учёбы. Елистратов повторял нам на второй раз пройденный материал. Перекуры стали долгими, не как в самом начале, когда всё делалось бегом. Мы сидели, прислонившись к бетонной стене, разговаривали о гражданке и размышляли о своём будущем. Мне отчетливо врезался в память такой момент: Андрей Алымов, неторопливый и спокойный, негромким голосом уверял меня, что ему нужно непременно попасть в ДРА. На его лицо падала тень от панамы.

– Артём, я жизни своей не представляю без Афгана! Мне нужно туда попасть, понимаешь!

Это была его навязчивая мечта, как и у многих из нас. Солнцем припекло колени через хэбэ, мы встали и пошли в тень бэтээра. Еще пару месяцев назад мы замерзали у этой брони, клянчили у «постоянки» тряпьё и солярку, чтобы хоть чуть-чуть согреть над костерком замерзшие руки и ноги. А теперь мы изнывали от жары.

Нас снова построил в две шеренги Елистратов, и мы, стоя возле горячей брони, слушали нудное продолжение строения ходовой части. Мананков из второй шеренги, утомленный жарой, незаметно снял с пояса фляжку и, пригнувшись за спиной впереди стоящего солдата, сделал пару глотков. Замкомвзвода Елистратов в ту сторону не смотрел, но прекрасно контролировал нас всех. Он быстро подошел к нарушителю, забрал фляжку и на глазах у всех вылил её вдоль нашего строя. Воду с жадностью впитала сухая земля.

– Етить-колотить, команды «Разойдись» не было. Пить в строю запрещается. С теми, кого дома разбаловали мамки, я нянчиться не буду!

След от воды, протянувшийся вдоль наших ног, постепенно высыхал. Через пару минут его уже не было. Урок был наглядным и доходчивым.

– Половина из вас скоро «за речку» пойдёт. Там вот такие водоглоты первыми пойдут под раздачу. И там с вами церемониться никто не будет. В колонну по три стано-вись! Шаго-ом-арш!

Пошли по неровной дороге из парка, пыль над нами поднялась тёплая, мягкая, противная. Зря Одесса фляжку достал, только замкомвзвода разозлил. И никто ему за это под дых не сунул, рядом с ним Салтиев шел, да и каптерщик он, приближённый старшины. В кои веки со всеми пошел, и сразу – залет.

Нас завели в казарму. За дверями офицерской дожидался Опекушкин на предварительное согласование. Столпились, всем интересно: а зачем, а для чего? Вышел первый, и стало ясно – о дальнейшей службе речь. Андрюха Алымов уронил лицо в ладони, словно у него горе случилось, чуть не плачет.

– Что случилось?

– Мне в Афган надо попасть...

– Ищущие да обряжут! Проси взводного хорошо. Я тоже попрошусь.

Подошёл мой черед. Я постучался, сделал доклад, как полагается.

– Рядовой Полетаев, где бы вы хотели в дальнейшем проходить службу?

– В Афганистане, – с надеждой произнёс я.

– Мы подумаем над вашим пожеланием. Вы свободны.

– Есть! – я развернулся через левое плечо и вышел.

Не знаю, что говорил за дверью мой неторопливый, скромный друг Андрей, но утром, после завтрака, нас вместе вели в одной команде на медосмотр. Почти восемьдесят человек из ста двадцати. Много «залётных»: этот подрался, тот бэтээр чуть с моста не опрокинул... Мы с Андрюхой радовались. Нас обнадѐжили.

сказали, что первая команда на юг, на горную подготовку пойдет, а оттуда – в Афган. Новые чувства, юношеская тяга к экстриму играла как шампанское. В тот же вечер комбат осадил нас, приглушил романтический ореол над нашей мечтой.

– Куда вы все рвётесь! Афганистан – не курорт, там убивают. Повезут вас в Чирчик на горную подготовку. Там завод по восстановлению нашей техники. Вас бы туда на экскурсию! – он стоял перед нами огромный, мощный, как стальной рельс, поставленный на торец, говорил, не торопясь, обдумывая каждое слово. – Мина взрывается под вторым катком, дырка в днище прямо под сиденьем механика-водителя. Развороченное железо, словно обычная консервная банка... Куда же вы, сынки, рвётесь?

Пробил до мурашек комбат, зацепил, жалеючи нас, за самые глубокие струны души. Была бы его воля, он бы нас туда не отправлял. Но ему хотелось уберечь хотя бы самых лучших. Одно дело – «родина отправила», а другое дело – по собственному желанию туда попасть.

На следующий день с утра до обеда мы провели в спортивном городке. На турнике, на брусках, а потом пошли на круг рысачить на время километр. Перед тем как бежать, наш замкомвзвод Елистратов показал рукой в сторону казармы.

– Видите, в окне нашей батареи на четвёртом этаже кто-то стоит? Итить-коло-тить, это старшина. Вы у него как на ладони. Он сказал, что будет наблюдать за вами.

В окне действительно виднелась крупная фигура. За нами наблюдали. Елистратов засёк время, и мы побежали по кругу. Результат оказался хорошим. Но замкомвзвода сослался на старшину, мол, тот приказал два километра пробежать на время. И мы, уставшие, трусцой побежали на новый круг. Когда вернулись в казарму, то обнаружили стоящего у окна Саида Мирзоева из четвёртого взвода. Ростом он был под стать Серёгину.

– Чего стоишь тут, Саид?

– Старшина поставил в окно смотреть!

– Вона что! – мой мелкорослый друг Андрюха Алымов подошёл к крупному Саиду. – Мы как лошади умираем на кругах, думаем, что это старшина стоит, а тут вон кто. Ну-ка, Саид, давай иди в свой кубрик, пока я не осерчал.

– Старшина говорил в окно смотреть...

– Всё! Мы пришли, смотреть больше незачем. Мы тебя отпускаем, иди!

Андрей был ему по грудь. Бегать он не любил, к тому же настроение у него было скверное, а для драк он выбирал таких вот больших ребят, как Саид. Обычно зажимал их в углу кубрика или ловил на лестнице между этажами и проводил быстрый прием из дзюдо. Мирзоев всё понял и неуклюже покандылял по коридору. Это был странноватый детина из Таджикистана. С самого начала он здорово «косил под дурака», на команды не реагировал, делая вид, что не понимает русский язык. Что-то мычал, говорил по-таджикски. Хорошо, что в том взводе был ещё один таджик, который переводил Саиду на родной. Здорово помучился с ним заместитель командира четвёртого взвода. С месяц он дурачил сержантов, пока не «прокололся». Было это после политзанятий. Большая карта мира висела в коридоре на деревянных стойках. Мы водили пальцами по ней, показывая свою родину. Каждый из нас находил город, откуда призвался. В нашей игре участвовало несколько человек.

Наблюдавший со стороны Саид тихо подошёл к нам и повёл большим пальцем по карте:

– Это Душанбе. А это – Курган-Тюбе. А тут – Куляб. Здесь – Пяндж...

Он до того увлёкся игрой, что даже не понял, почему парни вокруг него странно замолчали. Рафик Рустамов за спиной у Саида подал знак Ерлану Дюсюпову, чтобы тот ещё что-нибудь спросил.

Ероха, как мы его называли, подражая Саиду, повел пальцем по карте:

– Где-то Москва находится, не могу найти?

– Да вот она Москва! – обрадованно показал точку на карте Мирзоев, говоря на чистом русском языке.

– А ты географию хорошо знаешь! – втягивал в разговор Саида Ерлан.

– Да, я люблю географию, у меня в школе «пятёрка» по ней была! – Мирзоев повернулся лицом к ребятам и тут только понял, что крепко вляпался.

– А ты и на русском, оказывается, хорошо разговариваешь! Только что ты нам целый месяц мозги пудрил! Ходишь везде с переводчиком, – Рафик, лидер из четвертого взвода, набычился, глядя на «залётного» верзилу. – Теперь ты у меня будешь летать, как ссанный веник! Понял?

Мирзоев попытался опять «забыть» язык, но этого ему не позволили. Нас было человек десять свидетелей неожиданного обретения языка человеком. Замком-взвода «наградил» внеочередными нарядами залетчика. С этой поры Мирзоев делил все невзгоды со своим взводом, ему поблажек уже не давали.

После обеда, как только мы вышли из столовой, старшина Серёгин повел батарею в баню, в Гвардейск. Сначала мы свернули на проселочную дорогу. Стояла жара, пыль поднималась с нагретой земли. И тут началось.

– Вспышка справа! – мы попадали на землю.

Прошли метров десять.

– Вспышка слева!

Мы проходили метров десять-пятнадцать, и поступала новая команда.

– Гусиным шаго-омарш!

Мы шли на корточках, пока у нас не замлели ноги. Вышли на асфальт. Пошли строевым шагом с песней. Чеканили шаг, как того требовал старшина. Этот поход в баню мне хорошо запомнился. Заведение, в которое мы пришли, было довольно просторным, вместительным. Был хороший напор воды горячей и холодной. Только стоило прикоснуться к тазу, как чувствовалось легкое трепетание в пальцах электрического тока. Быстро выдергивали тазы и несли к лавке. В этот раз никто в нас тазы не метал. Дали спокойно помыться. Это был последний поход в баню перед выездом из Отара.

В тот же день мы вчетвером уносили белье в прачечную. Шли возле деревянного забора, на котором были нацарапаны имена служивших здесь ранее солдат. Я нашел гвоздь и нацарапал свое: «Артем Полетаев Усть-Каменогорск. Уходим в Афган!»

ПРОЩАЙ, ОТАР!

Последние мои воспоминания об учебном зенитном подразделении складываются в мозаичную картинку, состоящую из нескольких разных эпизодов, хорошо запечатлевшихся в памяти.

Нас, несколько человек, повезли в Отар на закрытом грузовике. Перевозили коробки с продовольствием. Мы сидели в будке на лавках. Машину здорово качало. Заметили, что одна коробка разорвана. Кто-то из ребят просунул руку в

дырку и вытащил баночку. Вскрыли – что-то сладкое, не то повидло, не то джем. Обыскали сумеречное пространство будки, расщепили найденную фанеру на полоски и, как ложками, мгновенно выскребли сладость. Достали ещё банку, успели ее опустошить до подъезда к месту. Не пресытились, но аппетит перебили. Полакомились, если можно так назвать это реактивное потребление пищи. Мы уже привыкли к тому, что теряться в армии нельзя, и если есть хоть какая-то возможность подкормиться или добыть какую-то вещь, то нужно её использовать. Назад мы возвращались самостоятельно, пешком.

После похода в баню со старшиной, когда мы ползали на брюхе, выполняя его команды «вспышек», наши хэбэшки были довольно грязными. И эту свою форму нужно было срочно стирать. Мы забивали очередь на куски хозяйственного мыла и, дождавшись её, быстро выстирывали обмундирование на плиточном полу в мойке. Вдвоём накрепко выжимали и расправляли, чтобы хэбэшка не была сильно пожульканой. Теперь её не надо было сушить своим телом, как мы делали зимой, расстилая под простыню. Мы вывешивали обмундирование на плечиках за окно, и через пятнадцать-двадцать минут оно полностью высыхало на палящем апрельском солнце. Стоило немного передержать, как ткань выгорала и теряла свой цвет, становясь беловатой, словно её в белизну окунули.

В последнее время перед нашим распределением продолжал лютовать младший сержант Баркус. Он «съедал» своих земляков заживо, особенно если находился хоть крохотный повод к этому. Они у него постоянно «тащили» наряды по батарее. На кавказцах он не мог выместить свою злобу, и отрывался на своих. Если за гитариста Андриуса Варнаса мог всегда вступить старшина, то за некрасивого худощавого паренька Иванова замолвить слово было некому. Один раз Иванов, стоя дневальным у тумбочки, закинул сухарь в рот. Именно в этот момент Баркус вынырнул из двери туалета. Злобе его не было предела, ведь солдат, стоя на посту, совершил дерзкое неуставное деяние – положил в рот сухарь. Реакция Баркуса была неадекватной. Он как былинку повалил этого доходягу на пол и стал засовывать в рот выплюнутый сухарь. Иванов мычал, не раскрывая рта. А этот звероподобный младший сержант сидел на нём и пихал тому в рот сухарь, расцарапывая губы.

– Жри, гадина! Кто тебе давал право нарушать устав?! – Баркус вытащил из ножен у солдата штык-нож и пытался разжать челюсти, засовывая лезвие между рядами зубов. – Я тебя накормлю, гадё...

На счастье Иванова, в полупустую казарму вошли старшина Серёгин и сержант Елистратов.

Мгновенно оценив ситуацию, старшина сделал шаг к дежурному по батарее и приказал:

– Встать, младший сержант Баркус!

Тот неохотно поднялся, ещё не остыв от гнева, и возбужденно оправдывался.

– Иванов на тумбочке сухари жрёт, нарушает устав!

Старшина багровел на глазах.

– А ты не нарушаешь устав, издеваясь над ним?!

До Баркуса стало доходить, что он действительно переборщил.

– Ночью жду тебя в каптёрке на «разбор полётов»! Ты понял меня, Баркус?!

Это был приговор. Тот скукожился, потому что знал, что значит «молодому» попасть к «дедам» для общения. Раз он нарушает устав, то и по отношению к нему можно нарушить устав. Серёгину надоело возиться с этим залетным сержантиком.

Он, возможно, пожалел, что заступился за Баркуса, когда лезгины поймали того среди ночи, лазающего по чужим карманам. Ведь после того случая прекратилось воровство денег. А это значит, что воровал именно он.

Вечером, когда ушли офицеры, Серёгин, развалившись на своей кровати по пояс голый, опять стал трубить свое унылое: «Хочу домой! Андрейка, сыграй!» Андриус приходил из дальнего глухого угла и садился на табурет возле кровати старшины.

– Андрейка, сколько мне осталось?

– Так приказ же уже был, товарищ старшина, ещё в конце марта, – неторопливо, с литовским акцентом, напоминал Варнас, – скоро домой! Вот нас выпустите, и домой!

– Молодец! – хвалил Серёгин солдата за оптимизм и просил: – Сбациай, Андрейка, что-нибудь для души! Давай Антонова заводи!

В ту ночь, худо-бедно отстояв свой суточный наряд, уставший младший сержант Баркус предстал пред ясные очи старшины. Что происходило в каптёрке, вечный завсегдатай ночных «бдений» у старшины каптёрщик Мананков нам не разглашал. Одно было ясно, что обычными разговорами не обошлось. Армия – это не то место, где с подчинёнными общаются по душам. Тем более, если есть «залёт». Той же ночью в каптёрке разбирали еще одного «залётчика» – младшего сержанта Дорохина. Чем он прогневил Бога, не знаю, но его жизнь состояла из сплошной чёрной полосы.

В те сутки мы сменили наряд Баркуса. Я в последний раз стоял в наряде по батарее и видел, как из каптёрки вышел взъерошенный и понурый Баркус. Мананков был послан за Дорохиным. В комнатке находились сержанты-«деды» нашего подразделения. Дорохин пробыл за дверью минут десять и после оживлённой беседы, всхлипывая, побежал по коридору. Всё его существо взывало к жалости: и фигура, и неуклюжая пробежка, и неумение постоять за себя, и неприкрытый плач... Это был духовно сломленный человек. За одной из тумб его сторожил «дед»-сержант, который выскочил, когда тот поравнялся с ним. От испуга Дорохин всхлипнул еще больше, отскочил в сторону и, обежав сержанта, помчался к своей кровати.

Всё, что творилось в казарме ночами, тщательно скрывалось от офицеров. Ночные неожиданные приходы комбата или взводных почти не выявляли нарушений устава и дисциплины. Для этого нужно было жить в казарме, спать здесь же. У офицеров были свои семьи, которым они и так уделяли мало времени. Да и нарушения, как эти «ночные посиделки» с разборками, совершались очень редко, только в экстренных случаях. О них нельзя было знать заранее. Всё, что можно было исправить на сержантском уровне, решалось самостоятельно, без привлечения офицеров, которых они побаивались. Им не было поблажек, и сержантов офицеры не покрывали, пресекая все видимые ими недочёты.

Весь следующий день стояла жара. В казарме было душно. Открытые в туалете окна и входные двери напротив тумбочки, у которой я достаивал свой последний наряд, создавали иллюзию сквозняка. В казарме было мало народа, все готовились к построению на обед. Третий взвод заканчивал влажную уборку с хлоркой в своём кубрике. В проходе показался младший сержант Дорохин. Видимо, он хотел позвать своё отделение на обед. Ребята из третьего взвода унесли ведра

и тряпки в загашник, что находился рядом с туалетом. В этой хозяйственной комнате, в гильзе из-под танкового снаряда оставался сухой хлор, который мы должны были брать для уборки. Кто-то из ребят подал идею лезгинам по поводу этой хлорки. Те пошушукались между собой, засмеялись и, схватив за руки Дорохина, потащили в туалет. Тот упирался, просил оставить, но его упорно волокли, что-то задумав. Возбуждённые какой-то своей игрой, они визжали от радости. Кто-то выволок из загашника танковую гильзу, в которой хранился сухой хлор, и набрал в нее воды. Пошла реакция, острый запах стал быстро распространяться по казарме. Лезгины закрыли на шпингалеты окно в туалете, поставили на пол патрон с хлором и затолкнули в отхожую комнату Дорохина. Дверь снаружи они заперли на швабру. Младший сержант бился в неё, плакал, умолял. Хлор уже просачивался сквозь щели.

Ситуация выходила из-под контроля, злая шутка могла плохо кончиться для всех: один бы задохнулся, а толпа кавказцев вместо Афгана прямиком бы ушла в дисциплинарный батальон. Они в нерешительности толпились в коридоре, размышляя, что делать дальше, переговаривались. Все это безобразие произошло в считанные секунды, перерастая в чрезвычайную ситуацию.

В дверях показался Кубайдулин. Услышав странные вопли со стороны туалета и толпившихся рядом кавказцев, он понял: что-то произошло. Кайрат вопросительно глянул на меня. Я произнёс только многострадальную фамилию «Дорохин», и мы, не сговариваясь, побежали к туалету. Кто-то из кавказцев успел вытащить из дверной ручки швабру, бросил ее под умывальники, и толпа побежала к выходу.

Кубайдулин открыл дверь в задымленный газом туалет, откуда вывалился задыхающийся сержант, которого мы под руки повели по коридору к бытовке. Открыли окно и впустили свежий воздух. Он кашлял, из глаз ручьем бежали слёзы. Мне нужно было бежать к тумбочке, которую я самовольно покинул – казарма оставалась без присмотра. Кайрат, оставив сержанта сидеть на табурете, помчался к туалету, откуда валила белая волна хлора. Он резво забежал внутрь, открыл окно, выбросил патрон наружу с четвёртого этажа и выскочил в коридор. То же самое мог сделать и сам Дорохин, не дожидаясь, когда его прибегут спасти. Но это был человек со сломленной волей и не способный даже на самый крохотный поступок. Постепенно мощный запах хлора выветрило из казармы. Откашлявшись и умыв лицо, Дорохин поплёлся на выход, куда незадолго до этого вышел Кайрат Кубайдулин. Я остался в казарме один. Ждал, когда меня сменил второй дневальный, который уже должен был вернуться из столовой.

В тот вечер после ужина у нас было свободное время. Мы с Андрюхой Альмовым бродили недалеко от казармы и о чем-то разговаривали. Мы тогда не знали, что это последний наш вечер и что больше мы никогда в жизни не встретимся. Мы не сказали друг другу самого ценного – что несмотря ни на что, нам вместе было легче преодолевать трудности, которые возникали перед нами. Я не успел признаться Андрею в том, что он был для меня настоящим надежным другом. Впрочем, это мы знали и без признаний.

Вечер был безветренным. Медленно уходил дневной жар. Солнце садилось за горизонт. В той стороне, где садилось солнце, послышались гортанные крики. Издалека доносилась чужая рваная речь, какое-то дикое рычание, пугающие возгласы. Метрах в ста от нас, на покато́м скате крыши какого-то одноэтажного

здания, дрались между собой два кавказца. Андрей поговору сразу узнал в одном из них своего земляка из Чечни. Оранжевый остывающий солнечный круг садился прямо за ними. На фоне дневного светила эта людская возня была чем-то совершенно выпадающим из замысла Всевышнего, и так не сочеталось одно с другим, что сразу разрушило прощальное обаяние того теплого вечера.

Пока не село солнце, эти две черных тени били друг друга, цеплялись, падали на край, барахтались, вставали и снова цеплялись. Это было последнее, не самое лучшее впечатление, оставшееся у меня в памяти от учебного подразделения.

На следующий день после завтрака, когда мы всей батареей ушли в спортивный городок, прибежал посыльный от комбата и передал записку старшине. Серёгин перечислил восемь фамилий, среди которых была и моя, и мы отправились в казарму. Три человека из нашего взвода – Салтиев, Мананков, Полетаев. И на оставшиеся три взвода всего пять человек. Мы вошли в офицерский кабинет, и каждый сделал доклад о прибытии. Опекушкин встал из-за стола.

– Приехал «покупатель» издалека. Вам, ребята, выпала честь послужить Родине в Центральной группе войск, в Чехословакии. Такое событие в истории нашего учебного подразделения впервые. Так что я вас поздравляю! В Афганистане есть кому и без вас служить. Служите достойно! Гордо несите честь нашего учебного подразделения.

– Служим Советскому Союзу! – отчеканили мы в один голос и поблагодарили нашего капитана, под началом которого было интересно служить.

– У вас есть два часа. Сейчас идите на склад, получите парадную форму и сухпай. Вернетесь в казарму. Здесь вас будет ждать офицер, у него сопроводительные документы на ваш проезд. Ваш поезд отбывает в два часа. Поторопитесь!

– Есть, товарищ капитан! – и мы, развернувшись через левое плечо, чётким шагом вышли из кабинета.

В душе у меня боролось двойственное чувство: с одной стороны, остался осадок оттого, что я настраивался служить в ДРА. С другой стороны, открывалась перспектива посмотреть Европу. Многие наши сослуживцы, узнав о нашем распределении, позавидовали нам. Это был счастливый лотерейный билет. Взводный всегда ко мне хорошо относился, и я не сомневаюсь, что это он обо мне побеспокоился. Возможно, он оберегал меня от чего-то.

Мы сдали постельное белье. Сходили на вещевой склад, получили парадную форму и другие положенные нам вещи. На продовольственном складе – сухой паёк на сутки. И через час с полными вещмешками мы стояли возле офицерского кабинета. Я успел сбежать в первую батарею и попрощаться с земляком Юркой Краснобаевым. У нас оставалось немного времени. Мы зашли в свой кубрик. Как много я оставил здесь своей жизни, такой непростой, небогатой радостями, но по-своему неповторимой! И эта жизнь была насыщена событиями, скрученными в один тугой клубок, где я не мог себе позволить расслабиться до последней секунды.

Мои мысли прервал громкий голос Маги, который важной походкой шёл по коридору. Как он смог уйти со спортивного городка, где находилась вся наша батарея? Весть о том, что за нами приехал покупатель из Чехословакии, быстро облетела полк. Магу привела в казарму зависть. С их, третьего взвода, взяли лезгина Рустама Абдуллаева, с которым я однажды сцепился в бытовке еще в

самом начале службы, да ложкарь Пашу Руснака. Мага возмущался, что понабрали «всяких ложкарей», он себя не контролировал. Искал, за кого бы зацепиться. И тут он увидел меня.

– И тебя тоже взяли! Набрали всяких...

– Ты аккуратнее выражайся!

– Что ты сказал?

– Аккуратнее, говорю, выражайся!

Мы оказались в коридоре друг напротив друга. Мага был решительно настроен и медленно шёл на меня, втянув голову в свои худые плечи и сжав кулаки. Я настроился на драку. Минуту назад я стоял в раздумье о пролетевшей здесь службе, душа была окутана легкой печалью. И вот появился Мага, с которым мы почти никогда не сталкивались, испортил настроение. Тут из кубрика вышагнул Кампаш и встал между нами, прикрыв меня собой.

– Уйди от него! Ты меня слышишь? – с акцентом и явной угрозой обратился к Маге Салтиев.

Аварец развернулся и пошёл к выходу, бурча под нос непонятные слова. Я поблагодарил Кампаша. Теперь мы с ним были, как говорится, «в одной лодке». С Салтиевым на этом же самом месте мы подрались чуть ли не в первый день службы, а в последний день он заступился за меня. Что это было? Давняя вражда Кампаша с Магой или то, что мы теперь стали одной командой, которую увозили на другой край света? Я думаю, и то и другое.

Пришел офицер. Мы закинули вещмешки на спину и пошли вслед за ним. На улице он построил нас в колонну по два. Когда мы проходили знакомой дорогой, нам махали руками и свистели со спортгородка наши ребята, провожая нас. Мы тоже кричали и свистели. Там, стоя в толпе, махнул мне рукой мой друг Андрей Алымов.

Мы спокойно и расслабленно шли знакомой дорогой на железнодорожный вокзал, не пели, не чеканили шага. Сели на поезд, заняв два плацкартных купе. Я сразу забрался на вторую полку. Напротив меня – Паша-ложкарь. Внизу – Одесса и Кампаш. Глядя в окно, я вспоминал, как зимой мы тут мерзли, карауля сбежавших дезертиров. Как я стоял на этом самом мосту, а Одесса воровал котлеты в столовой. Вспомнил и замечательных женщин из пекарни, которые подкармливали нас хлебом.

Поезд тронулся, замелькали дома и исчезли. Я впервые за полгода был представлен самому себе. Больше всего мне хотелось выспаться. Я закрыл глаза, и в полусне меня вдруг посетила отчаянная мысль: а всё то, что со мною было в Отаре, не было ли наваждением или бредом? Жутко захотелось всё это позабыть. Глаза отяжелели, и я с привычной быстротой уснул.

Отар не оставлял меня долгие годы. Однажды, через много лет, родилось следующее стихотворение, которое я назвал «Сны об Отаре».

Приснились мне окрестности Отара,
Где чахлые, больные деревца,
Комбат, что сплав особого металла,
Которого мы любим, как отца.

Которому мы бесконечно верим,
Идем по плацу с песней строевой.

Я и сейчас за этим офицером
Пройду в строю и не нарушу строй.

Земля, что камень там, не плодородна.
И этот сон стряхнуть я не могу.
Отар – как наказание Господне,
Не пожелаешь лютому врагу.

Короткий сон мне всё же душу греет.
Я молод в нем, как двадцать лет назад.
Зенитный полк. В четвертой батарее.
Худой мальчишка. Рядовой солдат.

Заводит песню взводный запевала.
Во сне ему я тоже подпевал.
Комбат мой дослужил до генерала.
– Служу Отечеству, товарищ генерал!

КАРАГАНДА. СТАРШИЙ СЕРЖАНТ КОРОВИН

Мы все спали крепким сном, на который способен уставший солдат. Проснулись часа через два и стали доставать из вещмешков банки сухпая. Плотно пообедали и снова разлеглись по своим полкам. Из приоткрытого окна дул освежающий весенний ветерок. Салтиев веселился, шутил и нас заводил своим юмором. Особенно он «доставал» Юрку-Одессу и Гироку Афашагова. Кабардинец Гирока был добродушным, безобидным парнем, драк не устраивал, был нерасторопным, никогда не возмущался, нес посылно свою солдатскую ношу, не перекладывая её ни на кого. Были у него крупные ноздри, которые он раздувал, когда его ставили в тупик каким-нибудь вопросом. Салтиев любил вводить Гироку в состояние задумчивости и разыгрывал его при первой возможности. Так было с самого начала учебки, так было и в дальнейшем.

– Афашагов! – окликал Салтиев Гироку, который находился от него через стенку в соседнем плацкартном купе.

– Что, Салтиев? – отзывался Гирока и высовывался из-за стенки.

– Скоро будем проезжать долину Чу!

Гирока раздувал ноздри в задумчивости.

– Что за Чу?

– Эх, ты, темнота! Столица конопли.

– А я не курю!

– А тебе никто не предлагает. Но если ты увидишь кого с пучком травы, сразу посылай к нам. Мы с Одессой с ним поговорим.

Гирока, шумно поворачиваясь, исчезал за стенкой. Там у них тоже было весело. Лезгин Рустам Абдуллаев, картавя, рассказывал анекдоты. Ребята преобразились, теперь не нужно было держать себя в напряжении, можно было расслабиться. И мы, хмельные от свободы, будто нас выпустили из заключения, дружно смеялись. Теперь мы все держались друг за друга, забыв прежние ссоры и обиды.

Наши купе находились на входе, возле проводника, и поэтому новые пассажиры проходили мимо нас.

На станции Чу Салтиев наметанным глазом «вычислил» среди входивших предполагаемого курильщика «травы». Вечером Одесса познакомился с этим пожилым человеком. Он имел помятый вид и, как оказалось, был одиноким, опустившимся стариком. Кроме Кампаша и одессита Юрки, этот человек был никому из нас не интересен. Получив «гостинец», Одесса проводил его в своё купе.

А на следующий день мы прибыли в Караганду. Нас привели в пересыльный пункт – слабое подобие воинской части, где команды оставались на короткий срок. Их тут переодевали и рассылали дальше. Нам предстояло переночевать здесь одну ночь. Всем заправлял здесь дембель, старший сержант Коровин. Эта простая фамилия врезалась мне в память. Он уже отслужил свои два года и через месяц-полтора собирался домой. Приказ об увольнении вышел ещё в конце марта. Говоря его словами – нужно было «разгрести» дела – принять и распределить все проходящие через эту часть команды. Да, это был большой «специалист» своего дела! Работу свою он знал прекрасно. Работал с призывниками жёстко, где пачками отводил в сторонку, где индивидуально. Все «золотили ему ручку». Хорошие шмотки откладывал отдельно. У него лежала приличная стопка фирменных джинсов, которые он приготовил, чтобы увезти домой. Сказал, что накопил уже больше пяти тысяч рублей! На дембель поедет «не как оборванец, а вполне достойно!» Да! На золотой жиле сидел старший сержант. И нас он принял с широким размахом, Коровин мог себе это позволить. Узнав, что мы отслужили полгода в Отаре, старший сержант пообещал нам устроить праздничный ужин. Мы, молодые солдаты, не ожидали от дембеля такого щедрого жеста. Он сказал, что поднимет нас на пиршество среди ночи. Нас он разместил в своих «хоромах» – казарме, рассчитанной на небольшое подразделение, где мы сразу «отбились». Салтиев и Мананков иногда вытаскивали из вещмешка «гостинец» от попутчика из долины Чу. Они выходили на улицу и через некоторое время возвращались неестественно весёлыми. Никто не мог понять, над чем они смеются, смех этот был беспричинный, дурной. Потом и эти два дружка легли спать.

Нас подняли среди ночи. Неподдалеку от кубрика стоял огромный стол, за который можно было посадить человек двадцать. Пара молодых солдат суежилась около старшего сержанта. Почти весь стол был уставлен всякими яствами. Чего там только не было! И колбасы, и отварное мясо, и сыр, и халва, и курага с орехами... Коровин сказал, что работы было невпроворот и пришлось хорошо потрудиться – пришла большая команда, человек сто пятьдесят из Узбекистана. И этот стол был их «пожертвованиями» для старшего сержанта Коровина. Глаза разбегались от обилия еды. Радость вечеринки для меня сглаживала боль в горле – видимо, продуло в поезде. Я съел пару кусочков колбасы и почувствовал непривычную сытость. Попил чай с халвой, которую любил и думал, что съем много, но был пресыщен и маленьким кусочком. Помнится, что сильно хотелось спать. Я поблагодарил старшего сержанта и лёг на койку.

Утром мы снова подкрепились за этим щедрым столом и стали собираться на самолёт, который ещё до обеда должен был вылететь. Попрощались с гостеприимным хозяином и весьма интересным представителем наших вооружённых сил старшим сержантом Коровиным и отправились на аэродром.

Нас построили для осмотра, бегло проверили и завели в самолет. Салтиев и Мананков переживали, что пришлось выбросить «травку», думали, что на осмотре её заберут. За время полета мы успели выспаться и два раза поесть. В салоне

играла хорошая музыка. Подходила к концу наша «гражданская» передышка. Через восемь часов мы были в Чехословакии. В иллюминаторе виднелись ровные квадраты полей, аккуратные посадки, кругом – асфальтированные дороги. Когда мы заходили на посадку в Божьем Даре, в салоне играла знаменитая песня группы «Земляне» – «Земля в иллюминаторе». То ли от этой песни, то ли от ощущения того, что мы приземлились далеко от дома, в чужой стране, на душе становилось тоскливо.

Божий Дар представлял собой огромную перевалочную базу, где масса призывников и таких же, как мы, солдат после учебок ждали своего дальнейшего распределения по частям. Этими же самолётами увозили в Союз дембелей. Замена за границей происходила быстро, не то что внутри страны, где после приказа отправку домой ждали месяцами. Только «залётчики» за границей попадали на последние рейсы. Нас поместили в одноэтажную казарму, где сновала масса разношёрстного народа. Это было похоже на проходной двор, кто-то куда-то шёл, кто-то приходил, бесконечно пробегали молодые солдатики и призывники в гражданке. Мы, все восемь человек, держались вместе. Благо, что нас подкормил в Караганде старший сержант Коровин, которого мы вспомнили добрым словом. Благодаря ему у нас сохранился сухой паёк, который мы доели на этом пересыльном пункте. Разница во времени в пять часов сыграла свою роль. Мы, приученные к казахстанскому режиму, едва дождались сумерек и уснули. Утром я заметил, что мой вещмешок лежит под койкой не так, как я его положил, но не придавал этому значения. С утра нас начали забирать по одному. Мы только успевали прощаться. Обнялись, как старые добрые друзья, с Салтиевым Кампашем, когда настал его черёд, потом с Одессой, и я остался один. Вскоре и меня забрали, посадив вместе с солдатами из других подразделений в одну машину, и некоторое время везли в сторону Праги. Как позже выяснилось, четверо попали в одну дивизию, в четыре разных полка, а нас четверо – в другую, тоже в четыре других полка. Севернее Праги, километрах в семидесяти, есть населенный пункт Закупи. В паре километров от этого небольшого городка стоял пехотный полк. Когда нас завозили в него мимо контрольно-пропускного пункта, солдат, стоящий на проходной, жестом показал нам на своей шее удавку, и угрожающе крикнул: «Вешайтесь, “слоны”!»

Часть вторая

ГВАРДЕЙСКИЙ ПОЛК (ЗАКУПИ, ПОЛЕВАЯ ПОЧТА 61026)

КОМБАТ СЕЛИВАНОВ

Нас высадили сразу за КПП на небольшой ровной площадке. Дальше начинался пологий подъём. Прямо – лепилось двухэтажное здание штаба полка с яркой красной табличкой, на которой был написан номер части – «П/П 61026». «П/П» обозначало полевую почту. Гвардейский мотострелковый полк, проще говоря, пехота. Пехотинцы и танкисты, приехавшие в полк вместе со мной из других учебных подразделений, пошли за поджидавшими их возле штаба офицерами вправо. Там стояли трёхэтажные чешские постройки, одна г-образная, другая больше походила на замок, под купол которого вставлены большие часы. Я опять остался один, и

никому до меня не было дела. Через некоторое время показался толстый, похожий на борова, прапорщик с «пушечками» на петлицах, спросил у меня специальность.

– Слышь, механик, ты не хочешь к артиллеристам? У нас, поверь мне, в сто раз лучше, чем у зенитчиков. Будешь себе на САУ ездить, греха не знать. А «Шилка» твоя где-нибудь по дороге развалится ещё, – заманивал меня чужой прапорщик.

– Я зенитчик!

– Ну, гляди, моё дело предложить!

Из открытого окна штаба, со второго этажа показался майор:

– Зенитчик, иди влево мимо столовой. Там есть три деревянные казармы, средняя – твоя. Сделаешь доклад по форме, как положено...

– Так точно, товарищ майор! – отчеканил я, радостный, что кто-то обратил на меня внимание.

Я пошел мимо столовой, как мне пояснил майор. Нашёл деревянный барак зенитчиков, на стене написано: «Общежитие №». С крыльца спускался невысокий старший сержант-азиат. «Ушитый» по фигуре чёрный рабочий комбинезон, надбавленные и аккуратно срезанные каблуки на сапогах, – по всему было видно, что сержант является «дедом». У него были тонкие черты лица, уверенная походка. Поприветствовав меня, он спросил:

– Откуда родом будешь?

– Из Казахстана! Из Усть-Каменогорска.

– Земляк! А я с Джамбула. С какой учебки?

– Из Отара!

Он обрадовался и обнял меня, ведь моя учебка находилась рядом с его родиной:

– Механик?

– Да, механик.

– Будешь в моём экипаже, мне как раз механик нужен! Смело заходи в казарму.

Скажи, что ты земляк Коли Медеркулова.

Не думал я, что первый встреченный в подразделении человек окажется моим земляком, да ещё и заместителем командира взвода. Начало было хорошим! Я поднялся по ступенькам в казарму. Дневальный, стоявший у тумбочки, показал мне дверь командира батареи Селиванова. Я вошёл в приподнятом настроении. За столом сидел красивый старший лейтенант. Был он ухоженный, весь приглаженный, с аккуратными, слегка закрученными усами. Дымил сигареткой и, прищутив глаз, поглядывал в мою сторону, поджидая доклада.

– Товарищ капитан, рядовой Полетаев...

– Товарищ рядовой, вы даже доклад по форме не можете сделать! Я ещё не капитан, – урезонил меня мой новый командир.

Я сам не понял, как меня угораздило перепутать звание. Это получилось автоматически, ведь в учебке сплошь были капитаны. Я исправился, но комбату я сразу не понравился. Он попросил открыть мой вещмешок. Я развязал...

– Это что за маскарад, рядовой?! – раздраженно спросил меня старлей. – Ты откуда такой взялся?

– Из Отара, из учебки... – я даже растерялся, не поняв причины агрессивного нападения на меня моего нового начальника.

Такого обращения к себе со стороны офицера в учебном подразделении я ни разу не слышал за все полгода службы. Это было что-то новенькое для меня.

– Мне нет разницы, из какой ты учебки! Что это такое?

– Панама! – ответил я.

Меня с детства учили говорить только правду. Какой смысл было мне называть панаму сапогом или макинтошем? Разговор у нас получался глупым до неприличия.

– Вот именно что панاما! Где, по-твоему, я должен взять тебе пилотку? А что это за форма? Хэбэ нараспашку, «афганка»! У нас хэбэ застёгивается на верхний крючок под горлом! И его я тоже должен где-то взять.

Я понял, в чем дело. Но моей вины в том не было.

– Товарищ старший лейтенант, что мне выдали, то я и привёз. Я не с дискотеки к вам при...

– Что ты сказал? – старлей оборвал меня на полуслове.

Он побелел от злости и привстал с места, явно не ожидавший такого дерзкого ответа от молодого солдата.

– Что мне выдали, то я и привез! – спокойно повторил я.

Комбата даже передернуло от моего упрямства. Он окликнул дневального и велел найти старшину.

Вскоре появился старшина. Это был немолодой добродушный прапорщик.

– Товарищ прапорщик, нужно переодеть этого... – Селиванов еще не остыл от нашего разговора, – рядового во что-нибудь нормальное. Примите по описи все его вещи. Выдайте ему белье и всё, что полагается.

Мы вышли от комбата и прошли в каптёрку. Наши отношения с Селивановым сразу не сложились. И на протяжении всей службы они оставляли желать лучшего. И когда я стану «дедом», со мной придётся считаться этому заносчивому человеку. Но до той поры нужно было ещё дожить и довольно испить свою солдатскую чашу.

Прапорщик принял мои вещи. В вещмешке не оказалось рубахи, которую, видимо, украли на пересыльном пункте в Божьем Даре. Об этом доложили старлею Селиванову, отчего взводный снова пришёл в бешенство. Я занял свободную кровать на втором ярусе и застелил её свежим бельем, которое было не в пример лучше, чем в учебке. Настроение мне изрядно испортил комбат, но я давно привык не расслабляться... Это было только начало.

В казарме в тот момент находилось немного народа. Большинство еще работало в парке боевых машин. Увидев нового человека, ко мне подошел стройный паренёк-казах из хозяйственного взвода, отслуживший год – «кандидат». Познакомились. Оказалось, что он мой близкий земляк – из Семипалатинска.

– Меня зовут Мурат Кусаинов. Если что, я рядом. Всегда помогу.

Я поблагодарил земляка и зашел в бытовку, чтобы пришить выданные мне старшиной уже ношенные красные погоны пехотного полка на новое хэбэ. В бытовой комнате никого не было, я присел на табурет и стал пришивать погоны. В дверях появился парень крепкого сложения, на петлицах эмблемы химподразделения. Он поприветствовал меня и, встав перед зеркалом, стал зачёсывать свою богатую шевелюру вверх. Такую причёску мог себе позволить только «дед». Глядя через зеркало на меня, он поинтересовался, откуда я родом. Это был самый первый вопрос, который здесь задавали.

Узнав, откуда я, он повернулся ко мне и протянул руку:

– Владик Кученёв, Павлодар! Можешь на меня рассчитывать, зёма! – он снова повернулся к зеркалу и продолжил расчёсываться. – А из какой учебки? Гляжу, откуда-то с юга, загар у тебя хороший!

– Из Отара! – гордо ответил я, надеясь, что он знает, где находится знаменитая в Казахстане учебка.

Реакции, которая последовала за этим, я не ожидал. Он положил расчёску, повернулся и стиснул меня в своих железных объятиях.

– Я тоже из Отара сюда попал год назад! Всего восемь человек химиков... Мы обучались в большой пехоте.

Он был несказанно обрадован, произнёс придуманную в нашей учебке поговорку: «Всем, кто прошел Отарский ад, тому не страшен Бухенвальд!»

Как я позже узнал Владика, это был на редкость собранный человек, с железной волей, который редко поддавался эмоциям. Негромким голосом он мог «поставить на место» любого зарвавшегося сослуживца. До армии Кученёв «подпольно» занимался карате. Он сразу посвятил меня в некоторые премудрости службы, а также по поводу «дедовщины».

– Я служу в другом подразделении, вмешиваться не имею права в вашу зенитку, у вас свои правила. Главное, не борзей, но и в обиду себя не давай! Трудно будет, скажешь. Обижать тебя никому не дадим! Я всегда рядом! Землячество здесь имеет огромное значение! Мы здесь все вместе! С Казахстаном все считаются!

Своим земляком меня также считал немногословный «дед» по имени Сабыр из Киргизии. Он плохо разговаривал по-русски, был тихим, улыбочивым и всегда вовремя оказывался рядом. Сабыр молча подходил и с акцентом говорил моим обидчикам коротко: «Это мой земляк. Его не трогайте!» Так что мне повезло: меня хорошо встретили и оказали хорошую поддержку. А Владик стал для меня земным ангелом-хранителем.

Вскоре из парка боевых машин вернулся взвод, в котором мне предстояло служить. Замкомвзвода Медеркулов был ниже всех ростом, но его слушались все без исключения. Как говорится, малая блоха злее кусает! Старослужащие даже в строю отличаются от молодых – наглаженные острые пилотки, расстёгнутые воротнички, «ушитая», подогнанная по форме одежда, почти все они – вальжного вида. Молодые – зажатые, скованные, некоторые, что послабже – забытые. Да и вид «слонов» тоже оставлял желать лучшего – воротники застегнуты на горле на крючок, как удавки, хэбэ – не по размеру широкое, пилотки специально «не заострены» – не полагается. Один только из нашего призыва позволял себе немного «расслабиться» и «походил на человека» – это горбоносый Шелия. Он совершенно не спортивного сложения – худощавый, плоскогрудый, ни одной развитой мышцы. Для хозяйственного взвода – само то, что надо. Тенгиз по национальности – мегрел, все знают его как грузина. Он «косил под деда» – подшивался толстым, завёрнутым в несколько слоев, подворотничком из добытой простыни, пилотка отглажена и заострена. Характер у него взрывной, разбирался с сослуживцами примитивно: вытаращивал шальные глаза и начинал «дуром» кричать, перемежая русские слова с грузинскими. В процессе «воспитания» он пытался перевести на русский язык некоторые слова, отчего путался, злился ещё больше, глаза у «генацвале» загорались диким огнем. Это производило на многих мощный психологический эффект, только не на меня. Именно в этот момент меня пробирал дурной нерегулируемый смех, и я начинал «ржать», ибо со стороны это действительно выглядело смешно. К тому же Тенгиз хорошо знал, на кого можно покричать. Я ему был «не по зубам». После нашей учебки и тесного общения с Северным Кавказом ребята с Южного Кавказа казались мне вполне добродушными и мирными. Медеркулов и некоторые другие «деды»

частенько «ставили на место» Шелию, не давали ему сильно «расслабиться» – по сроку службы не положено, ведь он ещё только полгода отслужил. И всё же среди «молодых» Тенгиз занимал самое привилегированное положение.

Я сразу же познакомился с ребятами из нашего призыва. Мне понравились Эдик Гайдамаков из Калининграда, Серега Кожемяко из Брянска и Коля Лазько из Запорожья. Все трое были наводчиками-операторами «Шилки». Эдик был высокий, но до «двойной пайки» (1 м 90 см) не дотягивал. Он отличался спокойствием, всё делал обдуманно, с меланхоличным видом, не торопясь, если так позволялось Кожемяко, а по-простому – Кожа, был среднего роста, сбитый, плотный паренёк с полным лицом, большими добрыми глазами и длинными ресницами. Весельчак и юморист, умеющий повеселить публику. Благодаря умению изображать будущего командира дивизиона пользовался некоторой благосклонностью у «дедов». Николай Лазько – невысокий рыжий паренёк с веснушчатым лицом был спокойным, беззлобным, честным и рассудительным и, как позже выяснилось, самым лучшим специалистом в стрельбе по любым мишеням, ракетницам и на «зеркальной» стрельбе. Он появился во взводе за несколько дней до меня, пришёл из какой-то украинской учебки. Его хорошо поддерживал земляк из Запорожья, сержант Мищенко, который уже отслужил полтора года. Ни у Кожемяки, ни у Гайдамакова такой поддержки не было. Они в учебках не были и «тащили» свою службу в этом подразделении с первого дня, когда ещё были «духами» или «боевыми слонами». Они вкусили «дедовщины» по полной программе и, в отличие от того же Ногтева и Ларчука, смогли сохранить своё достоинство. Теперь, через полгода, они стали «слонами». И Шелия тоже был нашего призыва – «слон», хоть и рядился под «деда». И я тоже, с той самой минуты как перешагнул порог этой казармы, стал «слоном», хотя мне противен был весь этот «зоопарк». Ну что ж, что было – видели, что будет – увидим! Бог не выдаст, свинья не съест!

Вскоре нас построили на ужин. Хоть старшина и сказал, что на довольствие меня поставят только с завтрашнего дня, но он пообещал, что распорядится и уже сегодня на ужин я смогу поесть вместе со своей батареей. Мы вошли в просторную полковую столовую и встали за столами. Так же, как и в Отаре, за столом помещалось по десять человек. Только в отличие от учебки этот стол «ломился» от обилия еды. По две тарелки с хлебом – белым и чёрным – «с горкой» стояло по разным краям! Был тот хлебушек округлым и продолговатым и напоминал добротный гражданский хлеб. Чёрный чешский хлеб был с тмином. В двух блюдах на разных краях стола лоснились ломти жирной селёдки! В центре стоял большой казанок, почти до краёв наполненный тушёной картошкой с капустой и мясом! Я стоял у самого края в недоумении и не мог поверить, что это солдатский стол.

Я одернул за локоть Кожемяку, стоящего рядом со мной:

– Слушай, Серега, я не понял, а зачем нас посадили за офицерский стол, а где наш?

– Так это и есть солдатский стол! А офицерская столовая – с другой стороны этого здания. Там, говорят, офицеров отлично кормят.

– Не может быть! – изумился я и сел у краешка стола, так как поступила команда приступить к принятию пищи.

Раздатчик пищи разложил черпаком второе блюдо по чашкам. Никто здесь никуда не спешил и хлеб по шапкам или пилоткам не прятал. За одним столом сидели и молодые, и «кандидаты», и «деды». Я взял кусок хлеба и положил на

стол возле себя. Мне подумалось, что из-за меня кому-то может не хватить еды, вдруг старшина забыл замолвить за меня слово об ужине. Ложками никто не звенел, не суетился, не выдавал обеспокоенности, что кому-то не хватит пищи. «Деды» и «кандидаты» ели и переговаривались между собой.

Сидевший за столом напротив меня Мурат Кусаинов, земляк из Семипалатинска, протянул мне целую стопку нарезанного хлеба и положил на мой кусок: – Ешь, земляк, вволю. Тут голодать мы тебе не позволим!

Я ел вкусную пищу, заедал её душистым хлебом и на втором куске хлеба пресытился. Больше съесть я физически не мог: желудок после учебки не вмещал и половины тарелки бигуса и двух кусков хлеба. «Да, кормят же за границей нашего брата!» – подумалось мне. Я вышел из-за стола пресыщенный и счастливый. Вот так повезло мне сюда попасть! Правда, в тот же вечер меня ждали новые впечатления, далёкие от романтики и приземляющие все самые нежные, самые розовые юношеские мечты об армии.

НОЧЬ

Солнце упало за полком, свалилось в сосновый бор за Закупями. Сумерки окутали округу – потонула в них Дембельская Сопка и Веленицы, что стоят в паре километров от полка с северной стороны. Трели птиц не смолкали даже ночью. Я вживался в солдатскую жизнь, обрастал толстой «слоновьей» шкурой. В сумерках засуетился Ногтев, бегал за спичками для «дедов», искал по всей округе. Спичек не находилось. Сгонял в пехоту, приволок коробок с несколькими спичками. Румяный от беготни, он ещё пинка под зад получил от Кохаса за то, что долго «рожал». Рад Гешка, что легко отделался. Он ровесник «дедам», на год позже пошёл в армию и теперь с нами служит, а мог бы уже дослуживать свой срок... Имя у него скомканное, как сама жизнь его забитая – Геша. «Деды» вообще никого из молодых по имени не называют, только по кличкам. Мы Ногтева среди своего призыва Геша или Ноготь зовем. Суетливый он по жизни, не прочь и «под дурачка закосить» – авось прокатит. Вид у него, как у побитой собаки, глаза на мокром месте, готовы слезу выдавить. Стоит какому-нибудь «деду» окликнуть его, он уж весь трясётся, как заячий хвост. Боится он за шкуру свою, сам того не понимая, что к пригнувшейся голове так и тянется рука «деда», чтобы подзатыльник дать. Похож на него его земляк и тёзка – Ларчук. Оба – из Сибири. В нашей учебке были достойные ребята-сибиряки. А эти... Не было у них ни духа, ни здоровья. По суете среди сослуживцев, по грустным глазам моего призыва я заметил, что грядёт в эту ночь для нас что-то нехорошее, как туча с градом или ураган. Что-то не договаривали ребята... Всей своей тяжестью на казарму наваливалась ночь...

Меня клонило на сон уже пару часов, «плющило», и я мечтал быстрее отбиться. Разница в часовом поясе с Казахстаном – пять часов! В Отаре уже скоро подъём. Вечером нас построили, провели вечернюю поверку и наконец-то дали команду «Отбой!» Выключили свет в подразделении, остался гореть только в оружейной комнате и возле тумбочки дневального. Красный неяркий ночной фонарь загорелся у прохода в коридор. Казарма утонула в неестественном импрессионистском свете. Рядом со мной вошкался, никак не мог уснуть Корней, по сроку службы «дед», по понятиям – ребёнок. Кто его загнал на второй «слонячий» ярус? Что ему не спится, никак дембеля не дожждётся? Мне бы его проблемы!

Я отключился мгновенно, уже не слыша в казарме топота ног и скрипа коек, погрузился в сон, как батискаф в прохладные воды моря. Ушёл комбат Селиванов и все другие офицеры и прапорщики. Тишина. Штиль установился надо мной, погруженным в сладкий сон. Из глубины, издалека, сквозь сон послышался голос дневального: «Можно! Все ушли. Начинай!» Кто кого оповещал, кому разрешал «начинать»? Что начинать? Послышалось шарканье солдатских шлёпок по коридору. Это из хозвзвода тяжелой походкой Вия пришёл Фахри Софиев – азербайджанец Федя, так его звали все. В синих больших трусах, в чистенькой голубой маечке, он заслонил своей мощной фигурой проход в коридор. Был Федя невысокого роста, с выпирающим животом, округлый, как бочонок. Я успел его рассмотреть еще днём – мягкие беззлобные глаза, пухлые губы, округлое лицо, будто кукушкино яйцо, усеяно крупными неяркими конопушками.

– Шлоны-ы-ы! – кричит он.

«С» у него шипит и похоже на «ш».

Из приглушённой темноты казармы, словно заскрипели проснувшиеся вампиры, раздалось сонное медленное «мычание»:

– Мы-ы-ы!

– Не понял! Меня плохо слышно? – спрашивает Софиев темноту. – Шлоны-ы-ы!

– Мы-ы-ы! – раздаётся многоголосый гул из темноты.

– Шлоны, подъём!

Заскрипели койки. Словно тощие вурдалаки из темноты, со вторых, «слонячьих» ярусов попрыгали мои «молодые» сослуживцы и построились под красным ночным светом. Всё показалось настолько неестественным и чужим, будто это привиделось мне в диком кошмарном сне. Лежу и думаю, два начала в себе примеряю: «Если встану, как отнесутся ко мне земляки? Если не встану, как отнесётся ко мне мой призыв?» Тут ещё снизу ноги уперлись в мою панцирную сетку, Мищенко подгоняет меня: «Вставай, иди в строй! Мой земляк стоит там, и ты иди!» Он знает, что я земляк Медеркулова, который при каждом удобном случае норовит поддеть сержанта Мищенко. Отомстить ему он не может – весь его призыв крутится возле замкомвзвода, а вот через меня – в самый раз насолить можно. Спрыгнул я, захотелось от души «зарядить» потревожившему меня «дедушке», но стерпел, скрипя зубами, встал в строй. Федя-Фахри шёл вдоль строя, жирным указательным пальцем считал «слонов» «поштучно».

Остановился на мне:

– Эй, ты лучше всех?! – он ниже меня ростом, объемистый, смотрит на меня снизу вверх. Ставит мне палец в грудь. – Девять штук! А вас должно быть одиннадцать. Где ещё два штуки?

Софиев осмотрел казарму. На нижнем ярусе обнаружил спящего грузина Шелию, а над ним, на втором ярусе – Аристотеля Каракалова. Аристо – как его не крути, по всем статьям грек, а не только по паспорту, хоть в анфас, хоть в профиль, как скульптура из учебника. Родом он, как и Шелия, из Грузии. Повезло греку несказанно! Он вечером прибыл, когда мы строились на ужин. Увидев Шелию, Аристотель произнес заветное: «Гамарджоба, генацвале!» И «генацвале» расцеловал грека. Они эмоционально поговорили по-грузински, и Шелия взял того под свою опеку. Софиев, увидев ребят с Кавказа, трогать их не стал, вернулся к нам. Рядом уже собрался его призыв.

Федя затянул долгую нравоучительную речь:

– Слушайте меня, шлоны! Многие из вас приехали к нам недавно, и вы еще не знаете законов нашей казармы. Так вот. Смотрите сюда. Я и вот эти парни, мы уже отпахали своё, – он показал на стоявших возле него сослуживцев в таких же трусах и тапочках. – Теперь пришел ваш черёд! Отпахете полгода и дальше передадите очередь. Вы меня поняли?

– Да!

Рядом с Софиевым встал высокий симпатичный Серёга Шикармамадов. Он был родом из Душанбе, мама русская, папа – таджик. Волевой, крепкий парень, воспитанный в хорошей семье. Он негромко, но четко огласил наши обязанности.

– С подъёма все «молодые» идут на пробежку. После зарядки вы убираете помещение – моете полы, поливаете цветы, протираете окна, набиваете кантики на кроватях. Понятно?!

– Да!

С кроватей первого яруса «деды» смотрели, как новоиспечённые «кандидаты», вчерашние «слоны» вживались в свою новую роль. Судя по реакции «дедов», это у них неплохо получалось. Всё было под контролем. Закончил, как и начинал, Софиев.

– Шлоны, отбой!

Мы резво пошли к кроватям, забрались на свой ярус, но наша медлительность не понравилась Феде. Нужно было всё делать бегом.

– Отставить! Медленно! Будем тренироваться. Подъём!

Несколько раз мы повторили команды подъём-отбой, забирались на кровати и прыгивали обратно, прежде чем нам разрешили отбиться. Рядом со мной всё никак не мог уснуть Корней. Не спалось ему, бедолаге, сон никак не смежал ему веки, думы о гражданке его одолевали. Этот безобидный худощавый парень, ещё став «кандидатом», открестился от своего призыва, от их «ночных утех», издевательств над «молодыми», ни разу пальцем их не тронул. Сам всё делал: кровать свою заправлял, на одеяле острые кантики набивал, никому из молодых не был в тягость. Спал бы себе Корнеюшка безгрешным сном праведника, совесть чиста, как помытое стеклышко, настраивался бы на мамкины пирожки, про Крым свой солнечный думал бы. Нет, ворочался Корниенко, а тут ещё повод есть заговорить со мной, утешить меня, «слоника», время скоротать. Задушевную беседу затеял. Я отвернулся было от него, а он меня за одеяло потянул, окликнул.

– Эй, послушай, как тебя там звать? – голос у него тихий, беззлобный, комариный.

Шепчет мне, а сам побаивается, что его сослуживцы услышат. Терплю его комариную назойливость.

– Артёмом меня зовут! – я повернулся к нему лицом.

– Артём, ты не расстраивайся, не злись на них, им по жизни приходится быть злыми. Комбат наш та ещё гнида. Он за дисциплину в батарее любого солдатика на съедение «дедам» отдаст, не поперхнётся.

– Ну, ты меня здорово утешил. Он меня с порога невзлюбил!

– Я вот тоже думал, что до дембеля не доживу... Ан нет, вот он уже на подходе. И ты до него тоже доживёшь. Вся эта муть пройдёт, как плохой сон...

– Да уж, хотелось бы в это верить, только не очень-то и верится...

– А ты думай о хорошем. Хоть о чём, только не о службе. Не занимай себя такой дребеденью, – он засопел носом и мне показалось, что его сморил сон. Нет, он

задумался и сменил вектор нашего разговора. – Ты расскажи лучше, а что сейчас на гражданке творится? Очень хочется знать!

– Да я уже полгода как с гражданки, откуда я знаю, что там творится!

– Ну расскажи, какие группы модные сейчас?

– Я слушал «Воскресенье», «Круг», «Динамик», «Кино»... Знаешь такие?

– Цоя знаю, а остальных нет, – разговор заходил в тупик и увяз в непролазном болоте наваливающегося на меня сна. Назойливым комаром звенел над ухом «не всамделишный» «дед» Корней. – А как там насчет скейтборда?

– Какой еще скейтборд? – в полусне вопрошаю соседа по кровати.

– Доска на колесиках, катаются на ней!

– На кой мне твоя доска? У нас в деревне пески! Где на ней кататься и когда!

– еще глубже погружаюсь в пелену сна.

В Отаре уже скоро подъем будет, а тут «дедок» досужий спать не дает. Проблемы у него неразрешимые, блин. С доской привязался ко мне...

– Я сильно любил на гражданке на скейтборде кататься! Как вернусь домой, сразу куплю себе хорошую доску, – мечтал Корниенко.

«Кто о чем, а вшивый о бане!» – думаю о попавшемся соседу, наивном мечтателе Корнее. Сон окутал меня мягким туманным облаком. Над ухом еще бубнил про скейтборд неугомонный сосед, пока снизу не рывкнул Мищенко: «Хорош шептаться! Я щас обоим накидаю!» Это он очень кстати! Корней затаился и уснул. И я, как наutilus, погрузился в толщу своих снов. И приснилось мне, будто я снова в Отаре. Привиделся мне чёрный тревожный сон. Гиблые сопки, дикий завывающий степной ветер. Я лежал на деревянных ящиках за нашей пятиэтажной казармой и замерзал. С поста уйти нельзя, и я снова пытался уснуть на этих проклятых, никому не нужных ящиках. Из-под меня их точно не утащит злой воруго! Я свернулся калачиком, как верный дворовый пес, и поскуливал от холодрыги. И я чётко знал в этом сне, что служба моя только началась, отчего на душе становилось еще горше и тревожней. Ветер засыпал меня снежной крупой. И я бы, наверное, замёрз в этом сне, если бы меня не разбудил мой друг Андрюха Алымов. Он поменял меня на посту, и в этот момент я проснулся в холодном поту и с радостью понял, что я уже не в учебке. Почти два месяца меня одолевали чёрные, безнадёжные сны об Отаре. И всякий раз меня спасал мой верный друг Андрей. Он появлялся всегда вовремя и выручал меня. Сны прекратились сразу после того, как о нём пришла весточка.

УТРО

Солнце восходило над Дембельской сопкой. Там – смешанный бор. Немного хвойных деревьев, но в основном лиственные – осина да береза. Прозвали сопку так потому, что она первой чётко реагировала на изменения времён года. Весной – первой в округе зеленела, а осенью – первой желтела и покрывалась багрянцем. Она была предвестником перемен, а старослужащим – доброй вестью приближающегося дембеля. Про «дембелей»-«весенников» ничего плохого не слышал, а вот «осенники», говорили мне, грешили странностью. Когда долго стояло тепло и сопка не окрашивалась в осенние цвета, «старики» посылали «слонов» на покраску. Наше подразделение этим «не баловалось», а вот в пехоте были такие «дедушки». «Молодые» бежали в гору и красили часть какого-нибудь

дерева в жёлтый цвет, чтобы из полка заметно было. «Деды», увидев «первые признаки» наступления осени, радовались и паковали чемоданы, в очередной раз перекладывая заграничное барахло, купленное частично на средства тех же обобранных ими «слонов».

В шесть утра завопил стоящий у тумбочки дневальный:

– Батарея, подъём!

– «Слоны», форма номер два, голый торс, выходи строиться! – закричал рядовой Булат.

Был этот «дедушка» высокий и худой. О таких говорят, что он «гончей» породы. Жилистый, костлявая фигура, ребра все наружу, живот втянут.

Заскрипели кровати, послышались шлепки босых ног об пол – это «слоны» прыгивали со второго яруса. Одевались, наматывали портянки, натягивали сапоги. «Деды» продолжали спать, ворчал басовито мощный белорус Кохас: «Слоны, не шумите!» Я уже больше часа как пробудился, ворочался с боку на бок, дожидаясь подъёма. Слетел, резво оделся и первым выскочил на улицу. А там – тишина, безветренно, лёгкая прохлада, мягкое нежгучее солнышко, птицы поют с окрестных лесов, с двух сторон обступивших полк. Это не Отар с криком ворон, с голым безжизненным пейзажем. Красота!

Построились в колонну по три. Шелия стал в конце. Аристотель – в самом начале, рядом со мной, мы оба – молодые механики-водители, нам вместе держаться надо. С другой стороны от меня – Кожемяко Серёга. Булат громко спросил: «Есть больные?» Из строя вышел Генка Ногтев. Нет у него ни одной мышцы, сплошной кисель. Если глянуть на него с любого бока – сутулый и кривоватый, как осиновая горбылина. Глянуть на него спереди или сзади – нет у него талии, как ты его ни верти, плоскогрудый, зад приплюснут. Лицо у него слезливое, вид жалкий.

– Что, Ногтев, опять ты больной? Что на этот раз? – спрашивает Булат.

– У меня нога болит! – пытается закосить Ноготь.

– Ничего не знаю. Встань в строй! Бегом марш!

И мы побежали легким бегом мимо столовой, мимо штаба, вниз по склону, в открытые большие ворота КПП. Впереди и сзади бежали группы других подразделений. Чётко был слышен дробный стук наших сапог, эхом отражавшийся от большой пехотной казармы, пока не удалились к лесу. Булат в кроссовках бежал неслышно, замыкал колонну. Ему помогали два «кандидата» – Серёга Шикармамадов и Федя Софиев. Серёга – высокий, стройный спортсмен, любо-дорого на него поглядеть – смуглый красавец, тонкие черты лица, узкая талия, крепкие плечи. Зачем с нами побежал толстяк Федя – не понятно. Это был единственный раз, больше его на зарядке я не видел. Бежать ему с его весом тяжело, пыхтел он, как паровоз. Лицо напряжено, из пухлых губ слышно вырывалось: «Уф, уф, уф». Наверное, хотел Федя молодежь повоспитывать, поддержать Булата. За воротами прибавили темп, побежали через мост, по лесу, по асфальтированной дороге. За мостом чешский автобус «Кароса» подобрал ожидавших его людей и скрылся за поворотом. Хвойный запах, пение птиц, ровные асфальтированные дороги, по которым нас изредка обгоняли «Шкоды» и «Татры», весь этот новый мир не во сне ли мне привиделся? Дорога, по которой мы бежали, пролегла в густом хвойном лесу и была ещё влажной от росы. Мы добежали до т-образного перекрестка и свернули вправо, к городку Закупи. Серёга Кожемяко хорошо знал округу. Он на бегу негромко знакомил меня и Аристотеля с местностью: «Здесь

неподалеку даже грецкий орех растёт. А возле этого перекрестка, на взгорке – сад черешневый. Каждой весной наших разведчиков на охрану ставят туда. Если бы не они, то мы бы неплохо там порезвились! Что для пехотного полка черешневый сад? Полторы тысячи народу, взяли по горсточке, и нет этого сада! Сколько там разведка съест черешни? Самую малость!» Вдоль дороги яблони и груши цветут – всё белым-бело! Мы бежали среди этой красоты по окраине городка, и я поверить не мог своему счастью. Как же мне повезло! Ещё неделю назад я бегал по раскалённым азиатским сопкам забытого богом Отара, а теперь, словно по Эдему, в цветущем саду бежал! Мои мечты птицами парили надо мной в темп бодрому бегу. Раздался окрик Булата: «Батарея, стой!» Кожа сразу сообразила: «Сейчас опять начнётся! Опять Ноготь ноет там!» В конце строя Булат заставлял бежать отставшего Ногтева, который едва тащил ноги. Шелия сверкала глазами, поджидая горемыку.

– Я не могу бежать, Булат! – умоляюще голосил Гешка.

– Не можешь – научим, не хочешь – заставим! Вперёд, «слоняра»!

Генка бежал на полусогнутых, на последнем издыхании, вот-вот должен был умереть. Вид у него такой. Булат кроссовком дал ему «пинка для рывка». Видать, переусердствовал, схватился за ногу, запрыгал на одной ноге: «И зад у тебя каменный, одни мослы... Всё не как у людей! От тебя, тормоза, одни неприятности».

Обозлился, крикнул нам вдогонку:

– Гусиным шагом марш!

Сели все на корточки, перебирая ногами, пошли по дороге, утопающей в яблоневом цвету. Запах стоял непередаваемый. Из окон и с балконов двухэтажных и трехэтажных частных домов на нас смотрели их хозяева. Наши старослужащие не стеснялись посторонних глаз. Чехи смотрели, как мы, мокрые от пота, ползли гусиным шагом по краю дороги. Кожа зубами скрежетал от злобы: «Я бы эту гадюку придушил давно, дали бы мне волю!» Весь наш призыв, что попал сюда сразу с гражданки, с первого дня страдал из-за двух «косячных» сослуживцев – Ногтева и Ларчука.

С горем пополам добрались мы в то утро назад, сделав круг в несколько километров через Закупи, обогнув полк с другой стороны, через офицерский городок, по краю поля. В полку наш край называют «болотом», хотя болота здесь никакого нет. Так, тыльная окраина полка, островок на небольшом возвышении, стоящий чуть поодаль от больших казарм полка. Просёлочная дорога от офицерского городка идёт вдоль деревянного забора с тыльной стороны столовой. Затем небольшая мусорка, стоящая на входе через наше «болото» в полк. За этим небольшим проходом, шириною в три-четыре метра, начинается забор ремонтной роты. А дальше, до самого асфальта, тянется огороженная территория парка боевых машин. За асфальтированной дорогой, за речкой – знаменитая Дембельская сопка. Проселочная дорога отделяет территорию полка от чешских полей, засеянных зерновыми. После дождя она раскисает и становится чавкающей хлябью под ногами. Может, потому и назвали наш околоток «болотом». Офицеры из нашего края предпочитают появляться именно отсюда. Во-первых, чтобы застать нас врасплох, и, во-вторых, тут гораздо ближе к дому. Нет тут ни КПШ, ни самых обычных ворот. Не от кого закрываться, у нас с камрадами дружеские отношения. Как говорится: «В Багдаде всё спокойно!» Наша казарма зенитчиков сразу за ремротой, а дальше – авторота. Вот и всё наше «болото»!

Из-за Ногтева прибежали позже и принялись убирать казарму дружно всем призывом. Шелия первым делом буцкнул Ногтя, затащив его за угол казармы. Хотел заняться с ним долгими нравоучениями, но Кожемяко за шиворот уволок Генку: «Пусть это чмо убирать идёт. Нас еще из-за него гоняют, а оно прохлаждаться будет!» Убрали помещение наспех, побежали в умывальник мыться-бриться. «Старики» уже помылись. Медеркулов, начисто выбритый, шёл по коридору. Полотенце висело у него на плече. Увидел неполитый цветок, что мостился в круглой дуге на белой трубе от пола до потолка, размалёванной «под березу», взбеленился. Вернувшись в умывальную комнату, он поймал свежеиспечённого «кандидата» Васю Крецула за шиворот и подвёл к истомившемуся от жажды цветку. Лицо Васи было в мыле, наполовину выбритым, в руке – бритвенный станок.

– Вы что, порядок в помещении не можете навести? Не можете заставить «слонов» работать? Тогда берите сами тряпки в руки и шуршите! Сами цветы поливайте.

Был Вася такой же невысокий, как и замкомзвод Медеркулов. Но по сроку службы уже не должен был убирать. Был он глуповатым, безобидным человеком.

Заскочив в мойку, злобно и смешно взвизгнул, как поросёнок:

– Быстро на уборку, «слоны»!

Никто на него не отреагировал. Взъерошенный, воробьиный вид недобритого «кандидата» рассмешил не только меня и Аристотеля. Не пошевелились ни Кожемяко, ни Гайдамаков, знавшие с первого дня, как «летал» не имеющий авторитета Вася. Шелия, стоявший ближе всех к выходу, положив станок, двинулся на «грозного кандидата».

– Это ты мне кричишь? Это ты меня «слоном» назвал?

Вася, не на шутку испугавшись, покраснел.

– Не, я не тебе, вон тому...

Ноготь и сам понял, о ком идёт речь. Это благодаря ему с утра дрессировали нас на зарядке. Генке дали затрещину свои же, и он побежал, обливаясь водой, к выходу.

Шелия долго не мог остыть, выговаривал Васе:

– Ты в следующий раз думай, на кого кричишь!

На завтрак была перловая каша. «Деды» презрительно относились к ней, называя её «дробь 9». Ещё они не употребляли сечку. По сроку службы «не положено». Ел эти каши только один из старослужащих – Корниенко. Жил он по своей программе, мог есть, а мог и не есть. Из «кандидатов» – на усмотрение – ел, кто хотел. За это не осуждали. Из нашего призыва Шелия подстраивался под «деда» и не ел перловку и сечку. Эх, дорогой мой генацвале Тенгиз, жаль, тебя со мной в Отаре не было! Посмотрел бы я на тебя в учебке! Не знаю, как в других местах, а у нас там было совсем не сладко с едой. Кашами там никто не разбрасывался! И варёный кусок сала, вкуснейший на свете, если бы тебе достался, ты бы проглатывал, не пережевывая, как баклан! И не мучился бы совестью, как иной мусульманин, за то, что употребил свинину. И засохшей хлебной крохе, случайно затерявшейся в шовчике твоего кармана, ты был бы несказанно рад. Ты катал бы эту грязную кроху в зубах, как дорогую жемчужину, и трепетно ждал, когда эта кроха напитается слюной, чтобы бесследно раствориться во рту, оставив лёгкий отдалённый намёк на то, что ты вкусил хлеба! Ты, дорогой мой генацвале, был всегда сыт и никогда не ходил впроголодь. Откуда тебе знать, чего стоит хлебная

кроха! Как бы ты повел себя, дорогой биджо, когда, будучи голодным, обнаружил бы у свинарника гору белых сухарей. Мы с Андрюхой Альмовым к ним не прикоснулись, хотя страшно хотелось жрать! Да, нелитературно я выражаюсь, не из моего лексикона слово, но точнее его я не найду. Чужую пищу, даже пороссячью, брать нельзя – «западло», «не положено», «табу»! Не обижайся на меня, дорогой мой друг Шелия, накатило что-то... Я не жалуясь, потому что с детства не избалован деликатесами и привык к самой обычной пище. И не осуждаю, упаси боги от этого, ведь я сам не ангел, и грехам моим нет числа! И не учу, потому как сам ещё наполовину слеп, хотя уже наполовину седой! У каждого своя дорога и своя голова на плечах. Придёт время, и я тоже буду соблюдать сложившиеся обычаи нашего подразделения. Те, которые не унижают человеческого достоинства. И кое-что я, рядовой, смогу поменять в лучшую сторону в своём подразделении. А пока я «слон», плевать хотел на «дедовское» «не положено», оно меня не касалось. И наворачивал кашу, аж за ушами трещало! И все мои сослуживцы, пришедшие с учебок, не хуже моего кашу метали, только ложки мелькали. Они там тоже не ели досыта. Так что нам простительно. А перловку я с детства люблю! Одно плохо: мой желудок не вмещал даже одну порцию и не больше двух кусков чешского хлеба с тмином. Недельки через две-три я стал постепенно отъедаться, и мой желудок скоро привык к обычному объёму пищи.

ДЕНЬ

После завтрака нас построили и повели в парк боевых машин. В казарме оставался только Кузнецов, пристроившийся писарем. Был он по специальности оператором-планшетистом БТР. В парк он ходить не любил, там нужно было работать, а в казарме всегда можно было найти время для отдыха. Был этот «дед» мстительным и желчным, любил поиздеваться. Ещё он был труслив, когда чувствовал силу.

В парке ко мне подошли два механика-водителя «Шилок». Оба отслужили по году, были «кандидатами». Одного звали Володя Почуев. Родом из Тулы, призывался из Ленинграда, где он до армии обучался в ДОСААФ на тягочиста. Он пришёл в батарею с гражданки, в учебке не обучался. Почуев был мощного сложения, немного крупнее меня, симпатичный парень. Ему одному из всей батареи разрешалось носить усы, а это значило, что был он на особом счету у начальства – с ним считались. Рядом с ним стоял высокий азербайджанец Ибишев Ибиш. И отчество у него было – Ибишевич. Чернявый, с сердечной улыбкой, добряк Ибиш был долговязым и ходил длинными неторопливыми шагами. Стоять за ним в строю была просто беда: под него сложно было подстроиться, он частенько «ломал» строй своим нерасторопным шагом. Он полгода назад окончил учебку и уже хорошо на практике изучил технику. Почуев был старшим механиком-водителем. По штату нас было четыре человека, но в наличии было всего три «Шилки». Одна находилась на капремонте в Союзе. Нас с Аристо они взяли «под свое крыло», и объяснили, что у нас своя специфика работы, что вкалывать нам всегда приходится поболее других и что у нас свое «братство» механиков-водителей.

А так как я прибыл в войска немного раньше, то мне досталась «Шилка», а Аристо остался «безлошадным» механиком. Кому из нас повезло больше? Это с какой стороны посмотреть. Если с практической точки зрения, то мне. Если

в плане свободного времени, то ему. Зато я был при месте, а Аристотель – «на подхвате», здесь помоги, там сделай, в командировку сгоняй. А я в технике – ни в зуб ногой, неисправимый гуманитарий. Пришлось мне вживаться в новую роль.

Чёрный высокий механик Ибиш подвёл меня к своей «Шилке». Красивая башня с четырьмя стволами была повернута вбок. Так обычно делали, чтобы удобней было подобраться ко всем агрегатам. Бронированная обшивка была снята, каждая деталь отчетливо просматривалась.

– Хорошо машину знаешь?

– Да вроде ничего...

– Вот это что? – он показал на покрашенный серебряной краской цилиндрический бочок. В его руке был рожковый ключ, которым он, как указкой, дотрагивался до детали.

– Не знаю...

– Котел подогревателя. А это что? – он указал на более массивную часть машины в надежде, что её-то я должен знать.

– Не знаю.

– Ты слышишь, как она звучит? – Ибиш ударил ключом по железному корпусу, отчего послышался отчетливый звон. – Это о чем-нибудь говорит тебе?

– Нет...

– Это «гитара» на языке механиков, а по-научному – силовой редуктор.

– Ну, а вот это что? – спросил старший механик, наблюдавший за мной со стороны.

– Не знаю, – честно признался я.

– Это коробка передач. Запомни...

Коробку передач я запомнил. Скоро у меня будут с ней проблемы.

– Ну, а это ты, наверно, знаешь? – не терял последней надежды Почуев.

– Это двигатель! – обрадовался я.

– И то неплохо! – заключил с улыбкой Ибиш. – Да, все учебки одинаковые, главное там – выжить!

– Ничего, через полгода сам себя не узнаешь, поверь мне! – успокоил меня Володя. – Вот этот парень полгода назад был таким же «мудрецом», как и ты, даже еще хуже... – Почуев обнял Ибиша, улыбки расплылись по лицам друзей-механиков. – Он не то чтобы «Шилку» знать, он русского языка почти не знал. Что с него возьмёшь? Снежный человек, с гор спустился, а его на технику...

Они весело смеялись. И было в их отношениях столько тепла и понимания, что мне захотелось поскорее влиться в их дружную компанию.

– К машине нужно привыкнуть. Полюбить нужно. Прощупать её своими руками. Она – твоя подруга до самого дембеля, – дал мне напутствие Ибиш.

С этого дня я стал втягиваться в свою работу, смотреть и учиться у старших товарищей.

У каждого в боксе было своё дело: механики занимались текущим ремонтом, операторы убирали в башне или мыли машину. Кто-то наводил в боксе порядок, кто-то подметал территорию. Рядом с нашими «Шилками» стояли две зенитно-ракетные машины на гусеничной базе «Стрела-10». Дальше стояли БТР и «ЗИЛ-130». Зампотех батареи Самойлов, низенький, худощавый, в чём душа держится, старлей, приглядывал за личным составом во вверенном ему хозяйстве. Он везде успевал, не давал расслабиться никому – ни «молодым», ни «старым». Он беззвуч-

ным шагом, незаметно пробирался между машин в самые дальние уголки бокса, где могли затаиться от работы солдаты. Самойлов был вьедливым, настырным офицером, «до мозга костей» преданным уставу. Это была для него священная книга, которой он единственной поклонялся и верил. За это его не любили «деды», которым он «сворачивал кровь», занудно цитируя целые абзацы, уча уму-разуму.

В этот день зампотех сам повёл батарею на обед. Пока мы шли по большой территории парка боевых машин, Самойлов не требовал чеканить шага, достаточно было идти в ногу. Ибиш старался подстроиться под общий ритм, но пару раз все же «сломал строй». «Деды» с ним не связывались, так как он не сильно считался с ними, держался независимо. Зампотех снисходительно относился к Ибишеву и прощал ему неумение шагать, главное, что он был отличным механиком. И только один человек мог сделать Ибишеву замечание, остро пошутить с ним и имел на него неограниченное влияние, – Почуев. Володя был для Ибиша непререкаемым авторитетом и настоящим другом, с которым они за полгода «пуд соли съели».

Когда мы вышли на огромный полковой плац, Самойлов не услышал чёткости шага. «Молодые» упирались за весь взвод, вколачивая подошву в бетонную площадь. «Старики» не поднимали ногу, им было «не положено», как они считали. Но старший лейтенант Самойлов считал иначе. Он останавливал, жёстко командовал, требуя всеобщего подчинения. Мы дошли до конца плаца и вернулись назад, но слаженности не было, «деды» во главе с замкомвзводом не выкладывались на полную мощь. Самойлов, выяснив зачинщиков тихого бойкота, остановил батарею.

– Сержант Медеркулов!

– Я-я-я! – откликнулся замкомвзвода с вызывающим, пренебрежительным оттенком в голосе.

– Выйти из строя!

– Есть!

– Рядовой Булат!

– Я!

– Выйти из строя!

– Есть!

– Почему не поднимаете ногу? «Не положено»? Встать впереди строя!

Низкорослый замкомвзвода и высокий нескладный рядовой недовольно встали впереди.

– Батарея, шаго-ом-арш!

Самойлов шёл рядом с Медеркуловым и сопровождал каждое его движение.

– Выше шаг! Выше! – зампотех не успокоился, пока не добился своего.

В конце плаца он разрешил им встать в строй. Дорога шла на подъём, там начинались казармы.

– Ведь можете, когда хотите! В следующий раз при таком же раскладе вы пройдёте впереди строя перед всем полком. Обещаю железно!

Все знали, что с зампотеха станется, если его довести «до белого каления». Лучше с ним не связываться, он слов на ветер не бросал. Замкомвзвода и Булат скрипели зубами от злобы, на ком-то они должны были отыграться.

Кожемяко, что шёл рядом со мной, хребтом чувствуя недоброе, прошептал мне на ухо:

– Теперь нам кранты!

Пехота и танкисты уже возвращались с обеда. Мы явно запаздывали. Столы, накрытые для нас, стояли нетронутыми. В столовой уже никого не было. Горячее успело остыть. Старослужащие сели в центре стола, «слоны» по краям. «Деды» брали еду первыми, а потом уже все остальные – так было заведено негласным порядком во всех подразделениях нашей части. Сразу обнаружилось, что за соседним столом, где в центре восседали Медеркулов и Булат, не оказалось соли в солонках.

– Ногтев, бегом за солью! Пока соль не найдёшь, за стол не сядешь! – скомандовал замкомвзвода.

Геша помчался искать, но в его движениях было больше суеты. Он проходил от стола к столу, осматривая солонки, потом возвращался к уже проверенному столу – «тормозил на ходу», как говорили «деды».

– Лара, вперёд!

Замкомвзвода отправил следующего «молодого» на поиски соли. Тот положил облизанную ложку, успев до этого только пару раз забросить еду в рот. За Ларой подались ещё несколько человек. Соли не было нигде.

Пока выпросили у повара дополнительную солонку, «деды» уже наелись, и замкомвзвода скомандовал:

– Окончить приём пищи! Выходи строиться!

Мы с Кожемякой и Эдиком Гайдамаковым сидели за другим столом. Эти два «прожжённых» службой парня чуяли подвох за версту и сразу захватили соль с чужого стола. Шесть человек нашего призыва остались в этот день без обеда.

Но этим не закончились наши неприятности. Замкомвзвода искал тот «молниеотвод», который бы принял на себя его гневный разряд. По дороге в парк, куда мы отправились сразу после столовой, Медеркулов прогнал «слонов» по плацу несколько раз. «Деды» лежали на зелёной траве, на обочине, и млели на солнышке. «Кандидаты» своей группой под руководством младшего сержанта Шикармамадова отправились в парк. Сержант Медеркулов до охрипа давал команды, словно именно мы, «молодые», не поднимали ногу и все беды из-за нас. И мы четко чеканили шаг. Генка Ноготь пару раз сбился – сказывалась усталость после тяжелой ночи и то, что из столовой вышел он голодным. Когда Ногтев в очередной раз запнулся о ногу впереди идущего солдата, Медеркулов остановил взвод и приказал ему выйти из строя.

Геша понял, что ему несдобровать и стал оправдываться:

– Коля, я случайно, я исправлюсь...

Замкомвзвода огляделся – нет ли поблизости офицеров и резко ткнул Ногтева в лицо кулаком. Тот «ойкнул», согнулся, чтобы не запачкать хэбэ кровью. Сквозь пальцы просочилась красная струйка и стала капать на бетонное покрытие плаца.

– Мыться, бегом! Попробуй только офицерам на глаза попасться, сгною, «слоняра»! – пригрозил убегающему Генке замкомвзвода.

Оставив нас на солнцепеке посреди плаца, Медеркулов подошел к лужайке, где возлежали «дедушки».

Кожемяко Серёга оживился и сделал циничный вывод из создавшейся ситуации:

– Если Гешка не получит в день два-три раза по морде, он сам не свой, – Кожа терпеть не мог Генку Ногтева за его разгильдяйство и за то, что тот с самого первого дня по своей глупости притягивал к себе неприятности. Кожемяко звал того чаще не по имени, а – Ноготь или Оно. – Оно без зуботычин, как без прями-

ков. Кровопускание для него, как оздоровительная процедура. У него полно этой дурной крови. Ладно бы сам, так вечно всех подставляет.

Замкомвзвода, немного разрядившись на попавшемся под руку «слонике», успокоился, и до ночи мы дожили без происшествий.

ИВАН КАЛАПУНЬ

Младший сержант Иван Калапунь появился в нашей батарее в одно время со мной. В учебке он выучился на командира зенитно-ракетной машины. Его ждала «Стрела-10», командир которой ушёл на дембель. Был Ваня симпатичным пареньком, среднего роста, спортивного сложения, подтянут и аккуратен. На гражданке занимался боксом, имел разряд. Любил музыку и разбирался в нотах. Украинская «мова» выдавала его происхождение. Был он из «западенцев», из Львова. В первый день мы знакомились, присматривались друг к другу, «притирались». Был у него боевой настрой на службу и наивный взгляд на «дедовщину».

Он так и сказал:

– Если «деды» меня тронут, то я покажу им первоклассный бокс. Я за себя отвечу, а вы сами попробуйте!

Меня сразу резануло это откровение, где он открестился от нас, своего призыва, надеясь дать бой «дедам» в одиночку. Наивный человек! Признаюсь, я тоже по-другому представлял себе «дедовщину», геройски надеялся на свои силы. Но я хотел «тянуть ляжку» вместе со своим призывом, не отгораживался от ребят, которые достойно несли свой крест. Это я не про Ногтева и Ларчука, которые сами выбрали свой незавидный путь. Буквально в тот же день Калапуню неоднократно представилась возможность показать свой «первоклассный бокс», но он про него почему-то забыл. Две сержантских лычки, что легли ему на погоны, были тяжелее любой физической ноши. Он был «слоном», а в подчинении у него были и «кандидаты», и «деды», которые могли «вынуть душу» из молодого солдата в любое время, когда офицеров не было рядом. С этого и началось.

На обед мы шли двумя группами – одних вел Медеркулов из парка, другую доверили Ивану. Нужно было провести каких-то сто метров от казармы до столовой. В строю, кроме «молодых», стояли два рядовых «деда» – писарь Кузнецов и Булат.

Кузя, увидев, кто будет им командовать, из строя сразу выкрикнул:

– Хохол без лычки, что бочка без затычки!

– Прекратить разговоры в строю! – попытался урезонить «деда» силою устава Калапунь.

– Ты что, «слоняра», нюх потерял?! – поддержал Кузю Булат.

В общем, «тяжких грехов» у Ивана набралось по «дедовскому» законодательству нашей казармы на пару расстрелов уже в первую минуту. С горем пополам мы добрались до столовой. Когда вошли на обед, Ваня по незнанию неуставных законов, заведённых в полку, сделал ещё одну непростительную ошибку – он занял место на лавочке в центре стола. Все ждали команды: «Садись!» И тут подошёл задержавшийся Кузя. Он был, как всегда, раздражён.

Сразу же накинулся на Ивана:

– Эй ты, «слон»! Ты занял мое место! – он схватил молодого сержанта за рукав хэбэ и потянул к себе, ядовито дохнув ему в лицо. – Запомни, ты там больше не сидишь! Понял, слоняра?! Твоё место с краю!

Иван покраснел, вылез из-за стола и занял свободное место на краю лавки. А через пару дней, когда снова повёл нас в столовую и стал командным голосом требовать четкости шага, он чуть было не перечеркнул свою сержантскую карьеру на самом взлёте. Так получилось, что в строю оказался только наш призыв. Ваня «входил в роль» командира, ему нравилось командовать. Тем более «дедов» не было.

Он повысил голос в очередной раз, и Кожа тут же «урезонил» его прямо из строя:

– Э! Ты кто такой? Чего раскомандовался?!

– Я младший сержант Калапунь!

– Так ты Калапунь? Ты перед кем тут зад рвешь? Что-то ты «дедами» не шибко накомандовал...

Кожемяку поддержал весь призыв. Ваня смутился и немного остепенился. Я подошёл к нему возле столовой, отвел в сторонку и объяснил то, чего он еще не понял.

– Ты «летаешь» вместе с нами. Ночами тебя напрягают «деды» не меньше нас... С чего ты решил, что ты лучше нас? Нам «стариков» хватает, есть кому жизнь портить! А ты вместо того, чтобы облегчить жизнь своему призыву, усложняешь ее. Подумай хорошо, оно тебе надо?

Иван нас понял.

Комбат Селиванов знал, что происходит в казарме в его отсутствие. Кто-то из наших грамотно «постукивал» и держал его в курсе всех событий. Он знал, что на днях шесть «молодых» остались голодными. Знал, что каждую ночь старики поднимают «слонов». И предыдущая ночь не была исключением. Мы ещё надеялись, что он облегчит нашу участь, но он ничего не предпринимал. Он сам был заинтересован в таком положении дел. Достаточно было «построить» замкомвзвода и пару авторитетных «дедов», дать им конкретное задание, как они тут же его выполняли. Чётко и быстро. А уж как они этого добиваются, его мало интересовало. В батарее царил порядок и дисциплина. Что ещё надо для нормального продвижения по карьере! А так как он невзлюбил меня с первого дня, а я отвечал ему взаимностью, то рассчитывать мне было не на что. Он сам давал сержантам «черный список» непослушных «слонов», к которым у него были особые «пожелания». И развязывал «дедам» руки. Ну а те уже поступали согласно своему моральному кодексу.

На третий день, построив батарею и доложив об этом начальнику ПВО Чакину, он распределил всех по местам работы – в парк, на уборку территории, а кто-то поехал в командировку. Нас, несколько молодых специалистов, он для чего-то оставил в казарме. Мы сидели на табуретах и около часа ждали, когда нас позвуют. Из кабинета вышел писарь Кузнецов и сказал, чтобы мы зашли к комбату. Его же Селиванов попросил «погулять», и тот слонялся по коридору, иногда подходя к двери и подслушивая, о чём идёт беседа. Селиванов был в приподнятом настроении, он всем видом показывал, что он человек открытый и ему можно довериться. Он заходил издали. Офицер плавно покачивался с пяточки на носочек и обратно. Постоял, немного прогнувшись назад, спрятав руки за спиной. Было слышно, как он нервно щелкает суставами пальцев. Видно было, как он аккуратно подбирал нужные слова, чтобы пробраться к нам в души.

– Так как нам придётся вместе служить нашей Родине ближайших полтора года, то я хотел бы познакомиться с вами ближе. Меня вы уже знаете, я командир

батареи Селиванов. Я отвечаю за всё, что происходит во вверенном мне подразделении. Мне далеко не безразлична ваша судьба. Я хотел бы, чтобы вы достойно дослужили до дембеля и благополучно вернулись домой. И поэтому я бы хотел, чтобы вы полностью доверились мне.

Он убаюкивал нас своими речами, как психотерапевт, используя такие дорогие сердцу солдата слова, как «дембель», «домой». Он спросил, нравится ли нам еда, казарма, служба, после чего перешёл к самому главному:

– Меня беспокоит только один вопрос, на который вы, хорошо подумав, ответите. Не притесняют ли вас старослужащие?

– Нет! – коротко обрубил я лукавый разговор.

– Мы, товарищ старший лейтенант, сами за себя постоять умеем! – уверил офицера Аристотель. Этот парень тоже, как и я, был не в чести у комбата.

Обманчивая улыбка, как лёгкая бабочка, упорхнула с его лица. Оно стало сосредоточенным и тёмным, словно на него упала тень. Глаза почернели. В нём закипала буря гнева, готовая прорваться. Он посмотрел на Ваню Калапуня и Колю Лазько. Те тоже подтвердили наши слова. Последний, пятый из нашего призыва, пришедший из учебки Петя Пьянко, этим утром уехал в командировку на бэтэре.

Комбат не ожидал от нас такого дружного отрицания очевидных фактов. Он перестал раскачиваться с пятки на носок и вытащил руки из-за спины:

– Я ведь просил вас хорошо подумать...

– Не притесняют, товарищ старший лейтенант, – я снова повторил свой ответ.

– А у меня есть другие сведения. Вас сегодня снова поднимали старослужащие, как и в предыдущие ночи.

– Никак нет, товарищ старший лейтенант, – честно глядя в глаза комбату, сказал Аристотель. Он говорил правду, потому что его с Шелией действительно «деды» не поднимали. – Мы ночами спим, не видим, может, кого поднимают. Так у них бы самих и спросить...

– Ты, философ греческий, что мне тут огород городишь, – вспыхнул комбат, поняв, что правды от нас ему не добиться. – Я не люблю, когда мне нагло врут в глаза! Хватит! Идите работать в парк! Шагом марш!

Мы вышли от комбата, довольные собой, но перед нами стояла весьма непривлекательная перспектива службы под началом этого неуравновешенного командира. Впрочем, особо радостной перспективы нам не грозило ниоткуда ближайших полгода. Одной проблемой меньше, одной больше, нас это уже несколько не пугало.

На выходе из казармы стоял Кузя.

– На допросе были?

– Похоже на то! – ответил Калапунь.

– Ну, и что? Комбат опять баллон на «дедушек» катит?

– Спрашивал, не мучают ли нас старослужащие...

– Ну а вы?

– Нет, говорим...

– Ну, ладно, глядите! Вас еще психически будут обрабатывать, так вы не поддавайтесь, не берите греха на душу, – были в его словах и предупреждение, и угроза.

Построив в колонну по одному, Иван Калапунь повел нас в парк боевых машин. Мы шли и дружно смеялись.

ОБЫЧНЫЙ ДЕНЬ. «СВЯТО МЕСТО»

В Чехословакии солнце в конце апреля – ласковое, это вам не Азия, не Отар! Не припекает, хорошо! Утром – и солнечно, и свежо. В воздухе разлита благодать расцветающих яблонь. Нас снова из-за «дохляка» Ногтева заставили идти «гусиным шагом».

– Устали?! Встать, бегом марш! – Булат не преминет напомнить всем, кого мы должны «поблагодарить» за мучения: – Ногтеву спасибо скажите. Он на гражданке водку пил вместо того, чтобы спортом заниматься...

Возвращаемся через КПП и сразу в спортивный городок. Я без слов – на перекладину, сделал «передний», «склепку» под одобрительные вздохи ребят нашего призыва. Для меня это любимый снаряд да еще и возможность показать свою силу. На добрых харчах я начал отъедаться, и силы появились. Булат давно приглядывался ко мне, а я немного дерзил. Делал это с оглядкой на Медеркулова, ведь я его земляк. Но замкомвзвода не питал ко мне особых симпатий и вообще стал прохладней ко мне относиться. Булат моей излишней инициативой на турнике был недоволен, он не был сержантом и командовал, как рядовой-«дед».

– Полетаев, встань в строй! Тебя никто не приглашал на турник.

Про себя, наверно, думал: «И не таких обламывали, и тебя обломаем».

Я же «одарил» его колким взглядом, мол, я не Ноготь, со мной вам непросто будет.

– Все к снаряду! – последовала команда, и мы повисли на перекладине. – Подтягиваемся на счёт. Ра-аз! Ногтев, подтянись до конца! Выше... Подбородок над перекладиной... Два. Ра-аз! Ногтев, ты опять филонишь? Почему спрыгнул? На турник!

– Булат, я не могу! Не могу! – жалостливо оправдывался Геша Ноготь, даже слезу проронил.

«Дедушка» Булат на время нас позабыл. Все мы висели в положении «Раз», подбородки постепенно опускались ниже турника, руки дрожали. Серёга Кожемяко, хрипя, камнем кинул в сторону Ногтева обидное слово: «Чмо». Кто и когда придумал это слово, неизвестно, но аббревиатура его расшифровывалась так: «Человек морально опущенный».

Булат продолжал воспитание:

– Ногтев, все будут висеть на турниках, пока ты не залезешь сам на него.

Генка уже привык подставлять нас по несколько раз в день. Его слёзные раскаяния вызывали только озлобленность. Ребята моего призыва, покрасневшие от напряжения, уже разогнули локти и повисли на вытянутых руках.

Булат всё же загнал Генку на перекладину.

– Раз! – скомандовал он, но сил у ребят больше не было. – В колонну становись. В казарму бегом марш!

Медеркулов лежал на заправленной кровати в самом углу казармы на нижнем ярусе. Это было «блатное» место, для самого авторитетного солдата в старшем призыве. Верхние пуговицы на хэбэ расстёгнуты, богатый подворотничок белел из полутемного угла.

– Еремей, Крецул, покажите «слонам», какой порядок должен быть в нашем «заведении», – даёт распоряжение самый авторитетный «дед».

Еремей, мягкий, добросердечный паренёк из свежеиспеченных «кандидатов», взял Колю Лазько и Ваню Калапуня и стал показывать, как делают кантики на кроватях. При помощи двух ровных небольших палок – «лыж», он ловко набил острые стрелки на одеялах. Было видно, что этим инструментом он владеет профессионально. Шикармамадов, наблюдавший со стороны, бросил на кровать юрок с нитками. Вот уж кто любил идеальный порядок и чистоту, так это Сергей Шикармамадов. По нитке, натянутой вдоль всего спального отделения, выровняли подушки, полоски на одеялах, тумбочки. Ларчук подмёл полы, осталось только натереть их. Тряпки не было. И тут Ваня Калапунь сделал непростительную глупость. Он спросил у «кандидата», где взять тряпку для натирания полов.

– Что? – возмутился Шикармамадов. – Я тебе ещё должен тряпку искать? Я свое отпахал! Теперь твоя очередь! Ты – «слон»! Вот и рожай!

Покрасневший от такой реакции Иван пожалел о сказанном, развернулся и пошёл «рожать» тряпку. На выручку Калапуню подоспел Эдик Гайдамаков. Он вышел из казармы, а вскоре мы слышали его быстрые шаги сверху, на чердаке.

Эдик появился с охапкой тряпья и, улыбнувшись, заверил нас:

– Не переживайте, ребята! Я много заготовил его, на все наши полгода хватит!

Он да Кожемяка – два стреляных воробья, два «прохиндея», два самых «шалящих» «слона», тонко знавшие правила и законы нашего зенитного общежития.

Мы ещё не успели помыться, когда поступила команда дневального – выходить строиться на утренний осмотр. Раздетый до пояса Лазько, не торопясь, шел из умывальника по коридору и вытирался полотенцем, когда ему повстречался Кохас.

– Да ты ещё и не торопишься! Обурел, что ли? Ты на курорте, что ли? Я уже оделся, а ты ещё в казарме стоишь? Ты почему позже «деда» из казармы выходишь? Да ты летать должен! Понятно? Бего-ом!

Коля пулей вылетел на улицу, одеваясь на ходу. Один из уроков для «молодых» гласил: строй начинает формироваться «слонами». «Деды» становятся в строй в самом конце. Я тоже этим утром, наспех умывшись, становился в строй последним, когда «деды» и «кандидаты» уже были в строю. Это было возмутительно. И оправдания типа «я заканчивал уборку» или «я не успел побриться» считались детским лепетом.

Мелкорослый Медеркулов бросил на меня удивлённый взгляд и скомандовал:

– Ко мне!

Я подошёл.

– Где доклад?

– Товарищ сержант, рядовой Полетаев по вашему приказанию прибыл!

В этот момент могло случиться что угодно, замкомвзвода был непредсказуем.

– Послушай меня внимательно, – тихим голосом, чтобы слышал только я, зашипел Медеркулов. – Ты в последний раз становишься в строй после меня. Понял меня, земляк?! – И во всеулышание: – Встать в строй!

– Есть! – я чётко развернулся и сделал несколько чеканных шагов.

Когда я протиснулся во вторую шеренгу и встал среди «дедов», один из них, искоса глянув на меня, посоветовал мне встать в первую, вторая – для «дедов».

Я покинул «свято место» и занял положенную моему сроку службы – первую шеренгу. Это был очередной урок – «слон» должен знать свое место: в шеренге – в первом ряду, в строю – впереди и в крайних колоннах.

На осмотре шеренги стояли друг против друга на расстоянии трёх шагов. Медеркулов шел по центру и осматривал внешний вид солдат. Дошел до Седова, неопрятного «деда», не имеющего авторитета, покачал головой и недовольно прошептал ему в лицо:

– Ты если так и будешь грязным ходить, то я тебя к «слонам» определю. Хочешь? Завтра на осмотре наблюдаю тебя в чистом хэбэ и подшитым. Понял меня?

Тот понятливо качнул головой. Очередь дошла до Ногтева.

– Ты опять не подшился?

– Да я подшивался, Коля... – начал оправдываться Геша и нагло врать, чего замкомвзвода не любил.

Медеркулов коротко ткнул ему в лицо своим мелким кулаком. Кровь побежала из носа. Замкомвзвода сунул в руку пострадавшему, словно подачку, его оторванный грязный подворотничок.

– Вытрись! Быстрей! В умывальник бего-ом! – и вослед ему: – Не дай бог кто узнает! Подошьёшься, и в строй.

«Слоны» после увиденного трепетали. Медеркулов говорил громко, вроде как для всех, но речь его касалась только нас:

– Солдат обязан быть всегда чистым! Умыт и выбрит до синевы! Хэбэ в надлежащей чистоте. Не говорите мне, что у вас не хватило времени. Для этого есть ночь. Бляха должна блестеть. В пилотке две иголки с нитками. Документы всегда при себе во внутреннем кармане. Сапоги начищены, с блеском. Как говорится: «Умом ты можешь не блестеть, но сапогом блестеть обязан!» Подворотнички – свежие – ежедневно подшиты. Чтобы не приходилось страдать, как Ногтеву. Разойдись!

Половина «дедов» вообще игнорировала утренние осмотры, когда в казарме не было офицеров.

После обеда мы, «молодые» солдаты, прилегли на зелёной траве возле старого разбитого турника, что стоял возле курилки. За забором, метрах в пятидесяти, находились наши боксы, куда мы собирались идти после перерыва. В казарму решили не заходить – «деды» не дадут отдохнуть законных десяти минут после обеда. Вчера Медеркулов, лёжа на своей кровати, начал возмущаться тем, что мы расселись на табуреты и сидим без работы. Увидел пятнышко на стене и соринку в соседнем проходе, заставил сделать уборку. Вместо отдыха мы «шуршали». Эта казарма уже и так блестела, как бляха у Шикармамадова. Нет для «дедушки» более страшной картины, чем отдыхающие «слоны»! Потому мы решили в казарму после обеда не заходить. Нагло разлеглись и грелись на солнышке. С двух сторон от меня – Эдик Гайдамаков и Серёга Кожемяко. Мне у них есть чему поучиться. Спрашиваю у них, мотаю себе на ус поучения бывалых ребят, учусь.

Кожа предложил сократить мою фамилию, чтобы было легче в обращении:

– Нужно сделать на манер моего: «мяко» обрубил от фамилии, и вышло «Кожа».

Коротко, ясно и без выкрутасов. Вот Аристотеля пока докричишься: «А-ри-стотель!», можно пару раз от «дедов» схлопотать. Уберем «тель», будем его Аристо звать. Ты не против?

Аристотель лежал по другую сторону от Кожемяки.

– Я только «за»! – полусонно пробормотал Аристо.

– И твою фамилию надо сократить, – Кожа стал озвучивать полученные в результате сокращения моей фамилии слова, – «Полетай», «Полёт», «Лётчик», «Ас»! По-моему, все хороши! Как ты смотришь?

– Хоть горшком назови, только в печку не ставь!

– Тогда будем звать тебя Полёт.

– Договорились. Ты мне вот что, Серёга, растолкуй. Что значит «шарить»?

– Я философствовать не умею, не философ, а вот на пальцах растолковать могу. К примеру, ты механик-водитель... У тебя нет комплекта ключей в машине, потому что все хорошие ключи уже у старшего механика-водителя. Мы едем в лагерь, где собираются зенитчики с четырех полков. Там, на чужой машине, ты обнаруживаешь пачку ключей. Ты их незаметно берёшь...

– Воруешь, – попытался я исправить.

– Ну зачем так грубо! Ты не украл, ты «зашарил». Ты – «шарящий»!

Тут в разговор вмешался Эдик:

– Ты, Серега, совсем Артёма загрузил. «Шарить» – это значит быстро сообщать, доставать... К примеру, нужна «дедушке» белая нитка для подворотничка. Он говорит: «Роди нитку!» А ты уже готовую по размеру нитку с иглой вытаскиваешь из пилотки и подаёшь. И «деду» приятно, и тебе не надо никуда бежать в поисках нитки. Или пока по столовой идёшь, по ходу солонку с чужого стола берёшь незаметно и сразу ставишь на стол.

– Лакейство какое-то! Он сидит, как барин, а ты прислуга его, – возмутился я. – А если в челюсть ему дать...

– Ты что? Бунт на корабле решил устроить? Их только «дедушек» шестнадцать человек! Да «кандидатов» девять! Итого – двадцать пять! А нас вместе с Ногтем и Ларой, с этими двумя чмами, всего двенадцать. Они же все вместе налетят и жизнь в ад превратят нам всем. Мы-то ещё по-божески живем, а вот в других подразделениях совсем вешалка. Вон, по-соседству, в ремроте, раз в неделю уборку делают: выливают вёдер пять-десять воды на пол и дряют, как палубу. Это тебе не как у нас – тряпочками натирать. Или комендантский взвод в полку. У них поговорка: «Днём бегаем, ночью летаем!» Листки с текстами «Сказки дедушке» на вытянутых руках читают. Так что у нас ещё можно жить! – Эдик растолковывал мне «прелести» нашей жизни. – Или в пехо...

Гайдамаков на полуслове смолк, закрыл глаза и сквозь зубы процедил:

– Сделай вид, будто ты спишь!

– Зачем? – не понял я.

– Сейчас увидишь! – и совсем еле слышно прошелестел. – Если не хочешь пахать, то притворись спящим.

Я притворился. Услышал с крыльца голос Булата:

– Ногтев, ко мне! Лара, тоже сюда. Бегом!

Два Генки поднялись и пошли на окрик. Эдик хорошо знал Булата, что у него что-то человеческое ещё осталось. Обычно он не спящих «слонов» звал, стараясь не будить остальных. Либо, если все спят, брал «рабочих слонов» – Ногтя с Ларой. Гайдамаков хорошо просчитал ситуацию. Получилось, как офсайд в футболе, искусственно созданный в нашу пользу. Двух Генок посадили возле окон, в разные углы казармы «на шухер», чтобы они не пропустили офицеров, пока спят на кроватях «деды».

Когда ушли оба Генки, Кожа рассказал о том, как они заработали своё незавидное положение.

– Когда мы только пришли с гражданки, «деды», как обычно, стали нас поднимать ночами. Комбат вызывал нас партиями к себе и вёл душещипательные

беседы, мол, он страшный «слонячий» заступник. Он, если надо, в душу без мыла залезет. И вот наши Генки расчувствовались, как на исповеди, и все за чистую монету приняли. Всех сдали с потрохами. Той же ночью для нас ад начался. Ладно, мы с Эдиком за полгода пару раз по роже схлопотали, а эти ежедневно получают. Так что с нашим комбатом лучше не открывничать.

Вскоре Генка Ноготь крикнул: «Шухер! Комбат!»

И «деды» побежали на выход из казармы строиться. Мы уже стояли в строю когда недовольный комбат пригласил к себе Медеркулова и пояснил, что мы давно уже должны работать в парке.

В тот вечер я возвращался в казарму в небольшой группе. Недалеко от штаба полка, на площадке, стоял Владик Кученёв с прибором химзащиты. Я подошел к нему и поздоровался. Он определял радиоактивный фон. Это было двадцать седьмое апреля. День назад взорвался атомный реактор Чернобыля.

ЗА ХЛЕБОМ

Как обычно, в субботу банно-прачечный день. С утра выстроилась очередь у дверей старшины. Его самого не было, бельё выдавали «дедушки» Малов и Кузнецов. Закомвзвода, увидев меня, бегущего по коридору, крикнул вдогонку: «Возьми и на меня комплект». Если бы я брал для себя бельё, то скромно бы встал в очередь. Мне подумалось: «Вот повезло – замку-земляку всегда всё без очереди дают! И себе под шумок добуду комплектик!» А хвост очереди из комнаты торчал в коридоре, долго стоять. И я нагло пошёл мимо всех – мимо «кандидатов» и «дедушек», стоящих в очереди, прямо к раздатчикам. Малов – высокий, уграстый, большеносый – страшило местное! Фамилия ему выпала, словно в издёвку – какой же он Малов? Ему Большовым нужно быть.

Комната и так невелика, да еще народом забита. А я в первый раз за постельным пришёл и прямым к Малову:

– Два комплекта нужно! Мне и Коле Медеркулову.

– Держи, «слоняра»! – тут и прилетел мне кулачина, аккуратно в нижнюю губу. Посекло ее о зубы, и она моментально вспухла.

– Спасибо, – пробормотал я сквозь зубы и пошёл на выход.

– До чего наглые «слоны» пошли, – услышал в спину.

Шёл я по казарме, губу расшлёпанную зажимал рукой, шар вспухший трогал и придумывал оправдание на случай комбатова допроса. От крови солоновато во рту. Теперь на моём лице было ясно нарисовано, что я сонный упал с кровати и ударился о табурет губой. Так бы я и сказал комбату, если бы он спросил. Я предупредил замкомвзвода, что бельё ему не выдали. И тогда Медеркулов сам пошёл получать свой комплект. До меня ему дела не было. А я зашёл в умывальник, прополоскал губу водой и стал в зеркало рассматривать рану. В этот момент в двери показался Владик Кученёв, мой земляк из химвзвода. Он всегда появлялся вовремя. Возможно, это было совпадение, а возможно, ему уже сказали о случившемся. Он заметил мою вздутую губу.

– Кто?

Я не хотел его вмешивать в свои дела.

– Я сейчас выловлю первого «слона», и он мне всё расскажет. Но я хотел бы узнать это от тебя. Это Малов сделал?

Я кивнул головой, и Владик тут же ушел. Дальше события развивались с особой стремительностью. Владислав зашёл в хозяйскую комнату, где уже было немного народа, и вежливо попросил Малова пройти вместе с ним за казарму. Тот упирался. Земляк взял его одной рукой за грудки, и повел за собой. Малов был выше Владика на голову и шёл за ним, как мычащий телёнок. За углом казармы Влад дал несколько тумачков моему обидчику и отпустил.

Но этим дело не закончилось. Минут через десять меня навестил ещё один земляк – старшина ремонтной роты Кайрат Мухамадиев. Мы с ним познакомились во второй день моего приезда в войска. Он был крепкого сложения, плечист, с белозубой улыбкой. Одна широкая полоса пролегла вдоль его погона – старшина! Служба его клонилась к дембелю. Более авторитетного солдата в ремроте не было.

– Привет, земляк! Я слышал, у тебя тут небольшие проблемки появились... Где этот чёрт?

И снова Малова потащили за казарму.

– Ты разве не знал, что Артём из Казахстана? Если надумаешь трогать моего земляка, сразу приходи ко мне в ремроту, а то я сам к тебе приду!

Был Кайрат родом из Мангышлака, до которого расстояние от моей родины больше двух тысяч километров! В это незадавшееся для меня утро я увидел огромную силу «землячества», перед которой даже «дедовщина» блекла, как старое стёклышко.

Вскоре Малов сам меня нашёл и принёс комплект белья. А ведь он мог мне в самом начале просто объяснить, что нужно встать в очередь. Теперь с Маловым я был в расчёте. А на Медеркулова я больше не рассчитывал, хотя он в первый день и записал меня в земляки.

Не прошло и трех дней, как Малов отличился ещё раз. Как говорится, кот скребёт на свой хребёт! Не знаю, на что рассчитывал местный доморощенный «квасимодо», но шансов у него на этот раз не было вообще. Дело в том, что у нашего комбата была жена-красавица. У них рос сынишка. Комбат пропадал на службе целыми днями, а до семейных дел руки у него не доходили. Вот и отправил комбат к себе домой бестолкового Малова, который в батарее всё время «был на подхвате» и не находил должного применения своим силам. Нужно было не то ящик на кухне прикрепить, не то полочки книжные прибить. В общем, не смог выстоять оголодавший боец, не вырвал он своего похотливого ока и позарился на чужое. На что рассчитывал? Комбат, хоть и гниловат изнутри, но снаружи он – писанный красавец! Это он в казарме прокричится, гнев свой выплеснет на солдата, а домой возвращается добреньким мужем и отцом, а также кормильцем семейства. И может быть, для жены комбатовой он и есть свет в окошке, единственный и неповторимый! И, наверно, она счастлива с ним, и весь смысл в жизни у неё в нём одном да в сынишке. И готовила, видать, хорошо. Оттого комбат и бежал каждый божий день на обед. И тут вдруг появился этот плейбой, глупый, как пробка, далеко не красавец, самец, забредший на чужую территорию. Жена комбата, увидев недвусмысленную игру нашего любовного героя, с треском выстала его за дверь. Комбат наш, кроме того, что был красив собой и умён, был ещё страшно вспыльчив и ревнив – суций Отелло! Узнав от жены о помыслах своего подчинённого, комбат во всю прыть помчался в казарму. Он по тревоге так не бегал. Ярый в своём гневе, с чёрными, горящими глазами, он выискивал

по казарме Малова, усы торчмя торчали под раздувающимися ноздрями. Такого разъярённого командира батареи мы никогда не видели. Он приказал дневальным срочно найти Малова, этого «недоделанного кобелишку» и «законченного негодяя». А наш страстный воздыхатель, за версту чуя своим большим носом беду, тем временем «тарился» в одном из тёмных уголков бокса, где был героически выловлен доблестным зампотехом. Борец со всякой несправедливостью и в том числе с «дедовщиной», Самойлов заставил трясущегося «деда» мыть бэтээр и мести территорию бокса, хотя «дедам» не полагалось заниматься грязной работой. Тучи сгущались, и неизбежная гроза всё же настигла бедовую голову Малова. Забравшись на забор, дежурный по роте сержант Маслов, он же – «дедушка» Маслик, кричал в сторону нашего бокса:

– Малова срочно к комбату! Бегом!!!

Зампотех забрал веник у проштрафившегося «дедушки» и отправил того выполнять приказ. Он даже разрешил идти напрямик, перемахнув через железный забор. Ноги у Малова подгибались и не хотели идти. Знал кот, чьё сало съел. Постучался к комбату, думал, что пронесёт, может, не выдали его. Несколько минут за дверями раздавалось глухое буцканье и слёзное причитание. Хорошо отвёл душеньку комбат. Малов вышел помятый, растрёпанный, как заклёванный петушишко. Сколько этому «деду» перепало за последние дни, столько не каждому «слону» за всю службу достаётся. Недельки через полторы ему выпишут новую «порцию» тумакон. Но об этом позже.

Субботный день пролетел незаметно. Солнышко закатилось за Закупями, за цветущим садом, за густым бором. Покинули казарму офицеры. Потушили свет. Горела только красная лампочка дежурного освещения. Дневальный, как забытая скульптура, стоял возле тумбочки. По коридору скользнула одинокая острая тень, похожая на гигантскую крысу.

Голос неприятный, с хрипотцой, прошипел:

– Ушли... Можно подымать...

Тень исчезла. На её месте выросла оплывшая фигура писаря Кузнецова. Весь день Кузя «карандаши катал», в глаза комбату заглядывал, лизоблюдничал, листочки расписывал своим красивым почерком. Устал он от бумажной работы за день, успел соскучиться по «живой жизни», хочется ему себя «человеком почувствовать». А внутри, в затемнённой его душе, понапачкано, понаковеркано с самого детства. Комплексы, нелепая мозаика обид не дают ему жить спокойно. И он, как вампир, жаждет «новой кровушки», «молодой» кровушки, «слонячей». В красном свете ночной лампы всё кажется неестественным, потусторонним. И вроде как в облике писаря-Кузи сам нечистый плывет в кровавом отсвете.

Голос с бабьим подвизгом разрезает, словно скальпелем, дремотную тишину:

– Слоны-ы! – не услышав ответа, он визжит еще громче: – Сло-ны-ы!

– Мы-ы! – разносится дружное «мычание» со вторых ярусов.

– День прошел! – как заученную речёвку выкликает Кузя.

– Скорей бы утро, на работу! – откликаются «слоны».

– Слоны, подъём! – заскрипели кровати, зашлёпали босые ноги по полу.

– Медленно! Отставить!

И «молодые» снова запрыгнули на кровати.

– Подъём! Строиться!

Скрип коек. Шлепки по полу босых ног. Все в синих трусах. Ногтев в майке с большими дырами, как оборванец. Его вид меня рассмешил, хотя было не до смеха. Я встал с края.

Кузя подошел ко мне вплотную:

– Ты в последний раз становишься последним. Понятно?

Я поднял подбородок и глянул в его лицо, вернее, в тёмный овал с красным оттенком ночного фонаря. Кулак моментально сжался. Я бы не промазал, если бы он шевельнулся в мою сторону. Я его в тот момент смертельно ненавидел, как самого ярого врага. И он это почувствовал. Несколько мгновений мы молча смотрели друг другу в лицо. Несколько «дедов», скрипнув койками, поднялись со своих мест, чтобы узнать причину затишья. Кузя отступил от меня и пошёл к Ногтеву. С тем было гораздо проще разговаривать, того можно бить безответно. Неожиданно перед нами появился дежурный по батарее сержант Маслов. Он был невысокого роста, щупленький, гораздо ниже Кузнецова, к которому он обратился:

– Гляжу, Кузя, ты ещё не наигрался! Всё тебе не спится ночами! – Маслик повернулся к нам. – Нужен доброволец, который добудет булку хлеба на стол «дедушке». Остальным в честь моего дня рождения объявляется амнистия – можно отбиваться. Кто пойдёт за хлебом?

– Я пойду! – я вышел вперёд.

Во мне ещё клокотали эмоции, которые всколыхнул Кузя. Маслик не был злым человеком, «лечил» разговорами, рук не распускал.

– Задание это непростое, может, даже опасное. Могут выловить. Нам шумиха не нужна, – предупредил Маслик.

Единственное, что я попросил у Маслика, это его сержантскую шинель. Хотя была она уже весьма нехстати – на улице было тепло. Мне казалось, она придаст мне солидности и сыграет весомую роль в задуманном мной плане. Я надел хэбэ, накинул чужую шинель на плечи, так как она была мне сильно мала. На ногах – шлёпки. И пошёл, в шинели и шлёпках, без головного убора, эдакий выдавший виды солдат.

Предприятие было авантюрным и небезопасным, и за его стопроцентный успех нельзя было поручиться. Но я по натуре авантюрист и люблю рискнуть, если можно попытаться счастья, то почему бы и нет! Я прошел неторопливым шагом вдоль деревянного заборчика мимо офицерской столовой и повернул за угол, оказавшись в большой, обозначенной фонарём площадке. Луна ярко освещала пространство – нигде никого не было до самого штаба полка. Прохлада после дневной жары освежала. Не раздумывая, я подошёл к окну хлебобрезки и постучал. В белом халате поверх хэбэ показался хлебобрез.

Я просунулся в открытое окно, чтобы мои погоны было лучше видно, и спокойным тоном попросил его:

– Выручай, брат! Нужна булка хлеба!

Роль сержанта я сыграл хорошо, уверенно, без «слоновьей» суеты. И мне поверили. Поблагодарив, я развернулся, чтобы уйти обратно. Но тут случилось худшее, что могло случиться – ко мне приближался патруль: офицер и два солдата с повязками на руках. Метров пятьдесят до меня. Назад уже поздно. Даже если я проскочу впереди них в проход мимо офицерской столовой, то я приведу их прямо в свою казарму. А это будет полный залёт! Единственное, на что я могу

потом рассчитывать, так это на то, что меня не расстреляют. Сначала достанется «дедам» и в первую очередь дежурному по батарее Маслову за то, что солдаты гуляют после отбоя. Это будет «редкий» подарок на его день рождения! «Деды» отыграются на моём призыве, поднимут и будут мучить всю ночь! Утром обо мне узнает комбат, которого я люблю, как собака палку. Он спит и видит во сне мой залёт. Этот меня точно порвет, как Тузик грелку. Дело дойдет до командира ПВО майора Чакина, и тот распечёт меня как последнего «ублюдка». Это у него любимое словцо. Такая перспектива меня не устраивала, особенно мысль о том, что из-за меня пострадает мой призыв. Решение возникло мгновенно. Я скинул шлёпки и босиком бросился убежать.

В спину раздался рык офицера:

– Солдат, стоять!

Какой стоять, брателла, ты в своем уме? Чтобы меня взять голыми руками?! Да ни в жизни! Сзади топот сапог, солдаты, как псы, бросились вдогон. Топочут вослед. А я, босоногий, мчусь, только пятки сверкают. Под ногами зернистая галька бетона, камушки, щепки... А я ничего не чувю, я всё детство бегал босиком! Я привычный!

– Стоять, солдат! – опять кричит недовольный офицер.

Теперь уж точно мне нельзя останавливаться. Впереди тупик. Там, возле входа в столовую, стоит высокий деревянный забор. Перемахнуть его я уже не успею. Или хлеб потеряю, или шинель порву. Шинель терять нельзя, во-первых, не моя, во-вторых, там, на внутреннем кармане латексом подписана фамилия и номер военного билета Маслика. Хорошо, что я не натянул на себя эту узкую шинелишку, а то бы она меня сковала в движениях. Я скинул на ходу брошенную на плечо шинель, завернул в нее буханку и шлёпки, и подбежал к забору. У меня было в запасе всего пара секунд. Патрульные не сомневались, что выловят меня у глухой стены забора, как рыбину, попавшую в сеть. Они даже ослабили преследование, ведь мне и деться-то некуда. Но я-то знал, что в заборе болтается доска – пятая или шестая от правого края, в которую можно впритирку пролезть, это я ещё в первый день заметил, когда мы ждали возле столовой своей очереди. Главное не ошибиться доской.

На бегу я перебрасываю через забор скомканную шинель и руками скребу по доскам... Вот она, родная! Открылась, ура-а-а! Никто её не заколотил, спасибо доблестному завхозу полка! Я прошёл сквозь стену! Я исчез! Я испарился! Я – чёрная кошка в чёрной комнате! Меня для вас больше нет. Я провалился в другое измерение – зазаборное. Рыбина ушла, имея один шанс из ста, найди единственную дырку в сети. Доска закрылась за мной. По забору скребут руки, пытаюсь в темноте отыскать мою спасительную досточку. Раздался подзаборный мат офицера, крик мне вослед:

– Стой, солдат, стрелять буду!

Стреляй, чего же ты растерялся! А лучше теперь тебе самому застрелиться. Ишь какую погоню устроил, прямо как в боевике. Страшного нарушителя с булкой хлеба не смог задержать! Хотелось выслужиться, благодарность заработать от полкача. Ан нет, сегодня мой день, вернее, ночь! Свою удачу я теперь не упущу.

Я подхватил шинель, перепрыгнул через внешний забор. На дороге тишь и благодать – ни одной живой души! Лунный свет разлился по пространству: «Всё сияет в лунном серебре!» Прошёл к своему «болоту» с тыла, мимо мусорки. Идти

по проулку мимо ремроты не стал. Патруль наверняка уже нашёл «мою» доску в заборе, но в парадной форме им не пролезть, слишком узко. Тем более этому нерасторопному, потерявшему спортивную форму офицеру! Он, обозлённый до крайней степени, точно уж «рвёт и мечет» и понял, что нарушитель из нашего края полка – из «болота». Он сразу пройдет мимо офицерской столовой и через пару минут выйдет к мусорке. Он тоже не дурак, ему поквитаться со мною ой как охота!

Свет от уличного фонаря на столовой освещал наши казармы. Я перепрыгнул забор ремроты, надел шлёпки на ноги и пошёл теневой стороной. Как тень шёл, как вор. На ходу я разглядел под ногами грядки. Да это же небольшой огородик! Сорвал острую травину, попробовал. Это же настоящий свежий лук! Нарвал большой пучок. Разве пожалел бы для своего земляка немного зелени старшина ремроты Кайрат Мухамадиев! Да никогда! Это вам не Медеркулов!

Я перемахнул железный заборчик и оказался во дворике ремроты. Остался впереди наш железный забор. Тут я поторопился и, спрыгивая с острого профильного листа забора, порезал палец на ноге. Кровь залила шлёпанец, я вытирал её травой, сидя в закутке за казармой. Сюда обычно выводили подальше от лишних глаз провинившихся солдат более сильные или более «старые» сослуживцы для разборок. Сюда дважды вытаскивали Малова мои земляки и разбивали ему нос. И вот я сижу и не могу остановить свою кровь, распорол мякоть большого пальца на две части. Надёргал травы, забросил её в шлёпанец и прихрамывающей тенью проскользнул в казарму. Там – тишина.

Дневальный – бронеголовый Вася Крецул вытаращил глаза:

– А мы тебя потеряли! Крик слышали. Думали, тебя замели!

Я свалил ему в руки пучок лука, булку хлеба и сержантскую шинель:

– Передай это Маслику! Я пошёл кровь смыть, пока пол не выпачкал.

Под подошвой, в башмаке, уже хлюпало, и шлёпок прилипал к ноге. Защищала рана, когда я стал её промывать. Перевязал тканью и вышел в коридор. Сержант Маслов, увидев меня, позвал, чтобы я зашёл в бытовку. Я открыл дверь и увидел сидящих на табуретах «дедов», весь «цвет» – Медеркулов, крупный белорус Кохас, Кузя, Билан, Мищенко, Петрухин... Все, кроме Корнея, «ненастоящего» «деда», который спал в это время на втором ярусе, и тех, кто уехал в командировку. Мало-ва комбат тоже отправил подальше на время, чтобы тот не мозолил ему глаза. Посередине бытовки стоял стол из собранных вместе табуреток. На столе – лук, нарезанный хлеб, тушёнка, другие консервы, чешские вафли...

– За тобой гонялись? – Маслик внимательно глянул мне в лицо. Он всегда так сосредоточенно глядел на собеседника.

– За мной!

– Не догнали?

– Как видишь!

– Что с ногой?

– О забор порезал возле нашей казармы.

Наступила тишина.

– А ты герой, оказывается. Добытчик! Садись с нами, уважь «дедушек».

Я «уважил» «дедушек», присел с краю. Отведал своего хлеба с луком, выпил чая с воздушной чешской вафлей и «откланялся» – пора и честь знать, да и спать пора – первый час ночи.

– Спасибо! Мне пора рану перевязать, кровь набежала. Спокойной ночи!

– Ну, если тебе пора раны перевязывать, – съехидничал Маслик, – то всего хорошего, до новых встреч!

Эта ночь могла печально закончиться для «дедов», но им опять повезло. Они разошлись вскоре после моего ухода. Я уже засыпал, когда от тумбочки раздался крик дневального, бронелобого Васи Крецула:

– Смирно!

Это говорило о том, что в казарме появился офицер – от комбата и выше. Только ночами эта команда не подается, чтобы не будить личный состав. От дверей на свет шагнул сам майор Чакин. Он был в своём любимом красном спортивном костюме.

– Ты, солдат, сколько служишь-на? – у Чакина была такая манера, сопровождать свою речь предложением «на», словно он посылал подчинённого далеко-далеко.

– Уж скоро полтора будет!

– Вот как был убудком-на, так и остался им! – заключил майор. – Ты разве не знаешь, что ночью эта команда не подается?

– Никак нет... Извините, так точно, знаю!

– А раз знаешь, так чего ты горланишь на всю казарму? Вызови дежурного по батарее.

Маслик уже мчался из темноты казармы к начальнику.

– Товарищ майор... – начал было доклад сержант, но его остановили.

– Почему, товарищ сержант, ваш подчинённый не знает устава-на? Где устав-на? Он должен находиться на тумбочке, под рукой у солдата.

Маслик протянул книжицу начальнику. Чакин сунул ее в руки Крецулу.

– Учи устав, убудок-на!

В сопровождении дежурного по батарее Чакин прошёлся по казарме и, не обнаружив никаких нарушений, ушёл, шепча под нос: «Странно-на, странно! Информация не подтвердилась...»

После его ухода Маслик радостно выдохнул на «чакинский» манер: «Пронесло-на». И вытер платочком разруганное вспотевшее лицо.

СКАЗКА «ДЕДУШКЕ»

«Деды» закручивали гайки с каждым днем жёстче и жёстче. В том, что прошедшей ночью их чуть было не накрыл Чакин и лишь по счастливой случайности удалось избежать залёта, старослужащие почему-то заподозрили «слонов». Медеркулов был одержим подозрительностью. Утром он сам вместе с Булатом побежал с нами на зарядку, где оторвал душеньку, гоняя нас как потерпевших.

– Кто-то из вашего призыва «стучит» на стариков. Вы должны сами найти этого негодяя, или вам придётся каждый день умирать вместе с ним. Даю вам двадцать четыре часа. Завтра я должен знать его имя.

В этот день из командировки вернулся наш бэтээр. Четыре человека. Водитель – высокий и крепкий рядовой Петрухин, угрюмый и немногословный; небезызвестный соблазнитель-неудачник сержант Малов; мелкорослый и на удивление глупый Вася Крикало, и с этими тремя «дедушками» – угловатый паренёк из нашего призыва Петя Пьянко. С Петей мы ещё толком не успели познакомиться, как его сразу отправили в эту командировку. Мы уже целую

неделю огребали от старослужащих, а он вернулся радостный, с улыбкой во весь рот. Бедный Пётр! Как с курорта приехал – никто его там не трогал, не гонял, пайку не урезал. Он отстал от нашей суровой жизни лет на триста! Эти три «деда» словно с цепи сорвались, особенно примитивный, как топор, Вася Крикало. В казарме с ними произошла дикая трансформация, словно они подверглись воздействию какой-то опасной бациллы и заразились. Тот же Петя Пьянко, который расслаблялся вместе с ними на точке, теперь оказался в их глазах неторопливым «слоном». А сама атмосфера в казарме, подогреваемая замкомвзвода Медеркуловым, не терпела панибратского отношения к молодым солдатам. Не прошло и часа после возвращения из командировки наших ребят, как произошёл неприятный инцидент с Петей Пьянко. Этот доброжелательный улыбчивый парень попался на глаза желчному писарю Кузнецову. В казарме в тот момент офицеров не было, почти все ушли в парк боевых машин. Пьянко, как и Кузнецов, имел военную специальность – оператор-планшетист. Был Петя среднего роста, фигура нескладная – тонкие ножки-спички, и неправильной, пятиугольной формы голова.

– И шо ты лыбишься тут, голова садовая? – с ехидцей стал напирать Кузя на наивного Пьянко.

– Смешно!

– Смешно, говоришь? Мне вот голова твоя пятиугольная не нравится, давай ее округлим!

Пьянко, не выдавший от старослужащих солдат ничего плохого в командировке, не ожидал такого обращения, зло сузил глаза и непроизвольно фыркнул. Этого было достаточно. Оплеуха прилетела справа.

– Что ты сказал, «слоняка»? – взревел Кузя. Петя схватился рукой за голову, потом обе руки выставил вперёд, попятился, запнулся за что-то и упал на спину. Кузнецов задергался в злобной пляске, забывая сапогами солдатика. На крик выскочили «деды» и стали останавливать взбешённого Кузю. – Иди мыться, урод!

Петя встал и молча понёс полную ладонь крови в умывальник. Сквозь пальцы капало, оставляя на полу алые пятна. Кузнецов шёл вслед за ним.

– Ты, оказывается, как лить перед дождём – кровяной... Возьмёшь тряпку и помоешь за собой, где наляпал!

С этого дня Кузнецов «произвёл» Петю Пьянко в «личные» «слоны». Это означало, что молодой солдат будет его обслуживать – подшивать подворотнички, стирать его одежду, начищать его сапоги...

Жизнь продолжалась, каждый из молодых выживал, как мог. Первого мая настал мой черёд проверки на прочность, но об этом позже...

Дни и ночи молодых бойцов мало чем отличались друг от друга. Начиная с подъёма мы «летали». Нашими руками наводилась чистота в казарме. Нашими ногами создавался усиленный гул шага в строю – за себя и за того «дедушку». Нашими глотками пелись взводные песни. Ногтев и Ларчук проторили дорожку в пехотный батальон, выпрашивая там сигареты для наших курящих «дедов». Ночами «деды» выставляли возле окон одного или двух «слонов» на «пост», чтобы они в случае появления офицера подавали сигнал тревоги. Всё у них было «под контролем». Старослужащие лежали на своих кроватях, а «молодые», стоя возле них в проходе, читали им вслух «Сказку дедушке». Видимо, убаюкивал слух этот «шедевр» армейского фольклора.

СКАЗКА ДЕДУШКЕ

Масло съели, день прошёл,
 Старшина домой ушёл.
 Спи, старик, спокойной ночи!
 Дембель стал на день короче!
 Пусть приснится дом родной,
 Баба с пышной головой,
 Море водки, пива таз
 И Соколова вам приказ
 Об увольнении в запас.
 До приказа осталось 134 дня!

Иной «дедушка» начинал привередничать, что ещё много дней осталось до приказа, мог запустить подушкой в «молодого» или обозвать. Иной по-детски радовался, как крупный Кохас, что на целый день убавилось ожидание приказа.

В тот вечер Медеркулов не забыл своего негласного приказа – «слоны» должны найти среди своих того, кто «сдаёт» всех. Сначала нас построили в коридоре, и замкомвзвода лично «нагнал жути» на нас. Съездил кулаком для остратки в лицо Ногтеву, без этого ритуал «загнобления» уже не обходился.

– «Слоны», в бытовку! Можете всю ночь там сидеть, но чтобы утром выдали мне того, кто нас «закладывает».

Под ярким светом в бытовой комнате мы стояли полукругом. Я молча проходил вдоль стоявших ребят, глядя им в глаза. Я был уверен, что ни Кожемяко, ни Гайдамаков, ни Лазько на предательство не способны. Вдруг дверь с треском открылась, и в комнату вбежал разъярённый Шелия, вслед за ним шёл его земляк грек Каракалов. Выпучив горящие глаза, грузин налетел на стоящего с краю Ногтева, ударил его, затем перекинулся на Лару и мелкорослого Козырева... И тут мы встретились – лицо в лицо, глаза в глаза. Мне показалось смешным наигранное «бешенство» кавказца, он отступил, повернулся к тем, кого обижать можно было без ответа.

– Почему я должен вместо того, чтобы спать, выяснять, кто из моего призыва «заложник»?! – с акцентом закричал Шелия. Он снова ринулся к Ногтю и ударил его своей белой рукой: – Это ты, Ноготь, закладываешь?

– Тенгиз, это не я! – испуганно оправдывался Генка.

– А кто, если не ты? – он обжег взглядом Ларчука, передвинувшись вплотную к тому. Ударил теперь Лару.

– Не я! Ты чё, Тенгиз, взбесился?

Экзекуция результатов не дала. «Заложник», а вернее, тот, кто закладывал нас, не отыскался. Где это видано, чтобы человек добровольно накидывал себе петлю на шею? Грузин пообещал «зарезать» негодяя и вместе с Аристотелем они ушли отбиваться. Мы тоже, видя безысходность нашей глупой ситуации, пошли спать.

А с утра Медеркулов снова «вынимал душу» из того, у кого она была заячьей, остальных загонял в спортивном городке. Идея о том, что кто-то из нашего призыва доносил нашим же офицерам на «дедов», была дезинформацией, пущенной замком для того, чтобы развязать «дедам» руки. А вот о том, что один из нашего призыва действительно «стучал» в особый отдел, мы узнали перед вылетом в Союз по окончании службы, когда он уже улетел домой и со спокойной совестью ел мамины пирожки. Особист отправил на дембель своего человека первым рейсом.

МАЙСКИЙ ПРАЗДНИК

Первое мая 1986 года выдалось солнечным. С самого утра, как только солнце поднялось над Дембельской сопкой, стало по-летнему тепло. Многоголосые щебетали птицы. В праздник подъём на час позже – в семь часов, зарядки нет. На завтрак вкусная гречневая каша, масло, два яйца. У «дедов» только за ушами трещит, не обделяют себя, порции усиленные себе накладывают, «слоны» делят меж собой то, что останется после раздачи старослужащим. А я каждый день радовался еде, ведь здесь кормили гораздо лучше, чем в учебке.

Шелия по дороге к своему столу иногда делал небольшой крюк к пехоте. Нагло подходил к столу, где сидело несколько человек, среди которых даже были старослужащие, брал тарелку белого хлеба, с акцентом цедя сквозь зубы: «Зарэжу!» Правую руку он держал в кармане. От ремня в тот же карман тянулась цепочка. Может, там действительно нож у него, что ожидать от этого горца! Только мы, его сослуживцы, знали, что на той цепочке была ногтерезка. Шелия обирал чужой стол и уходил к себе. Повезло же ему иметь такой горбатый нос и устрашающий вид! Бывало, Шелия подходил к окошку хлеборезки, что-то резкое говорил раздатчику и возвращался с полным блюдечком масла. Все десять кусочков он размазывал себе на хлеб, съедал в одиночку и уходил, довольный и пресыщенный. С некоторых пор он стал делиться едой с Аристом, своим земляком.

К девяти часам утра на полковом плацу собрался весь полк. Мы были одеты в парадную форму, которую тщательно наглаживали полночи, дожидаясь своей очереди. Был праздничный парад. Каждое подразделение проходило «коробками» перед ясными глазами командира полка. Разведрота, как всегда, была на высоте. Каждый боец, будь он молодой или старослужащий, чеканил свой шаг. И песню они спели лучше всех. Мы же, зенитчики, провалили и песню, и строй, зачистив шаги. «Деды» шагали в полсилы. Напрасно молодые старались, отбивая пятки. Всё равно мы оказались крайними, и Медеркулов пообещал с нами позаниматься. Командир полка полковник Кудинов был потомственным офицером и сам был образцом для подражания, когда выходил великолепным шагом перед полком. Звучала поздравительная речь.

Разведрота подготовила к празднику показательные выступления. Крепкий усатый старшина разведки показывал приёмы рукопашного боя. Голыми руками он побеждал нападавших бойцов с ножами и лопатками, нанося удары в подушечку, прикрепленную на груди каждого разведчика. Была в нем какая-то сверхъестественная мощь, кошачья гибкость и ловкость. Он с лёгкостью уворачивался от ударов сзади и сбоку, выиграв бой с шестью соперниками. Затем четыре разведчика закрепили в руках две доски с разных сторон от старшины. Он поднял крестообразно руки так, что кулаки находились на уровне плеч. Сделал глубокий вдох и на выдохе пронзительно, по-кошачьи крикнув, резко развёл руки. Доски с треском разлетелись. Дальше разведчики разделились на две группы, и начался бой руками и ногами. В одном из разведчиков кто-то из наших «дедов» опознал Владика Кученёва, моего земляка.

Малов съехидничал по этому поводу:

– Вот и химики туда же, в разведку... – за глаза он умел сказать грязное слово, такой это был человек.

Теперь я понял, почему несколько дней не видел Владика в подразделении. Он был на тренировках. Он ещё до армии занимался карате, окончил спортивный техникум. Всё свободное время он проводил с разведчиками. Желчь Малова мне была понятна, он никак не мог забыть обиды, перенесённой от Владислава из-за меня.

Прямо с плаца мы отправились в столовую, где нас ожидал праздничный обед. На столах – чешские вафли и печенье, упакованные красиво. Они таяли во рту были необыкновенно вкусны.

Несколько раз я ловил на себе недобрый взгляд Малова. Он явно что-то задумал. Старики с утра высматривали для себя парадки. На молодых, как на живых манекенах, было хорошо видно, кому какая подойдет. «Деды» подходили к тому, чья парадная форма казалась более подходящей, и оставляли её для себя: «Никому не даешь! Скажи, что я забил. Тебе всё равно ещё как медному котелку служить. Найдёшь себе!» А в свободное время тихо обменивались с «молодыми» парадками. Специалист снимал старую надпись и латексом красиво выводил новую фамилию и номер комсомольского или военного билета. Всё в этой форме должно было быть красиво, даже такая мелочь, как фамилия на внутреннем кармане. Ведь в этой форме человек уходил на дембель, шёл в ней домой. По ней на гражданке земляки и родные судили о том, как служил их солдат. К дембельской форме, как и к дембельскому чемодану, было особое, трепетное отношение, как к чему-то сакральному. Получалось так, что «молодой» «помогал» «деду» собираться на гражданку парадной формой, шапкой или фуражкой. Слова «забрать», «отнять» в нашей среде не употреблялось. Все чинно, благородно. Помог, чем смог. В том числе и деньгами. «Дед» иногда выбирал себе «слона» или даже двух, у которых он забирал почти все деньги. Оставлял только на самые необходимые нужды – на подшивку для подворотничка, зубную пасту, помогал собирать ему несессер, без которого солдату жить до первой проверки. Бывало, старослужащий забирал все деньги, взамен собирал ему старым барахлом несессер, добывал где-нибудь чистую простыню, отрывал клочок для «своего» «слона», покупал какую-нибудь чешскую вафлю и считал, что с него и этого хватит. На негласном совете старослужащих все распределили между собой «слонов». Я по странному стечению обстоятельств «достался» Билану, что призывался из Западной Украины. О том, что из этого вышло, я расскажу позже. А теперь – о моей парадной форме, на которую нашёлся новый «хозяин». Я давно поджидал, что он непременно объявится, потому что я остался один из «слонов», обойдённый вниманием «дедушки». По большому счёту, я не собирался её беречь и хранить до дембеля, потому что она мне была не по размеру – немного великовата. Она хорошо подходила Владиду, моему земляку из химвзвода. Ему я её и пообещал, хотя по негласному закону, бытовавшему в казарме, вещи и деньги должны были «крутиться» внутри своего подразделения. В химвзводе на все подразделение в десять человек был только один «слон». И потому разговора о том, что он поможет деньгами или формой старослужащим солдатам, даже не поднимали. «Химики» вынуждены были готовиться к дембелю, выискивая «помощников» на стороне, в чужих подразделениях. Я пошёл обдуманно на конфликт со своими «дедами», хотя очень сильно рисковал. Владислав, со своей стороны, сказал, что будет внимательно наблюдать за мной и в беде не бросит. Этой поддержки было достаточно.

В тот день Малов, облюбовав парадную форму, приблизился вплотную ко мне и, неприятно улыбаясь, спросил:

– Какой у парадки размер? Сорок восьмой, рост четвертый?

– Сорок восьмой, третий рост. Тебе будет маловата!

– Это не твое дело! Никому не давай, забита мной! – сказал он «заветные» слова, когда «закрепляют» за собой парадку.

– Она уже забита! – нагло ответил я ему, глядя на его реакцию.

– Не ври! У тебя никто из наших не забивал, я спрашивал...

– Уже забили. Ты опоздал! – также спокойно ответил я покрасневшему от моей наглости «деду».

– Кто?

– Я знаю, мне служить еще долго... Но она уже забита!

– Я ведь тебе не шучу... – он стал еще страшнее, глаза навывкате, нос красный.

– Я ведь с тобой долго не буду разбираться. Сказал «моя», значит моя!

– А я сказал тебе, что она занята! – обрезал я дальнейший разговор.

– А кто ты такой?! – крикнул возмущенно Малов, повернувшись вполоборота назад, ожидая поддержки своего призыва. Увидев, что за его спиной собралась хорошая толпа, он ещё громче стал кричать на меня: – Кому ты отдал мою парадку?

– Владиду Кученёву!

– Ку-ченёву? – переспросил, поперхнувшись, верзила. – А ты знаешь, «слон», что ты не имеешь права отдавать в чужие подразделения?

– Он – мой земляк! И вещь моя! Кому хочу, тому и отдаю! – закипел я, зная, на что иду.

– Что? – вскрикнул возмущённый «дед», надвигаясь на меня.

Я сделал шаг назад меж коек, взявшись обеими руками за спинки, чтобы ногами всем весом ударить первого, кто ринется на меня. Вслед за Маловым надвигался Кузя, наматывая ремень на руку. Начищенная и заостренная с одного угла бляха поблескивала на весу. Вася Крикало шёл рядом, за ним – худющий Булат. В тот момент, когда Малов неуклюже размахнулся, его рука вдруг зависла в воздухе. Он повернул своё возмущённое большеносое лицо в ту сторону, где должны были находиться «деды», и в этот самый момент получил удар в челюсть. Его опрокинуло на спину, и он расстелился вдоль коек, собрав в кучу несколько табуретов. Широко расставив ноги, в кубрике стоял Владик. Несмотря на то, что он подставил спину трём озлобленным «дедушкам», никто не посмел даже рта открыть против Кученёва.

– Ты больше его не трогаешь! Понял меня? Встань, недоумок! – попросил подняться Малова мой земляк. – Я ведь лежачих не бью!

Малов продолжал лежать, схватившись за челюсть, изобразив на лице боль. Он бурчал что-то невнятно: «Вла... Владик, я не хотел!» Владик повернулся лицом к «дедушкам» нашего подразделения. Булат уже испарился. Кузнецов накинул ремень на место, застегнув его на пояс, но явно пожалел, что оказался не таким расторопным, как Булат. Самым растерявшимся был Вася Крикало. Всё так быстро произошло, что он не успел даже испугаться. Стоял с открытым ртом, имея глупый дурковатый вид, словно он тут вообще случайно оказался. Владик взял его за плечо.

– Пойдем, что ли?

– Куда? – испугался Василий.

– Как куда? Ты же любишь «Сказку бабушке»... Вот и будешь мне читать её наизусть... Ты случайно не просил на днях Артёма почитать эту «сказку»?

– Не-а, Владик...

– А ты? – обратился Влад к Кузнецову.

– Нет!

– Ну и ладушки, ребята! До новых встреч!

Мой ангел-хранитель пошёл уверенной мощной походкой к себе, в дальний угол казармы. Малов, поднявшись, побрёл по коридору, бурча под нос, что у него и своя парадка хорошая. А я переоделся и понёс свою парадную форму в каптёрку. Праздничный день ещё не закончился. В шесть часов вечера в полковом кинотеатре, который считался самым большим в Центральной группе войск, состоялся фильм «Не могу сказать “Прощай!”» В эту ночь зампотех Самойлов, борец с дедовщиной, ночевал в казарме, оберегая наш сон от старослужащих.

БРАТЯ МЕХАНИКИ. ТРЕВОГА. КАМИКАДЗЕ

Неделю назад нам выдали новенькие чёрные комбинезоны и береты для работы в боксах. На комбезах – жёлтый танк в ромбике с левой стороны груди. Форма красивая, мне нравится. Механики-водители, Володя Почуев с Ибишем Ибишевым, показали мне мою «боевую лошадку» – «Шилку» с крутым номером 455. С этой поры я стал настоящим механиком-водителем, не «безлошадным», как Аристотель Каракалов, а определившись – «при месте». Аристо, как «безлошадного» механика, комбат отсылал в разные командировки. Кроме того, он выполнял обязанность почтальона – каждый вечер ходил на почту и приносил письма на всю батарею. Меня в первое время рапирало от удовольствия, что мне доверили настоящую боевую машину, но и ответственность обязывала относиться с полной отдачей к технике. Я высматривал, выпрашивал у старших товарищей о текущей работе, они подсказывали.

У Почуева кабина механика-водителя была идеально чиста, больше напминала небольшой кабинет, только мягкого коврика под ногами не было. В свой люк он запрещал залезать даже Ибишеву. Ибиш иногда убирал в своей кабине, но больше занимался ходовой частью. Он заставлял свой экипаж чуть ли не каждый день мыть машину. В отличие от операторов, у механиков постоянно находилась работа. В один из дней я явно переусердствовал, когда вскрыл нижний лючок и решил поменять масляный фильтр, опрокинув на себя пару литров отработанного масла. Я вылез весь грязный, комбез на мне насквозь пропитался маслом.

Фахри Софиев, который с важным видом расхаживал по боксу и подсказывал «молодым», как нужно правильно держать метлу или совковую лопату, с уважением посмотрел на меня:

– А ты, оказывается, умеешь работать! Молодес!

Дней пять назад тот же Фахри, которого все звали Федей, ещё только приглядывался ко мне:

– Вижу, не очень хочется тебе работать... А придётся! У механиков всегда много работы.

За неделю я угваздал комбинезон до зверского состояния. Стирка его уже не брала, он лоснился даже при лунном свете, когда мы задерживались допоздна.

Несколько дней, как Почек с Ибишем основательно разобрали 454 «Шилку». Башня была повёрнута набок, громоздкий эжектор лежал на бетонном полу, радиаторы – масляный и водяной – на картонке. Болты и гайки аккуратно собраны в банки из-под тушёнки. Я смотрел и учился, постепенно погружаясь в мир, наверно, одной из самых сложных в армии специальностей. Здесь не было «слонов» и «дедов», здесь царил атмосфера взаимоуважения, где каждый механик должен был быть профессионалом или стараться стать им. В один из вечеров мы задержались на ремонте и втроем, уже в сумерках, шли из бокса на ужин. В столовой оказалось, что пайки были оставлены только на «кандидатов». Почувев разделил обе пайки на три части, поделившись со мной.

– А со «слонами» мы разберемся, почему это они тебе не оставили...

После ужина Почек построил мой призыв и рассказал о том, что оставлять без еды свой призыв могут только подонки, и что если повторится подобное, то разговаривать он будет уже по-другому. Сразу же выяснили причину. К счастью, это был единственный случай за всё время службы.

В тот вечер перед отбоем в канцелярии собрались все наши офицеры, вызвали Почуева. Наш командир взвода старший лейтенант Собина негромко спросил старшего механика-водителя, обращаясь к нему по имени:

– Володя, как обстоят дела с машинами?

– Пару деньков повозиться придётся...

– Пару деньков у нас нет. Сегодня ночью надо сделать, – взводный медлил, – возможно, утром будет «Тревога».

Механик понял, что дело серьёзное, только поинтересовался:

– Куда на этот раз?

– Говорят, в сторону Доупова...

– Разрешите идти!

– Возьми помощников, сколько надо! Комбат сейчас предупредит караулку, чтобы вас не постреляли случайно. И, как говорит, наш доблестный зампотех: «Ночь кормить, к утру – зарезать!»

Взводный знал, что на этого парня можно положиться. Этот не подведет. Прошлой зимой на стрельбах в Татрах отказал движок на одной из «Шилок». Несколько суток Почувев с Ибишевым на морозе меняли двигатель. Почти не спали, обморозили руки, грелись и ютились у каких-то приютивших их чехов – «камрадов». Сроки поджимали. В последний вечер появился начальник ПВО и пообещал, что если они сделают двигатель, то их ждут правительственные награды. И эту ночь парни не спали. Двигатель запустили к вечеру следующего дня. Только про свое обещание майор Чакин забыл, оставил парней без наград.

Мы не стали терять время, обходя окольной дорогой через плац лишних километра полтора. На свой страх и риск, не замеченные караулом, перемахнули через забор и вскрыли свой бокс. Пока Ибиш подключал подсветку, мы сняли накинутую на заднюю часть машины бронировку. Коля Лазько из моего призыва подавал ключи, держал подсветку. Ибиш с Володей, как два хирурга, копались в железном организме машины. Времени мы не замечали, только видели, как уже в третий раз сменился на посту часовой. Это означало, что прошло шесть часов. Мы с Николаем несколько раз умудрились задремать, по очереди держа подсветку над двигателем.

Наконец Володя приподнялся со своего места:

– Сейчас, парни, надо будет попотеть. Вам нужно держать на верёвках эжектор, а мы с Ибишем будем его закреплять.

Верёвка оказалась одна. Володя снял со своего комбеза ремень и зацепил им вторую сторону эжектора. Скомандовал:

– Подымай!

Мы напряглись, удерживая на весу тяжеленный эжектор. Моментально вспотели, руки тряслись...

– Держать! Еще немного! – командовал старший механик-водитель. – Готово!

Прикрутили сильфоны, радиаторы. Оказалось, что воду для радиатора носить не в чем, вёдер в боксе нет. Открутили от стены сорокалитровый железный ящик, и мы с Николаем принесли в нём воду. Завели машину, осмотрели, нет ли потёков. Отлично! К утру приказ был выполнен. В предрассветной тишине мы шли в казарму, усталые и довольные, в окружную, через полковой плац. Одинокий часовой стоял на вышке у склада боеприпасов. Пели птицы. Полк спал. За спиной, за Дембельской сопкой, солнце едва обозначало свой восход. Мы вошли в казарму. У тумбочки, на табурете сидел Булат, дневальный второй смены. Он первую часть ночи отдыхал, теперь «стоял» свою смену.

– Как раз вовремя! «Слоны», в мойке прибрать надо! Мне не положено по сроку службы!

Ибиш подошел к Булату:

– Ты чё, не выспался? Не видишь, что эти ребята с нами? Найдешь других или сам уберёшь!

– Да чё ты как этот...

Казарму готовили к весенней проверке, к покраске. Часть коек была на улице. На полу лежали наши матрасы. Мы завалились на них, даже не раздеваясь, побратски, друг возле друга.

Наступило обычное армейское утро. «Тревоги» не было. Батарея строилась на зарядку. Мы с Лазько тоже проснулись, но огромная лапа Ибиша опустилась мне на плечо: «Спите, мы своё дело сделали!» Еще час был у нас в запасе, до самого завтрака.

По тревоге нас подняли через несколько дней. Мы уже выкрасили в казарме полы, сдали весеннюю проверку. Это суетное время не хочется вспоминать. Спали всего несколько часов в сутки. Ложились в два-три часа ночи. И всё готовили, чистили, драили. Медеркулову всё не нравилось – то мы плохо пели песню, то мы были плохо наглажены... За это ночами нас заставляли «думать». Было такое наказание. Это как отжиматься от пола. Только ты не отжимаешься, а зависаешь над полом на пальцах ног и подпираешь подбородок локтями. Через минуту мышцы живота начинали дрожать, и ты падал. Первым падали Ноготь и Лара, Козырь и Пьянко. Последними падали Кожа и Калапунь. Я один оставался в самом конце. Маслов, блестя начищенными сапогами, проходил рядом со мной и ёрничал:

– Герой! Ничего не скажешь! Встать! Поза «думать» у стены!

Мы садились спиной к стене, ноги полусогнуты – «думали». Через минуту-другую все падали. И ещё было развлечение для «слонов» – стоя держали на вытянутых руках табуреты до изнеможения. Маслик любил проводить, как ему казалось, «смешной трюк». Он этот эксперимент всегда проводил над Ногтевым. После того, как тот устало ронял табурет из онемевших рук, Маслик тут же давал

ему в руки карандаш или другую приготовленную для «эксперимента» невесомую вещь и заставлял его вытянуть руки. Произносил: «Фокус-покус!» Генка вытягивал руки, но они ему не подчинялись, начинали трястись и не слушаться хозяина. Словно у него в руках была гиря. Он подседал, кривился лицом, стараясь совладать с «отяжелевшим карандашом», что вызывало весёлый смех старослужащей публики. Насмеявшись вволю, «деды» разрешали нам отбиваться. После одного из таких «представлений» мы зашли в умывальник, разделись по пояс чтобы освежить вспотевшие тела.

Я встал перед зеркалом, как культурист, напряг шары бицепсов и пошутил:

– Что приуныли, орлы? Если нас каждый день так дрессировать будут, представляете, какими мы здоровяками будем к году!

Большинство ребят, оценив мою шутку, весело засмеялись. Старики не ожидали такой реакции от измученных солдат, кто-то даже заглянул в дверь. Ноготь чуть не плакал, почти умолял меня так не шутить:

– Тут плакать надо, а ты, Артём, смеешься!

– А я и не собираюсь плакать, и тебе не советую! Да и тебя это не касается.

Не будет у тебя мышц никогда, потому что ты вместо спорта и полезных дел на гражданке курил да пьянствовал! А теперь страдаешь!

А через несколько часов полк подняли по тревоге. Грозно зарычали танки из соседних боксов, БМП, БРДМ, САУ вытянулись в одну колонну. Наши три «Шилки» и две «Стрелы-10» стояли в ряд, ожидая команды – занять своё место в общей колонне. Все куда-то двигались, что-то тащили, закидывали на машины какие-то вещи, совершалось какое-то всеобщее движение, невиданное мной доселе. Весь пехотный полк, больше тысячи солдат и офицеров, превратился в бурлящий человеческий поток. Кто шёл в столовую, кто бежал в парк, кто тащил рюкзаки с сухпаем. Мы сбегали в столовую позавтракать, получили сухой паёк, заскочили в казарму забрать вещи. У входа кучковались «деды». Медеркулов с Кохасом смотрели в сторону столовой, разрабатывая план, который они уже не раз раньше осуществляли.

– Молодежь, сейчас как только пехота пойдёт назад, налетаем и берём у них хлеба столько, сколько сможем утащить! Там одни «слоны», у них нет сопровождения. Всё делаем оперативно!

Из раскрытых настежь задних дверей столовой мимо нашей казармы пехота вытащила хлеб. Две палатки, растянутые за углы, тащили восемь человек. Руки у них были заняты. Они свернули на тропу, что вела мимо автороты в пехотные батальоны. Тут мы и налетели. Бесплезно они кричали в нашу сторону ругательства. Резво, без лишних слов, мы похватили каждый по паре булок и исчезли в глубине своей казармы. Большую часть отдали нашим радостным «дедам» и, перепрыгнув через забор, закидали на «броню» свои продукты и вещи. Когда собрались все офицеры и заняли свои позиции на машинах, мы вклинились в полковую колонну. Ждали общей команды на движение. Люки механиков были открыты «по-походному». Наконец поступила команда. Плавно выходила колонна в ворота, резко поворачивала вправо и уходила в сторону Закупи. Я шёл в хвосте, следом за «Шилками» Почуева и Ибишева. Проблемы начались сразу же за воротами. Вправо машина не поворачивала, я заломил рычаг во второе положение, когда она должна была не только поворачивать, но и крутиться на месте. Даже это не помогло. Моя «Шилка» не слушалась, шла прямо. Медеркулов сначала

крикнул, а потом заголосил. Мне послышался его вопль не только в шлемофоне, он донёсся до меня сверху, из башни. Моя машина перегородила и без того узкую чешскую дорогу, до края оставался какой-то метр, дальше был небольшой обрыв, где текла речка. Я зажал оба рычага в верхнее положение, остановив машину у края. Тут же рядом оказался старший механик-водитель, что оставил свою машину впереди у обочины. Он крикнул, чтобы я быстро освободил кабину. Я вылетел наружу. Почувев хотел повернуть броню, но она действительно не слушалась. Он сдал назад, тронул вперёд, назад, вперёд, в несколько движений выравнивал ее на дороге, подтянув к машине Ибишева.

– Ибиш, ключи! – крикнул Почек на ходу, вылетев из моей кабинки. Побежал к задней части машины, открыл правый лючок: – На четырнадцать!

Ибиш подал нужный ключ, Володя стал подтягивать болт. Я через его плечо заглядывал внутрь машины.

– Смотри сюда, Полетаев! Здесь регулируются тормоза, видишь?! Всё, помчались! Левую сторону подкрутишь на остановке. Бегом! Полк ждёт!

Весь полк, растянувшись на добрый километр, ждал, когда подтянутся зенитчики. Я опасливо тронулся за Ибишевым. На узкой асфальтированной дороге мне казалось, что обязательно зацеплю встречные гражданские машины, которые иногда встречались на пути. И тогда я принимал правее и слышал в мегафон мат Медеркулова. Я глядел в правый триплекс, видел, что правой гусеницей еду по самому краю дороги, и принимал ближе к середине дороги. Сколько я повалил придорожных столбиков в первую поездку, не знаю, слабо чувствовал, что что-то попадало под правую гусеницу. Медеркулов накричался до охрипы. В пути я сразу обнаружил, что не включается вторая скорость. Вскоре пропала и третья скорость. Полк опять уходил вперёд, а я отставал. Тогда мне пришлось разогнать машину до максимума на первой передаче и сразу переключаться на четвёртую. Движок чуть не захлёбывался, потом постепенно схватывал обороты и начинал разгоняться. Мы проезжали чешский город с западными рекламными щитами, круглыми зеркалами на перекрёстках, с названиями магазинов – «Млекарна» («Молочная») и прочими «заморскими» причудами. Всё это я успевал разглядеть, пока мы, не торопясь, двигались по населённому пункту. За ним я снова стал отставать и услышал странный звук у меня над головой: что-то щёлкало по водительскому люку. Показался похожий на удилице хвостик. Оказывается, у нас в машине отказала внутренняя связь, и шлемофон перестал работать. Командир экипажа гвардии сержант Медеркулов вытащил железную антенну из гнезда и стал ею бить по кабинке водителя, пытаясь подогнать меня. Его осипшего голоса за лязганьем гусениц я почти не слышал. Со стороны это выглядело довольно смешно, будто наездник пытается кнутом подогнать строптивного коня. На ходу спуститься ко мне он не мог, да и помочь тоже ничем не мог. И потому ему оставалось только смириться со своим положением. Коля Лазько, который был со мной в одном экипаже оператором поиска и сидел в башне между двумя «дедами», рассказывал, что замкомвзвода Медеркулов сначала матерно ругался. Потом он охрип и, потеряв связь со мной, стал махать в мою сторону кулаком, обещая «прибить» «землячка» на первой остановке. Ещё он хвалил азербайджанца Мустафу, что до меня «сидел за рычагами, как ангел» и ушёл на дембель как достойнейший из водителей. И что я в подмётки не гожусь тому Мустафе, и до дембеля он со мной поседет. Потом он вообще решил отказаться от такого «паршивого» земляка, который позорит

его на весь гвардейский полк. Медеркулов в ярости выдернул антенну и стал ею хлестать по люку «оборзевшего» механика. «Замок» изрыгал свою злобу во все стороны, и потому, чтобы не попасть под его горячую руку, Лазько забрался на своё место в башне и тихо похихатывал, наблюдая разыгравшийся на его глазах спектакль. В один момент Медеркулов вдруг онемел, и Лазько вылез из своего люка, чтобы посмотреть, что там случилось. То, что он увидел, заставило и его онеметь. Наша «Шилка» на всех парусах нагоняла впереди идущую машину Ибиша. Вдруг из лесу выскочил поезд, который должен был снести нас на своем пути. Внутренней связи не было, кричать было бесполезно. Но в самый последний момент машина, застопорив гусянки, со скрежетом проползла несколько метров и встала как вкопанная. Через мгновение перед нами пролетел поезд.

Так рассказывал мой добрый друг и сослуживец, с которым мы вместе поровну «хлебали горя», Коля Лазько. А что же я видел из люка механика-водителя в те минуты? Когда мы прошли чешский городок и полк снова рванул вперёд, я заметно стал отставать. Каких усилий мне стоило разогнать броню, чтобы сократить расстояние, мало кто знает. Я едва переключился с первой передачи на четвёртую, и машина стала набирать обороты. Через минуту я бы уже нагнал Ибиша, но вдруг с его башни подозрительно замахал рукой Гайдамаков Эдик, показывая влево. Я «летел на всех парусах», когда у меня внутри что-то ёкнуло. Переезд был без шлагбаума, я заглянул в левый триплекс. Там на меня в десятках метров нёсся поезд. Реакция у меня была прекрасная, я завернул рычаги «во второе положение» и до конца потянул на себя.

Дальше все знают, это видели с удаляющейся машины Ибиша, а ещё лучше видели с башни – в нескольких метрах от нас промчался поезд.

До станции погрузки больше о себе я не слышал ни одного плохого слова. Хорошего – тоже. Слышал обнадеживающую меня и радостную тишину. Мне больше никто не мешал и над душой никто не стоял. И всё же «Шилку» свою я в тот раз «обкатал» хорошо. Она приноровилась ко мне, а я приручил эту своенравную «железную кобылицу». Когда я догнал своих, до станции погрузки оставалось проехать пару километров. А там, когда я заглушил машину, из башни выпрыгнули два молчаливых «деда» и улыбающийся Коля Лазько. Медеркулов, проходя мимо меня, проронил только одно слово: «Камикадзе!»

Несколько часов мы грузились на платформы, подпирали колодками машины, носили вещи в вагоны. Офицеры ехали в отдельном вагоне. В нашем – старослужащие подвесили палатки верёвками за края, отчего они больше походили на гамаки. «Молодым» приходилось пригибаться меж этих болтающихся «кулей», проходя в тамбур. «Слонам» достались «рублёвые» места, на деревянных лавках и на полу. Были эти вагоны рассчитаны на короткий путь, условий в них не было никаких. Спинки были неудобными, под углом девяносто градусов. Нас везли на запад, в Доупов, на полигон, что находился километрах в двадцати от ФРГ. Офицеры к нам почти не заходили, «деды» по такому случаю распоясались и не давали «молодым» спать. Медеркулов с этой поездки перестал меня замечать, будто меня не существовало в природе. Другие «деды» тоже, глядя на него, меня не замечали. Здесь мы пообедали сухим пайком и поужинали. А часа в два ночи, уставшие от такого путешествия, мы оказались на станции разгрузки. Если у операторов и командиров установок отдыхать можно было и в башне во время движения, то у механиков-водителей только начиналась работа. Помню, что я едва

стоял на ногах от усталости, глаза слипались, я несколько раз «клюнул носом» ещё во время движения по платформе, где одно моё неловкое движение могло опрокинуть броню набок. С божьей помощью и с помощью регулировщика я всё же согнал машину с бесконечной платформы. И весь остаток ночи, и всё утро мы ехали по бескрайним полям и холмам. Главное было – сохранять дистанцию и не воткнуться вопереди идущую «Шилку» Ибиша.

Мне кто-то из специалистов говорил, что тяжелее «Шилки» в управлении был только плавающий танк. Все эти БМП, «СТРЕЛЫ-10» ни в какое сравнение не идут с «ЗСУ-23-4», в них одно удовольствие ехать. Ох и надергался я рычагов в то бесконечное утро! А перед рассветом мы и вовсе сбились с дороги. Я запомнил опасный участок: слева был резкий обрыв, а справа – мощное дерево, нависшее над этим узким местом. А так как «Шилка» – машина высокая, я боялся зацепиться башней за это дерево. Мы выехали на ровное плато и всем полком развернулись обратно, и снова проехали под этим деревом. Сколько я помню те бесполезные метания по полям, мы опять развернулись и проехали над пропастью под этим низким деревом. Где-то за спиной у нас поднималось солнце. Сотня единиц боевой техники железной змеей вытянулась вниз по долине и встала на время, чтобы определиться на местности. Водители осматривали свои машины, кто-то разминал усталую спину у раскисшей дороги. Я тоже вылез, чтобы немного встряхнуться от сна, и решил прогуляться вперед, к пехоте. Утренняя прохлада меня немного взбудрила. Ибиш спал, прислонив голову к щиткам приборов. Володя Почуев впереди своей машины разминал затекшую спину. Я ушел вперед метров на сто, рассматривая боевые машины пехоты. Два офицера оживленно о чем-то беседовали и смеялись.

Капитан словно веселый анекдот поведал старлею, указывая рукой вперед:
– Во-он граница ФРГ. Ещё минут двадцать и пересекли бы её. Вот бы смеху было! – и капитан задорно хриповато засмеялся.

Я развернулся и отправился к своей машине. Ну и юморок у пехоты! Вскоре мы свернули с дороги и пошли резко влево, вслед за пехотой и танками. Через пару часов, отыскав старые окопы, мы заняли позицию на одном из холмов. Эти учения больше ничем мне не запомнились, разве только тем, что в полях затерялась наша кухня, и мы, доев последний сухпай, немного пожили на воде и на хлебе, который своевременно экспроприировали у пехоты перед учениями.

В полк мы вернулись без приключений, усталые и довольные, что обрели такой опыт.

БИЛАН. СТО ДНЕЙ ДО ПРИКАЗА. ВСЕБОРЖИЦЫ

Зампотех в поте лица искал коробку передач для моей «Шилки» – через пару недель наша батарея на пару месяцев должна была ехать в летние лагеря Всеборжицы.

С коробкой передач я мучился несколько дней. Ибиш и Володя Почуев помогли мне разобрать машину и вытащить старую. Когда поставили новую, то оказалось, что она нерабочая. Она вообще не включала ни одной скорости. Видимо, обещанную коробку передач, что шла из Союза после капремонта, перехватил более расторопный зампотех, а свою покрасили и отправили нам. Такое случалось. Пришлось снова разбирать, вытаскивать и ждать очередную коробку. Когда она пришла, то воткнуть её на место было уже не сложно.

Между тем у старослужащих наступал праздник, которого они с нетерпением ждали и который бывал один раз в жизни, «Сто дней до приказа». Их слух убаюкивали вечерние монотонные речитативы молодых, где в «Сказке дедушке» они сообщали о приближении к круглой цифре. И вот наступил этот день. Все «дедушки» побрились налысо. Весь полк засверкал лысыми. Теперь их можно было увидеть издалека. Не побрился только Корней, которого за «нормального» «дедушку» никто не считал. И с какого-то перепугу побрился Шелия. Вид его стал еще более устрашающим, настоящий абрек. Правда, Медеркулов и его приближенные были возмущены таким поступком, ведь ему было «не положено» по сроку службы. Шелия объяснил это тем, что его желание побриться налысо совпало с праздником «дедушек» случайно. «Дедушки» при этом остались «дедушками», а Шелия – Шелией. Волос его было уже не вернуть.

Этот случай даже на пользу старослужащим обернулся. Когда майор Чакин стал распекать «дедов» за их неуставное празднование, то Кохас и Медеркулов «прикрылись» Шелией: «Даже “слоны” бреются наголо, а нам нельзя!» Майор пообещал им: «Вот так на дембель и поедете, лысыми! Всех налысо постригу, и домой! И того грузина тоже!» Но это всё были «страшилки», до дембеля ещё много утечет воды, и всё позабудется.

Самое интересное, что никто из офицеров не мог уследить, когда же солдаты успели постричься. Вечером, когда окончилась вечерняя проверка и дали отбой, все ещё были с волосами. Всего час казарма оставалась без офицеров. Медеркулов, каждую ночь превращавшийся из замкомвзвода в обычного «деда», не мог пустить праздник на самотёк. Он выстроил весь «молодняк», вооружённый табуретками и полотенцами, и с криками и воплями мы погнали «нули» на выход из казармы. В ближайшие сутки трехзначное число с двумя нулями менялось на две девятки – до дембеля оставалось девяносто девять дней. «Деды» с радостными криками шли следом за нами. Мы были уже на крыльце, когда из-за угла казармы выскочил запыхавшийся от бега Ерёма, который был сегодня дневальным. Он выносил мусор к мусорному баку и случайно заметил идущего по дороге нашего начальника ПВО.

– Шухер! Серёга идёт! – мы бросились к своим кроватям.

Чакин был, как обычно, в красном спортивном костюме. Он зашёл в тихую казарму, чего не ожидал, и услышал чёткую команду:

– Дежурный по батарее на выход!

Из тёмного угла казармы на свет выбежал сержант Мищенко и доложил, что в батарее происшествий нет.

– Странно, странно, – шептал себе под нос майор, заходя в офицерский кабинет.

Вскоре в казарме появился лейтенант Щеглов, командир взвода «Стрелы-10». Это был спокойный, настырный молодой лейтенант. Ему Чакин поручил проследить до утра за дисциплиной, а сам ушёл домой. В казарме стояла глухая тишина с крепким «слоновьим» храпом. Иногда слышалось перешёптыванье «дедушек», ожидающих, когда уснёт лейтенант. Под утро по очереди они заходили в сушилку, которая всякий раз закрывалась на ключ дневальным. Там, при свете фонаря, работала ручная машинка, снимающая с головы полосы волос. Утром все уже были лысыми. За это лейтенант Щеглов получил взыскание от Чакина, который обронил шутку в его сторону: «Хорошо хоть тебя самого не побрили-на!»

Для «молодых» с этого дня тоже начинался маленький праздник – «деды» отдавали свою пайку масла тем, кто «помогал» им деньгами. Один Корней про-

должал уплетать своё масло – на него никто уже не обращал внимания, он не имел ни авторитета, ни голоса среди своего призыва. Ему никто из «молодых» не отдавал денег. С этого дня для старослужащих начиналась подготовка к гражданской жизни, «финишная прямая».

Был среди старослужащих сержант Билан из Западной Украины, из Ивано-Франковска. Чернявый, крепкий паренёк спортивного сложения. Он не входил в окружение замкомвзвода Медеркулова, держался особняком, хотя имел свой голос. Говорил он быстро, не всегда понятно, некоторые слова не проговаривал. Был он опрятным, образцовым сержантом и неплохим человеком. Над молодыми не измывался. Придерживался устава, был принципиальным в своей правоте. Что его заставило на время приблизить меня к себе? Наверное, блокнот. Тот самый, который нашёл у меня замкомвзвода после очередной проверки содержимого карманов. Много чего у меня хранилось при себе, чего в прикроватной тумбочке не оставишь. Письмо родного деда с молитвами «Отче наш», «Да воскреснет Бог» и «Живые в помощи», что должны были меня оградить от всех напастей. И этот блокнот в твёрдой обложке, что был от корки до корки исписан и зарисован приёмами карате. Это я выпросил у двоюродного брата, который невесть где добыл сей подпольный материал по большому благу. Конечно, научиться карате без тренера в домашних условиях очень сложно, и мои познания не ушли дальше запоминания названий некоторых приемов: «Маваши», «Ёко», «Уширо»... Тем не менее этот небольшой блокнотик грел мне душу и сыграл некоторую роль в моей солдатской жизни. Конечно же, он сразу пошёл по рукам «дедов», которые рассматривали картинки ударов и с подозрением смотрели на меня: а кто его знает, чего ожидать от этого «слона» в сумеречном углу казармы с глазу на глаз? К «камикадзе», как назвал меня Медеркулов в мой первый поход на учения, добавилось «каратист грёбаный». Блокнот старослужащие полистали и отдали обратно. Но Билану он приглянулся. Сержант записал меня в свои «тренера». В тот же вечер он завёл меня в сушилку, где в зимнее время на мощных трубах парового отопления сушились солдатские вещи. Места было немного, но хватало. Он попросил, чтобы дневальный закрыл нас на ключ. Билан был немного крупнее меня, крепок физически, но сильно скован в движениях.

– Учи! – потребовал он.

– Да я сам толком не знаю!

– Учи, чему знаешь!

И мне пришлось «учить» тому, о чём сам имел смутное представление. Первым шёл удар кулаком – Сэйкэн-Цуки. Прямой удар, двумя костяшками указательного и среднего пальцев. На среднем у меня ещё остался шрам после драки в выпускном классе. Я имел маленький опыт в этом деле, но, как оказалось, гораздо больший, чем у Билана. Я вычитывал из блокнота упражнения и придумывал на ходу – кто меня смог бы «поймать за руку», если мой «ученик» был совершенно несведущ в этом деле. Я «чувствовал спиной», что кто-то трётся о дверь и сопит, подсматривая за нами в щель. Это дневальный от безделья наблюдал за нами. Я не расслаблялся, «учил». Сержант был весь зажат, ему нужно было выйти из своего «кокона».

– Ты недавно с гражданки, там молодёжь, наверно, наглая? – спросил меня Билан.

– Всяких хватает! Есть и наглые, – ответил я, ни грамма не совравши.

– Помню, незадолго до армии, – раскрывал свою душу Билан, – ночью повстречались мне двое. А я не могу человека кулаком ударить, я его ладошками по лицу, по лицу...

– А дальше? – поинтересовался я.

– Убежал. А потом оказалось, что это самый главный бандит в нашем районе был.

Насчёт «самого главного бандита» он, конечно же, прихвастнул для значимости. Но «диагноз» был налицо, парня нужно было срочно «лечить», отучивать от ударов ладонями.

– Научись руку зажимать в кулак. Вот так! Палец сюда. Бьешь костяшками прямо в рожу! Понял? Вот так! Кого ты зажался весь? Расслабься. Ладонь убрал. Где кулак? Вот! Прямо в наглуую бандитскую рожу! И-и-я! Бей его, гада! Вот! Еще! Резче! Лупи! И-и-я!

Это был практически не поддающийся обучению экземпляр. Он пытался злиться, бесполезно кривился лицом, сжимал руки в кулаки, но при ударе разжимал в ладонь. Конечно, в этом «бабьем» стиле что-то было – он наверняка мог поцарапать «рожу» воображаемому бандиту или случайно выстегнуть пальцами ему глаза. Но мы не опережали события, времени ещё было много, сто дней до его приказа. А мне вообще торопиться было некуда. И мы с неделю «прозанимались» с ним в этой сушилке. Больше разговаривали. Мне это «тренерство» ничего не стоило, я на это время был освобождён от всех ночных «мероприятий».

Не знаю, зачем Билан на сборе старослужащих, когда они стали «разбирать» «слонов», вдруг объявил, что я буду помогать ему. В мои планы это не входило. И я ему ясно сказал, что буду «помогать» земляку Владу. Он разобиделся, но в казарме не стал устраивать разборок, опасаясь Кученёва. Оставил на потом.

Несколько дней мы готовились во Всеборжицы. Грузили на машины деревянные каркасы, палатки, «термоса», матрацы и прочую амуницию. Зарядили патронами полные короба «Шилок». Кожемяко мне говорил, что в лагерях «деды» будут свирепствовать ещё сильнее, чем в полку. Но круче всего «слонам» достанется в поезде на Татры. Двое «весёлых» суток. Такая у нас была цыганская жизнь – два месяца во Всеборжицах в палаточном лагере, месяц в Татрах на стрельбах. Потом еще пара учений. Получалось, что в полку мы должны были находиться два с половиной месяца из шести. Это мне нравилось. Многие в полку завидовали нам.

Настал день отъезда. Я порядком помучился со старыми аккумуляторами, которые давно было пора списать. Пришлось заводить «с толкача». Мы вытянулись в колонну. К нам примкнули «стрелки-зенитчики» на БМП-2. В воздухе носился слушок – офицеры поговаривали, что к осени нас вместе организуют в «зенитный дивизион», и они переселятся из пехотного батальона к нам в казарму.

Солнце припекало, броня накалилась. Зампотех полка ознакомил нас с техникой мер безопасности и отдал приказ на марш. Раздалась долгожданная команда: «По машинам! Заводи!», и мы тронулись в путь. Теперь я аккуратно вписался в ворота и повернул за «Шилкой» Ибиша. Почувств, как всегда, шел впереди. У нас хорошо работала внутренняя связь. Медеркулов радовался, ему не приходилось кричать до охрипа. Я плавно переключался и не отставал от других экипажей, машина слушалась. Проезжая по улицам небольшого города, я успел рассмотреть витрину продуктового магазина. Чучела фазанов, обилие разных сортов колбас,

сосисок, сгущёнки, соков и других продуктов. Следом – промтоварный магазин со всякими красивыми вещами и рекламным щитом, на котором куда-то бежали прелестные женские ножки в чулках и красивых туфельках. Мы проехали мимо десятка магазинов по центральной улице. Людей мало. Почти везде по обе стороны дороги росли яблони, груши, вишня, черешня. Прошли железнодорожное полотно, где я в прошлый раз едва не угодил под поезд. Двадцать два километра до Всеборжиц в этот раз доехали без приключений. Парк боевых машин, куда мы загнали технику, располагался на небольшом пустыре. Это был прямоугольный кусок территории, огороженный колючей проволокой по периметру. Внутри шла разметка для каждой батареи, всего рассчитано было на зенитчиков четырёх полков, входивших в одну дивизию. Одна батарея уже заняла своё место, мы были вторыми. Метрах в ста от парка находился сам лагерь – на ровной песчаной площадке, почти со всех сторон окружённой крепким сосновым бором. Только спереди, где располагалось стрельбище, на пару километров открывалось пространство. Справа, неподалеку, находилась взлётная полоса, на которой иногда приземлялись самолёты. С тыла, за рощей, цепью тянулись озёра, на которых стайками плавали лебеди.

Я заглушил двигатель. А так как мы ехали «по-походному» – с открытым люком, то на щитке приборов, на полу, на моём потном лице и на руках лежал слой пыли. Сквозь облако пыли, ещё не успевшей осесть после нашей колонны, в мою сторону шёл паренёк в грязном чёрном комбинезоне и улыбался знакомой улыбкой. Он был лысым, серые живые глаза его блестели под пыльными ресницами, на грязном лице полосы – видимо, пот вытирал. Это был Одесса, тот самый отарский каптёрщик, с которым мы прилетели сюда, в ЦГВ. Я выпрыгнул из люка ему навстречу, и мы радостно обнялись. Три номера экипажа во главе с Медеркуловым покинули башню и пошли в сторону лагеря, не сказав ни слова. Мы остались вдвоем, хотелось его обо всем рассказать.

– Как ты, Юрка? Рассказывай!

– Да что там особо рассказывать, – замылся Одесса. – Полк наш стоит в Богосудове. Подняли нас первый раз по тревоге. Спина болела, долго ехали, малость заснул на ходу да в танк въехал.

– А наш полк стоит в Закупи. В первый раз столбиков насшибал по дороге да чуть под поезд на переезде не залетел.

Немного поговорив, мы пошли в лагерь, пообещав друг другу, что теперь-то не потеряемся, будем два месяца рядом жить. В тот же день прибыли ещё две батареи из двух разных полков. Наш сослуживец по учебке, бывший «ложкарь» Паша Руснак прибыл из Млады-Болеслава. Он был «безлошадный». И Серик Сакенов, наш четвёртый механик-водитель из Отара, служил зенитчиком в другом отдалённом танковом полку.

В УЧЕБНОМ ЛАГЕРЕ

Над лесом черные крылья распластала туча. Подул ветерок – нужно было торопиться, пока не начался дождь. Ровными рядами стояли бетонные квадраты, на которых уже кое-где подняли защитного цвета палатки. Копошились солдаты. Я скинул с себя поклажу и принялся помогать ребятам из нашего взвода. Как ставится армейская палатка, я видел впервые. Сначала собирался верхний каркас

из трубок, соединенный уголками-прутьями, на один угол которого натягивался угол палатки. Затем подпирали центральную часть прочной деревянной стойкой и укрепляли по углам подпорками, края присыпали песком к бетонному квадрату. Для каждого взвода – разные палатки. У нас были отдельные палатки «шилочников», «стрелочников», хозвзвода и офицерская, что стояла ближе к лесу. Старослужащие не принимали участия в сооружении палаток, вещи бросили в кучу, а сами пошли бродить по окрестностям – на озёра. «Дедушка» Корней, нагулявшись по знакомым черничникам, вернулся к нам и стал подсказывать.

– А теперь осталось только гвоздичками-на пристегнуть палатку к каркасу да песочком посыпать-на! – это он специально пытался изобразить манеру разговора Чакина. – Последний штрих к портрету-на. У меня не очень получается, вот Кожемяко лучше это умеет. Изобрази, Серёга!

Ещё с месяц назад у Кожемяки вдруг прорезался «дар» – изображать нашего майора. Он вошел в казарму, когда дневальным был Ногтев, встал напротив него и, «взяв нужную ноту», громко, «по-чакински», отчитал нерадивого солдата:

– Ты солдат-на забыл, что ли, какую команду нужно подавать-на, когда начальник ПВО полка входит? Что нужно кричать-на?

– «Смирно»? – неуверенно спросил Ногтев.

– По уставу-на, товарищ солдат, вернее, не солдат, а ублюдок-на, нужно громко и ясно оповещать казарму командой «Смирно!» Кричи, ублюдок-на!

– Смирно! – оповестил казарму раскрасневшийся от натуги Генка.

– Вольно-на, ублюдки-на! – Кожемяко вошел в роль, склонив голову немного набок, подражая нашему главному начальнику.

Он не знал, затевая эту игру, что в казарме в это время отлеживались три «дедушки». Они побежали в дальний угол, пытаясь спрятаться от начальства. Кохас зорким глазом следил из-за угла в ожидании майора. Но тот не появлялся. Вместо него по казарме прошёл Кожемяко. Его тихо, боязливо окликнули из дальнего закутка.

– Кожа, а где Чакин?

Спектакль удался. Теперь нужно было «разруливать» ситуацию, ведь все без исключения должны были находиться в парке боевых машин. Такого разворота событий он не ожидал.

– Там, за углом стоит, вас ждёт..

– Правда, что ли? – недоумевал твердолобый Кохас.

– Да нет, это я пошутил.

Кохас осторожно пошёл по коридору к дневальному.

– Где Чакин?

– А его не было!

– А кто был?

– Кожемяко!

– Ай да пёс! Ну-ка иди сюда, Кожа! – Кохасу понравился этот розыгрыш.

Кожемяко подошел к «дедушке», готовый огрести «свою порцию».

– Покажи, как ты это сделал? – лицо «дедушки» светилось.

– Обыкновенно! Вот так зашёл в казарму и говорю ему, – тут уже отступать было некуда, и Кожемяко, склонив голову набок, стал изображать Чакина: – Дневальный-на, ты устав читал или нет? Что нужно кричать-на, когда входит командир ПВО полка-на?

«Дедушки» хохотали, согнувшись в «три погибели». Кожемяко не унимался. Подойдя вплотную к Генке Ногтеву, понарошку разносил его разнесчастную жизнь, на ходу сочиняя новый экспромт:

– Твоя фамилия не Ногтев-на, а Ублюдкин-на! – он дал «дедушкам» возможность просмеяться, чтобы они не задохнулись от смеха, и продолжил: – Возьми устав, ублюдок-на, и изучай от этой корки-на и до этой! Ночь кормить – к утру резать-на!

С того самого дня Кожемяку как доморощенного актёра стали подтягивать к себе старослужащие. Особенно любил его «выступления» замкомвзвода Медеркулов. Это немного скрашивало их серую будничную жизнь. Серёге Кожемяке это быстро надоело, но он не ожидал, что его подражание командиру обретёт такую популярность. Деваться было некуда, нужно было дальше плыть по течению, ведь служба продолжалась.

Тот первый день в учебном лагере был напряженным и суетным. Солдаты четырёх батарей из четырёх полков нашей дивизии, носили баулы, нары, провизию. Ставили палатки, подметали свою территорию, кто-то куда-то бежал. Это, с виду хаотическое, движение, было подчинено воле и управлялось жёсткой рукой «дедушек». Этот людской муравейник жил по своим внутренним законам.

Медеркулов, вернувшись с прогулки к озеру, недовольно высказал, испортив нам настроение:

– Долго работаете! Нары можно было давно сделать. Где я сейчас лежать буду? Он подошел к куче матрацев, забрался на них и вскоре уснул.

К ночи на пустынном месте стоял палаточный городок, разделённый ровными проходами. Спиной он стоял к лесу, а спереди была ровная площадка, на которой напротив каждой батареи дежурили дневальные. Ужинали поздно, открыв банки с сухим пайком. В темноте палатки горела жировушка, слегка освещая помещение. После команды «Отбой» легли на свои места на нарах. Аристотель, разлучённый с Шелией, который жил в палатке хозвзвода, теперь спал рядом со мной. В ту ночь сорвался ливень и раскатисто грохотал гром. И мы спали, уставшие, не реагируя на рокотавшую стихию.

День так же начинался с подъёма в шесть утра. Мы выходили на зарядку и бежали несколько километров по известному маршруту, по лесу, возле озёр. Воздух чистейший. Можно было бы с курортом сравнить, если бы не армейские будни. Наша столовая была просторной, сделана «на скорую руку», с бетонным полом, с щелями, и сквозняк бродил в ней, как изголодавшийся солдат. Летом в ней было прекрасно. Дневальные получали еду в термосы и разливали черпаком в наши котелки, которые мы ставили на край стола. Ели всегда горячую и хорошую пищу. Ещё не обросшие, лысые «деды» исправно отдавали свои порции масла молодым. После завтрака мы шли в парк, заводили машины и ехали в колонне своей батарее по лесным дорогам, отрабатывая различные навыки. Глядя сквозь небольшое окно задраенного люка, я видел, как на впереди идущей «Шилке» Ибиша поднимался локатор, выискивая воздушную цель, резко вращалась башня. Стволы мгновенно вздёргивались и опускались.

Мне нравилась служба и что я служу зенитчиком. И что это крепкая, нужная мужская работа. Мне нравилось вести машину, которая, рыча, пробиралась по большой грязи. Звенели гусянки. Иногда я заламывал рычаг «во втором положении».

нии», и машина мягко крутилась на одном месте, словно танцевала. Я постепенно «срастался» с ней. На моём лице, как слой штукатурки, лежала пыль, когда мы ехали по-походному, с открытым люком. Ручьи пота сбегали по лицу, оставляя следы, похожие на прожилки рек на потёртых географических картах. На моём испачканном мазутом лице светилась белозубая улыбка. Я вживался в роль механика-водителя, мне хотелось быть похожим на Почуева и Ибишева. Иногда наши машины ломались, и мы, четыре механика-водителя, допоздна ремонтировали «Шилки».

А в это время, после отбоя, Медеркулов со своей сворой придумывал новые забавы для своих развлечений. Ночами, в полной темноте он требовал, чтобы «слоны» хором читали «Сказку дедушке», без которой он не мог уснуть. Утро в его палатке начиналось со спектакля, который он сам отрежиссировал. Назывался он «Утро в деревне». Коля, как его все называли, требовал, чтобы «молодые» изображали просыпающуюся деревню. Сначала старательно запел «петух», потом замычала «корова», заблеяла «коза», и всё сливалось в общем хоре «скотного двора». «Режиссеру» не терпелось быстрее проснуться в родном посёлке под Мерке, он устал от службы, и, по его словам, эти забавы заряжали его на этот день. Каждое утро добавлялось что-нибудь новенькое – то трактор затарахтит, то поезд загудит в его деревне. Богатое воображение было у нашего замкомвзвода. Мне повезло, я жил в другой палатке. Там находились в основном «кандидаты», которые были намного дружнее «дедов» и, набирая силу, всё меньше признавали авторитет тех, кто уже собирался на дембель. Тем более я пребывал под опёкой моих старших братьев механиков. Правда, однажды я схлопотал от Почуева, но в том случае я сам был виноват. Вместо того чтобы отправиться на ремонт в парк боевых машин, я забрел с разговорчивым «дедушкой» Корнеем в ближайший черничник. Черника уже начала вызревать, и мы потерялись там минут на сорок.

Когда вернулись, Почек зарядил мне под дых своим крепким кулачищем:

– «Кандидаты» вкалывают, а «слоны» гуляют, чернику едят!

Когда я продышался, он мне напомнил:

– Ты – механик-водитель. Если объявят тревогу, где я должен тебя искать?

Я – старший механик-водитель, ты в моём подчинении, и я должен знать, где ты находишься!

Этот весьма доходчивый урок я «прочувствовал» нутром, усвоил и запомнил навсегда. Больше объяснений не требовалось. Корней же, увидев сие представление, поспешил исчезнуть с глаз разъярённого старшего механика, дабы и ему не отвесили за подстрекательство к собиранию черники.

Через несколько дней, подгадав удобный момент, когда все механики покинут парк боевых машин, возле моей машины появился сержант Билан. Я заканчивал свою работу и собирался идти на ужин. Рядом бродил азербайджанец Федя Софиев, который оказался единственным свидетелем нашего разговора. Билан был агрессивен, немного взвинчен, видно, он долго настраивал себя на эту непростую встречу. Моего земляка Владика Кученёва теперь рядом не было, и сержант надеялся на лёгкую победу.

– Идём со мной за машину! – сказал он приказным тоном, думая меня этим напугать.

– Пойдём!

Мы зашли за машину и стали друг напротив друга. Вслед за нами, почуяв надвигающуюся «разборку», поспешил тучный Федя Софиев. От инжектора до забора из колючей проволоки было метра полтора. Билан обжег меня взглядом. Но я был абсолютно спокоен.

– Чё звал-то? – начал я первым, хотя догадывался о причине разговора.

– Мы с тобой не договорили, – Билан мялся, – тогда, в казарме.

– По поводу чего?

– Ты забыл, что ли? – не озвучив «главного» слова, забуксовал Билан.

– Это ты про деньги? – я произнес то, чего не мог сказать сержант. – Так мы с тобой все обговорили.

– Что мы с тобой обговорили? – увязал в разговоре Билан, потеряв напор.

– Я же тебе ясно сказал, что буду помогать земляку Владу Кученёву.

В этот момент ладони сержанта сжались в кулаки, но вскоре опять разжались. Он так у меня ничему и не научился в сушилке после вечерних отбоев, когда я ему почти приказывал «сжать руки в кулаки и бить по наглой роже!» Духа у него не хватало, он так и не смог пересилить себя. А я был готов. Я заметил, как округлились глаза Софиева, который наблюдал за нами, стоя возле Билана.

– Он из другого подразделения, – напомнил мне сержант.

– Я знаю. Но он – мой земляк.

– Ну и что, что он твой земляк?

– Я ему помогу, а он соберёт подарок моим родителям. Я перед ними в долгу – я слишком плохо вёл себя перед армией.

– Ты будешь платить мне! – попытался мне навязать свою волю сержант.

– Я не буду платить тебе! – повторил я свое решение. – На этом точка!

Тут Билан выдал тираду из малопонятных быстрых слов. Я почти ничего не разобрал, только последнее, где он мне, видимо, пригрозил: «Вот увидишь!»

– Хорошо, поживём, увидим! – закончил я разговор.

Билан развернулся и, напряжённый, зажатый всем телом, отправился в сторону палаточного городка. Надо отдать ему должное – он не стал привлекать к своей проблеме других «дедов», повёл себя по-мужски, он честно проиграл. Больше к этому вопросу мы с ним никогда не возвращались. Федя Софиев, грузный, тяжёлый, стоял с открытым ртом, глядя на уходящего от нас «деда». Мне нужно было заканчивать свою работу. Фахри-Федя, идя рядом, положил мне руку на плечо и признался:

– Я думал, ты спокойный, а ты, оказывается – дерзкий. Молодец!

Софиев ещё побыл возле меня некоторое время. Его мучила моя проблема с гостинцем родителям.

– А ты серьёзно думаешь, что Владик отправит посылку твоим родителям? Вот я два раза отправлял со своими земляками домой, а они их присваивали. Люди вроде надёжные тут были, тоже земляки, а посылки не отправили!

– Мой земляк отправит! Это я точно знаю!

– Это ты сам смотри! Главное, чтоб не обманул.

– Не обманет! В нем я уверен. Будь спокоен, Федя!

С этой поры Фахри Софиев стал меня поддерживать. Ибиш давно заступался за меня. Так два азербайджанца стали мне друзьями и были ближе некоторых моих земляков.

НА СТРЕЛЬБИЦЕ

Больше всего времени мы проводили на стрельбище. Оно было рядом, метров двести от парка боевых машин. Мы заводили машины и перегоняли их на исходную позицию, откуда чётко просматривался наш сектор стрельбы. Ребята занимали свои места, и начиналась работа командира экипажа и операторов – дальности и поиска. Я задраивал люк, запускал газотурбинный двигатель, откидывался на спинку и дремал – ближайшие полчаса-час я никому не нужен. Как в детской игре «я в домике». Сквозь сон я слышал, как качается машина, как вращается башня, работая «на гидроприводах», раздавался треск выпущенной очереди, звон выбрасываемых пустых патронов. Я привык к этой ежедневной стрельбе и научился крепко спать, не обращая на неё внимания. Иногда меня даже будили, ударяя в крышку люка железным прикладом автомата: «Всё, отгоняй “Шилку” в парк».

Однажды мы полночи ездили по лесам в составе батареи, отрабатывали движение по триплексам ночного видения. Выдали нам их только в тот раз. Помню зеленоватый отсвет бесконечной дороги и словно лежащую изморось на ещё не остывшей от дневного жара колее. И крик Медеркулова в мегафоне: «Ещё поворачивай, ещё!» Это на скрещении дорог нужно было развернуться на сто восемьдесят градусов, а мне в этом зеленом ненастоящем свете показалось, что я уже сделал круг. В это время операторы спали в башне, а мы, механики, выполняли свою работу.

После очередной такой ночной «прогулки» нас подняли, как обычно, в шесть утра на зарядку. Ибиш не выспался, бежал вяло, едва переставляя свои длинные ноги, об которые то и дело запинаясь бегущие сзади. Надо было такому слушаться, что на его ногу наткнулся Кузнецов. Этот холёный штабной работник высипался вволю и ел от пуза, как всякий «дед». Работа у него была штабная – презренная для нормального солдата.

Дёрнул его нечистый крикнуть на Ибишева повышенным тоном:

– Ты чё, ноги поднять не можешь?

Ибиш тут же с разворота длинной своей ручищей перепоясал Кузю прямо в ненавистную всем «штабную рожу». Это произошло на глазах у «молодых», которые с восторгом приняли сей факт. Куда девался «дедушкин» пыл и норов? Они тут же испарились! Этот большой умелец измываться над «молодыми» стоял с искривленным лицом, схватившись рукой за большую щеку.

Ибиш, даже не умевший по-настоящему злиться, стоял в шаге от Кузнецова и спрашивал:

– Ты мне скажи, тебе хватит или ещё тебе дать?

– Хватит!

– Ну, если хватит, тогда беги! – с акцентом посоветовал «дедушке» Ибишев, пропустив его вперёд.

И мы снова побежали дальше как ни в чём не бывало. Кузя на время примолк.

Днём мы снова были на стрельбище. Комбат опять выискивал «очередную жертву». С ехидной улыбкой на смазливом лице он подзывал к себе в очередной раз Ларчука и вручал ему гранатомёт:

– Держи! Вон по той «коробочке» запусти!

Ларчук упирался, а желающих не было. Обычно выстрел из гранатомета давался в наказание провинившемуся солдату. На учебных стрельбах отводилось

определенное количество гранат, которые требовалось выпустить по целям. Из-за хорошей отдачи гранатомет избегали брать в руки. Генка Ларчук всё же стрельнул, вроде попал в цель.

– Глядишь, ты так боевиком заделаешься, Ларчук! – с той же улыбочкой поспеивался Селиванов.

С некоторых пор к верхним стволам «Шилки» стали прикреплять «накладные стволы» – два автомата Калашникова. К ним натягивали плотные нити, прикрепляя к спусковым крючкам. Стрельбу по целям отработывали «вручную» из этих накладных стволов. Гораздо легче перезарядить магазин автомата, чем короба зенитки лентами патронов! Теперь, находясь в своей кабине механика, я слышал только приглушенный автоматный треск, машину от стрельбы не покачивало. Спи, механик, впрок! Может, ночью поднимут по тревоге, и будешь ночь напролёт, как на спортивных тренажерах, качать мышцы за тугими рычагами.

Комбат наш вроде был всегда рядом, но совсем не замечал, что творится в замкомвзводовской палатке ночами и утрами. Не было ему дела до нас. Так же, как и взводному старлею Сабине. Этот ждал своей замены, сам как «дембель», все ему было побоку. Он любил в походной колонне торчать из башни и изображать из себя «боевого командира». Незлобный, не злопамятный он, только ни жарко от него, ни холодно. Не было здесь таких отцов-командиров, как были у нас в учебке, в Отаре – ни с Опекушкиным не сравнить, ни, тем более, с Тарковым! Выживайте, «слоники», как сможете, всё равно за вас некому заступиться. Хорошо тем, кто с характером, а у кого его нет? Как у Ногтева, Ларчука или Кента из стрелков-зенитчиков. Их жизнь, как у пленников, делай с ними, что хочешь. Хорошо тем, у кого земляки рядом. Как у меня – Владик Кученёв или у Тенгиза Шелии – Нодар из пехоты. Тот Нодар – настоящий горный человечище – не меньше двух метров ростом и в плечах, как парусник. Когда он в казарму заходил, все «дедушки» расступались. Разговаривал он с Шелией только по-грузински. А был он нашего призыва.

Несколько раз мы выезжали ночами, отработывали стрельбу по ракетницам. Я сидел в полудрёме в темной кабине и наблюдал в окно задраенного люка, как трассеры высвечивают небо, уходя в сторону выпущенной ракетницы. Как-то раз у края нашего сектора стрельбы появилась мигающая точка. Вовремя комбат заметил её и запретил стрельбу. Чешский транспортный самолет заходил на посадку на взлётную полосу, что находилась в соседнем городке. Странно, что редкий здесь самолёт почему-то приблизился к сектору стрельбы. Может, в ночи показалось, что близко? К тому же вряд ли на таком расстоянии пули автомата Калашникова могли нанести ущерб. Но инцидент не нужен был никому. Сон мой, конечно же, сразу испарился.

Пару раз мы проходили полосу препятствий. А также на время плавали короткую дистанцию на озере с полной выкладкой – в комбесе и с автоматом. Стояла жара. Сержант Мищенко, профессиональный пловец, стоял на берегу, готовый броситься на помощь утопающему. Мало радостного было в таком купании, некоторые нахлебались воды, зато мы все немного взбодрились. После таких занятий нам давали время привести себя в порядок и немного отдохнуть. Мы развешивали комбинезоны сушиться, а сами спускались к озеру и купались.

После армии мне вспомнится это время и возникнет незамысловатый ученический верлибр.

ЛЕБЕДЬ

Почти каждое утро нас поднимали по тревоге.
И тогда руки приклеивались к пружинящим рычагам,
И гортань сдавливали мегафоны,
Бешено кружилась башня,
Поражая учебные цели.
В гулкие минуты передышки
Мы бежали в черничный лес
И назад возвращались чернозубые,
Бренча котелками
И радуясь лету.
Однажды, остановившись возле сонного озера,
Заросшего кувшинками,
Мы долго смотрели на чёрных лебедей,
Купающихся в отраженных ивах.
В какой-то момент я не чувствовал тела,
И мне показались мои чёрные промасленные пальцы
Опалёнными лебедиными перьями.

ПРОЩАЙТЕ, ВСЕБОРЖИЦЫ!

Лето стояло в разгаре. В каждом лесочке выспевала черника. Стоило нашей колонне остановиться где-нибудь на маршруте, мы тут же бежали в сосновый бор и собирали чернику. Кто-то набирал ягоду во фляжку, в столовой досыпал в неё сахар и ел на обед готовое варенье. Из лесу все возвращались с фиолетовыми губами, улыбались фиолетовыми улыбками.

Подходил к концу второй месяц нашего пребывания в учебном лагере. Самым большим открытием этих стрельб оказался Коля Лазько, оператор поиска в нашем экипаже. У него был природный талант – не было цели, на которую бы он трагил больше двух очередей. Первая – прицельная, вторая – на поражение. Делал это быстро и без сбоев. Крошил любую мишень, будь это щит «вертолет» или пехотная ростовая мишень, только щепки летели! Особым чутьём вымерял цель. Три остальных члена нашего экипажа были из Азии. «Дед» Голимжон, оператор дальности – из Киргизии. Медеркулов, командир экипажа, и я, механик-водитель – из Казахстана. Замкомвзвода, конечно же, приписывал все заслуги себе. Рыжий паренёк Коля Лазько, с неоднократно облупившимся от жары носом, шествовал в тени своего командира. Скромный и немногословный. Хотя кто-кто, а он мог себе позволить задрать этот самый облупившийся нос.

Аристотель, будучи «безлошадным» механиком-водителем, по-прежнему выполнял обязанности почтальона. Иногда он отправлялся в командировку в полк на бэтээре, который ездил туда пару раз в неделю. Каракалов привозил пачки писем и оглашал фамилии перед толпой собравшихся солдат. Это было весёлое своеобразное действо, где солдат за долгожданную весточку мог сплясать или спеть что-нибудь по желанию.

– Лазько! – выкрикнул Аристо.

– Я! – вытянулась рука из толпы.

– Пляши! – заказывал тёзка греческого мыслителя.

– Да я не умею!

– Как умеешь!

Из толпы подгоняли «дедушки»: «Ты давай быстрее пляши! Каракалов, где наши письма?» Аристотель отдавал приготовленную пачку писем «дедушкам». Лазько просил, чтобы вместо пляски, как обычно, письмом по носу. Получал краем письма по своему облупленному носу и уходил его читать.

– Кожемяко!

– Я!

– Изобрази Чакина!

– Ты, ублюдок-на, не томи душу-на, давай моё письмо-на! – подражая нашему майору, собрав губы «в трубочку», выдавал очередную реплику доморощенный актёр.

Раздавался хохот на всю округу. Кожемяко получал письмо и исчезал.

– Гайдамаков! Сразу нос сюда неси! Заполучи по носу двойным письмом.

– Полетаев! Не опухнет нос, сразу три письма!

– Не опухнет! Давай! – я получил по носу, взял три письма и пошёл читать.

Я не знал, с какого письма начать. Все три – от друзей, которые тоже служили в армии. Первым открыл от Юрки Краснобаева, от того самого, с которым мы в одной команде ехали в Отар. На фотографии сидел парень в десантной форме. Он, как и мечтал, попал в десантуру в Актогай, где когда-то служил его старший брат. Вторым я открыл письмо от одноклассника, который служил на севере Афганистана. Талгат Бейсембеков стоял в кроссовках у взгорья, с автоматом наперевес. Было и в его письме много отрадного для моей души. А третье письмо было от друга, моего соседа Айдарбека Байгалканова, который, как и Талгат, попал в Афганистан из ашхабадской учебки. Его часть стояла в Газни. Порадовало меня его письмо, особенно в самом конце: «Тут тебе привет передаёт Андрюха Алымов, что служил с тобой в Отаре». Тут припомнилось мне, как мой друг чуть ли не слёзно просил капитана Опекушкина направить его в Афганистан, что без этого не представляет своей дальнейшей жизни. Сбылась его мечта. Теперь он вместе с моим другом детства Айдарбеком вместе служит. Вот такой небольшой наш земной шар! После армии, когда мы уже встретились на родине, мой друг рассказал мне, как они повстречались с Андреем. Айдарбек служил в спецназе. Как-то раз, придя с боевых, они зашли в палатку к зенитчикам, где постоянно было что перекусить. Поели и разговорились. Тут его и спросил Алымов – не с Казахстана ли? «Да, – ответил Айдар, – а что?» Андрей признался, что друг у него был в Отаре тоже из Казахстана, и назвал мою фамилию. Айдарбек с кровати даже привстал от неожиданности. Ошибки быть не могло. В «горячей точке», где-то на краю света, встретились два моих друга.

Весь вечер я ходил под впечатлением от прочитанных писем, делился со своими армейскими сослуживцами радостью. Теперь у меня было четыре надёжных друга – Аристотель, Кожемяко, Лазько и Гайдамаков. В ту ночь я долго не мог уснуть.

За сутки до отправления в Татры батареи стали собирать свои пожитки в путь. Механики-водители готовили «Шилки» в дорогу – ремонтировали, заправляли баки соляркой. Операторы отмывали машины от грязи, ведь машине предстояло ехать двое суток на платформе через многие чешские и словацкие города.

После ужина у нас было немного времени для отдыха. Мы с Серёгой Кожемякой решили прогуляться к ближнему озеру. Спускались сумерки. Проходя мимо столовой, услышали, как в кустарнике кто-то, надрываясь, тяжело сопя, волочит по земле поклажу. Раздвинули кусты, а там – Ногтев тащит ящик тушёнки.

– Геша, тебе помочь?

– Не, пацаны, я уже справился...

– А ты не хочешь поделиться с нами, не жирно одному?

– Это не моё, это Коли Медеркулова ящик.

– А тут ты не угадал, – я забрал пару больших банок. – Мы тебя не видели, и ты нас тоже!

– Хорошо, я вас не видел, – обрадовался Генка, что мы не сильно его разорили.

Не зря мы с Кожей прогулялись в тот вечер – полезное с приятным совместили: и отдохнули немного, и по банке тушёнки раздобыли – в дальней дороге ещё как пригодится.

– Хорошо при столовой Гешка подхарчевался, ряху вон какую наел! Этот прохиндей, может, сам спёр ящик втихушку, чтоб перед «дедами» выслужиться.

– Да, надо было ещё парочку забрать, – жалел об упущенном шансе Кожа, – «Оно» всё равно получит по морде. Геша ведь без этого не может. А благодарность от «дедов» какая? Хоть ты пуп надорви, хоть три ящика им утащи. Всё равно будут недовольны!

А утром, с самого подъёма, началась суета. Одни разбирали палатки, другие относили вещи в парк. Несколько нар закинули на «Шилки» сзади и закрепили их. Часть вещей, в том числе и палатки, погрузили в грузовик, чтобы отвезти в полк. Последний раз мы позавтракали в местной столовой, получили сухой паёк и пошли к машинам. За спиной осталась пустынная площадка с ровными рядами фундаментов. Где ещё недавно гудела жизнь, раздавались команды дневальных, слышался смех солдат, теперь гулял ветер запустения, замечая наши следы.

ЭШЕЛОН НА КЕЖМОРОК

Мы приехали к месту погрузки, загнали машины на платформы и закрепили. Вагоны, которые нам отвели, не имели лежачих мест. Спинки стояли вертикально под углом девяносто градусов и потому были неудобны для сиденья. Нары, которые мы взяли с собой, нужны были для того, чтобы создать комфортные условия для «дедушек» на время двухсуточной кочёвки на восток. Их закрепляли на втором ярусе. Всё было заранее продумано и приспособлено солдатами для нормального проезда в неоднократных поездках на этих чешских поездах. Кое-где висели натянутые палатки. Их для прочности складывали вдвое и привязывали всеми четырьмя углами кверху наподобие гамаков. «Молодые» ютились внизу на сиденьях: несколько человек лёжа, остальные спали сидя. Старослужащие забирались на второй ярус и спускались только чтобы справить нужду да размять ноги и замлевшие от лежания бока. Всё остальное – «принеси-унеси» – исполняли «молодые», для того они и внизу. Тут уж «старики» не ограничивали себя в пожеланиях, выделялись друг перед другом.

– Воды, хочу воды! – рычал Кохас, держа кружку в руке. – «Слон», резче!

Кожа пихал локтем сидящего рядом Ногтева, который был по рангу ниже всех в «слоновьем» сословии: «Чё, не слышишь что ли? Быстро метнулся!» Тот под-

рывался с места, бежал к сорокалитровому баку, зачерпывал воды и нёс «деду». Медеркулов требовал чая. Ларчук бежал к армейскому термосу и приносил заказ. Не сиделось «дедам», не лежалось – «статус» не позволял просто отдыхать, хотелось командовать: «Принеси, сгоняй, роди!»

Три пассажирских вагона находилось в составе эшелона. В купейном располагались офицеры и прапорщики, в других, обыкновенных – солдаты. Посреди нашего вагона стояла железная печка, которая была огорожена железной перегородкой и как бы делила пространство на две части. В одной находилась наша, зенитная батарея, а с другой стороны – зенитно-ракетный взвод. Во владения друг друга мы не вмешивались, у каждой стороны были свои порядки. И «летали» у них «слоны» поболее нас. Крупный, немного толстоватый лезгин по имени Аби был у них явным авторитетом, его слушались все. В воздухе давно летал слухок, что нас скоро объединят со стрелками-зенитчиками. Они станут второй батареей, а мы будем первой, и нас переименуют в «зенитный дивизион». Командиром у нас будет всё тот же майор Чакин – Серёга, так мы его называли между собой. Но это были только слухи. А пока мы ехали на восток Словакии, почти к самой границе Советского Союза. За окнами оставались аккуратные, ухоженные посёлки, города. Поезд шёл не прямо, а какими-то «зигзагами», то на север, то на юг, но курс держал на восток.

Мы с Кожемякой сидели возле запylённого окна друг напротив друга. На утомленное его лицо легли следы усталости.

– Ничего, Серёга, будет и на нашей улице праздник, – пытался успокоить я его.

– Только не все его увидят, – с отчаяньем проговорил он.

– Мы с тобой точно доживём!

– Ты так думаешь?

– Конечно! Ты же слышал: «Дембель неизбежен как крах империализма!» Тут осталось-то всего ничего – до следующей осени.

– Ты умеешь пошутить, солдат-на, – немного повеселев, откликнулся Кожа, – только пока в этом поезде доедешь до места – позеленеешь!

– Тут кроме нас хватает народу, поди обойдется всё!

– Не думаю, чтобы эти ... ничего не придумали! Ещё не вечер...

Как в воду глядел прозорливый Кожемяко. В эти дни стояла жара. В вагоне была духота. Вода в сорокалитровом баке к утру закончилась. Вода во фляжках подходила к концу. Медеркулов ещё на рассвете рывкнул, чтобы «молодые» «организовали» воду.

– Как хотите, где хотите, а чтобы через час бак был полный!

Поезд шёл на полном ходу. Где будет ближайшая стоянка, никто не знал. Сколько будет длиться остановка поезда? Как далеко находится вода от железнодорожного полотна? Этого тоже никто не знал. «Молодые» пошли в тамбур. Мы с Кожей тащили бак, взяв его за ручки. Было время обсудить ситуацию и как нам действовать. Решили, что два человека побегут к тепловозу и будут его останавливать, если вдруг мы не успеем притащить воды. Партос и Эдик Гайдамаков, Аристотель и Лазько должны бежать вперед на разведку в поисках воды. Мы с Кожей тащим бак вслед за ними. Минут через сорок эшелон встал на небольшой станции. Мы выскочили на улицу и рванули искать воду. На чешском языке мы умели только здороваться, остальное пришлось придумывать на ходу, объяснять жестами. Одна пара побежала по перрону, другая – прямо, в сторону

видневшегося придорожного здания. Мы с баком ожидали на развилке. Вскоре раздался свист. Эдик махнул нам рукой. Мы забежали в здание, здороваясь на ходу с оторопевшим чехом: «Огой, камрад!» Он мыл тепловоз, из мощного шланга бежала хорошая струя воды. Он пытался что-то нам сказать, но мы его не поняли. Беседовать было некогда. Партос схватил шланг, и мощной струей мы в какие-то считанные секунды набрали полный бак. Тащили по очереди, стараясь не расплёскивать. Сообща, всей толпой, закинули его в тамбур. Только после этого от паровоза прибежали Ногтев и Ларчук, что стояли на «стрёме», чтобы паровоз не ушел без нас. Но мы успели. Только вошли в вагон, и поезд тронулся дальше. Даже сам Медеркулов похвалил нас за воду. «Деды» пили первыми, потом все остальные.

– Да, вода, конечно, не очень вкусная, – заметил замкомвзвода, – в полку лучше. Но на безрыбье и рак – рыба, как говорится.

Нужно сказать, что на обратном пути мы тоже заскочили в это здание. Но нам объяснили, что эту воду пить нельзя, потому что она техническая. И мы нашли неподалеку колонку, но набрать полный бак не успели, потому что она бежала медленнее, и мы могли опоздать на поезд.

Но и той, технической воды, хватило ненадолго. Крепкий организм советского солдата и не такое видел, всё обошлось. До Татр нам ещё раз пришлось бежать за водой.

Из Чехии в Словакию мы проезжали через Моравию. Везде – обилие яблонь и груш. В десять вечера улицы городов и посёлков пустыньны, лишь редкие молодые пары одиноко бродили в это время. Кругом – все улочки, даже самые небольшие, закатаны в асфальт. Много магазинов, возле них – рекламные щиты. На перекрестках – выпуклые зеркала, в которые видно примыкающую улицу, закрытую зданиями. Нам всё это было в диковинку.

Вторая ночь тоже была беспокойной. В душном вагоне плохо спалось. Слышалось сквозь сон: «Ноготь, воды, резче!» И Ноготь подскакивал и бежал, спотыкаясь в темноте о чей-нибудь вещмешок, нёс воду. Кожа, растянувшийся на всю соседнюю лавку, шептал в темноте: «Вот Оно заработало благодарность за ящик тушёнки, всю ночь летает за водой! Маловато мы у него подрезали банок, маловато. Надо было еще! У него всё одно – морда лужёная, деды по ней с благодарностью бьют».

И за железной печкой у стрелков-зенитчиков тоже было беспокойно, слышны были одни и те же имена: «Кент, воды!» Или: «Целка, хлеба добудь!» Или: «Акула, роди сигаретку!» И летели молодые стрелки нести воду, добывать хлеба, «рожать» сигаретку. Под утро все затихало, только слышался храп да железный перестук колес.

Утром всё повторялось снова, начинался бесконечный маетный день. Этим вечером мы должны прибыть на станцию разгрузки. В обед наш замкомвзвода Медеркулов полулёжа восседал на нарах и со своими приближёнными усиленно потреблял добытую Генкой Ногтевым тушёнку. Они смеялись, а потом кто-то из окружения произнёс фамилию Малова. Подкрепившись, Медеркулов не стал откладывать и попросил, чтобы того привели к нему. Малов не хотел идти, что-то бурчал в углу. И тогда последовала команда: «“Слоны”, притащите мне его сюда! Бегом!» Сержанта Малова в батарее недолюбливали за его непорядочность. А для «молодых» грызня среди «дедов» была на руку, она отвлекала внимание

от них самих. Крупного Малова мы тащили, облепив, как муравьи, он даже не стал отбиваться. Возле замкомвзвода мы его отпустили. Коротышка Медеркулов сидел на втором ярусе, свесив ноги, а Малов стоял перед ним, вытянувшись во весь большой рост. Лица их находились почти на одном уровне. Замкомвзвода что-то спросил у сержанта, и тот, струсив, стал оправдываться. Медеркулов был зол, он несколько раз ударил ладошкой по щеке провинившегося сержанта и, пригрозив ему, отпустил.

Поездка всех утомляла, «деды» маялись от безделья. У соседей, стрелков-зенитчиков, было беспокойно, «слоны» «летали» в поисках сигарет, хлеба и прочего добра. За время летнего лагеря мы уже все познакомились, и чем могли, выручали друг друга – выживать как-то надо было «молодым». И вот из-за печной перегородки показался не наш солдатик в широком грязноватом хэбэ. Он не шёл, он «летел» по нашему проходу, как на полосе препятствий, перескакивая через ящики с оружием и пригибаясь под провисшими палатками с «дедами». Он затесался в наши нижние ряды, что-то озабоченно спрашивая. Этого крупного паренька из стрелков звали Пашка Реус. Он был родом из Западной Украины. Рыжие его волосы на солнце немного выгорели. Немытое, усталое его лицо было усеяно веснушками. Был он пробивной, с характерцем. Чем-то он мне напоминал Юрку-Одессу из отарской учебки. Он доставал из-под земли то, что никто уже достать не мог. Реус что-то спрашивал у наших ребят. Подошёл и к нам, мы сидели впятером – Эдик, Аристо, Кожемяко, Лазько и я, и обедали, вскрыв банки тушёнки, добытые во Всеборжицах. Вид у него был жалкий, на лице было написано отчаяние.

– Пацаны, выручайте!

– Что случилось, Паша?

– Коничек взбесился, говорит, что у него желудок уже болит от этого чешского хлеба! Просит, чтобы я ему родного советского хлебушка добыл. Хоть полбулки. А где я его возьму? Я свой ему предложил, не берёт, говорит: «Спеки мне советского хлебушка! Чтоб через десять минут готов был!» Не выручите? Этот и с поезда скинуть может...

Мы вытащили из вещмешка последние полбулки чешского хлеба с тмином, оставленного на ужин.

– Вот, чем богаты... Если устроит, бери! – Аристотель протянул ему хлеб.

– Спасибо, ребята. Но ему нужен советский хлеб. Ладно, побегу дальше, по вагонам...

– Может, у офицеров, – предложил ему сметливый Эдик Гайдамаков.

– Удачи! – крикнул ему вслед Кожемяко. А когда тот скрылся за дверь в следующий вагон, Серёга посочувствовал: – Трудно ему будет найти этот хлебушек, ведь всем выдали из одного котла пищу, всем хлеб чешский дали.

Это была практически невыполнимая задача, мы это понимали. Но минут через десять Пашка показался в дверях с булкой советского хлеба. Лицо его сияло, словно Пашку вернули к жизни.

– Кудесник! – проронил Коля Лазько.

– Жить захочешь – и спечёшь, и родишь! – в своей манере заключил Кожа.

– Наверно, к офицерам в вагон ходил. Там прапорщики из хозвзвода, у них мог быть советский хлеб, – высказал свое предположение опытный в таких делах Гайдамаков.

Мы прибыли на станцию разгрузки Кежморок в сумерках. Покинули вагоны и освободили платформы от техники. Пока загружали машины, мы сразу обнаружили неподалеку яблоневый сад. Через забор с яблонь свешивались крупные яблочки. Были они ещё зеленоваты, но уже съедобны. Гонцы от каждого экипажа успели их нарвать полные карманы, несли яблоки в руках. Колонна вытянулась по улице небольшого городка. Когда мы выехали на освещенный фонарями пустырь, поступила команда на остановку. Причина выяснилась позже. Командирский бэтээр остановился под нависшей над дорогой яблоней. Майор Чакин вскарабкался на броню, сорвал яблоко, попробовал и тут же выбросил его: «Рано ещё, не спелина!» И дал команду к движению. Никто, кроме командира, не успел попробовать яблоки из этого сада, нам бы и такие сгодились. Через некоторое время начался затяжной подъём. Как позже мне сказали, это и были Татры. Несколько часов мы двигались до нужной нам точки. Глубокой ночью загнали технику в открытый парк боевых машин и потащили свою амуницию в одну из четырёх деревянных одноэтажных казарм. Наша стояла возле самого леса.

ТАТРЫ. ДЕМБЕЛЬСКИЕ ЩИТЫ. СТРЕЛКИ-ЗЕНИТЧИКИ

Утром нам дали поспать лишний час. Ночью не было видно, куда мы заехали. А после подъёма я разглядел это живописное место. Казармы находились на ровной бетонированной площадке в горах. Кругом стоял сосновый лес. Справа от крыльца тропинка спускалась меж мощных сосен вниз. Как оказалось позже, она вела в словацкий посёлок. Все сосны вдоль дорожки, начиная от калитки, были увешаны фанерными, деревянными или железными щитами. На некоторых соснах их висело по несколько штук. Сотни «дембельских» щитов. Сверху на каждом из них значился город, в котором стояла часть. Ниже – годы службы, либо дембель такого-то года, и перечислялись фамилии и место призыва. Чужие щиты не трогали, уважая память предыдущих дембелей. Тут кто на что был способен – одни забирались под самую крону и прибивали свой щит, другие – невысоко, чтобы только было не дотянуться. Одни – красивым почерком с узорами, другие – как курица лапой – второпях. На каждом из них значился список дембелей, что приезжали сюда на стрельбы в последний раз перед отбытием домой. Недаром Медеркулов с весны, как кот с салом, таскался с непонятным куском железа, а писарь Кузнецов корпел ночами над этим «произведением искусства». Не упал лицом в грязь их осенний призыв – достойный щит привезли с собой издалека, не помяли, не погнули, не сбили краску. Хранился он как драгоценность, завёрнутый в тряпки. Никого не забыли, даже Корнея записали туда, все шестнадцать фамилий. А сверху написано крупными буквами: «Дембеля осени 1986 года, Закупи». Большой щит получился. Теперь осталось только хорошо отстреляться и перед отправкой в обратную дорогу прибить его на понравившуюся сосну.

Весь этот день прибывали зенитчики четырёх полков из другой дивизии. Наши батареи из четырёх полков, что были на стрельбах во Всеборжицах, собрались здесь ещё ночью. Лихо промчались три «Шилки», подняв пыль. Из одной вылез Салтиев Кампаш, подошёл ко мне прямо в шлемофоне, и мы по-братски, радостно обнялись. Следом приехал полк, в котором служил Афашагов, затем Абдуллаев. Так мы все встретились – восемь человек, что приехали сюда служить из отарской учебки.

Каждое утро начиналось с пробежки – несколько километров по горам, независимо от погоды. После наведения порядка в казарме и утреннего туалета нас вели в столовую, где хорошо кормили. И началась подготовка к зачётным стрельбам. Мы выгоняли броню на дорожку, что шла по кромке над обрывом. Для механиков не было никакой сложности – мы вели машины по ежедневно отработанному небольшому маршруту. Только ехать нужно было с задраенным люком, «по-боевому». Для «башни» начиналась морока. Они, три человека экипажа, должны были показать слаженные действия, особенная ответственность лежала на операторе поиска.

Чем ближе подходило время зачётных стрельб, тем больше нервничал комбат Селиванов. Бегал раздражённый и злой, кричал по делу и не по делу на «дедов», а те отрывались по нас. Старлей Собина, наш взводный, выказывал олимпийское спокойствие, чётко зная, что по возвращении в полк его ждёт замена. Всё шло своим чередом. Армейское колесо вертелось, дни, расписанные по минутам, летели, а не ползли своим обычным черепашьям шагом.

Ночами в казарме творилось то же, что и в полку, «деды» не давали расслабляться «молодым». Но нашим «дедам» было далеко до «дедов» стрелков-зенитчиков. Наши были не такими злыми. У стрелков один замкомвзвод Коничек чего стоил. Это был зверь. По национальности чех. Если он кого-то невзлюбил, то это уже был приговор. Он тогда травил всеми возможными способами – как сержант, как «дед». Жалости не испытывал. Был он очень крепок собой, здоровый румянец играл на его щеках. Симпатичный и аккуратный, с начищенными до блеска сапогами. Даже на учениях, в полевых условиях, его сапоги блестели. Частенько он ими пинал молодых солдатиков. Больше всех доставалось Кенту. Не было у него ни имени, ни фамилии, а одно прозвище – Кент. Был он механиком-водителем на боевой машине пехоты одного со мной призыва. Чем не угодил замкомвзводу этот бедный паренёк, я не знаю, но для Коничека в нем сошлись все беды мира. Он издевался над ним в казарме, в парке боевых машин, в лагерях... Даже самый авторитетный из стрелков-зенитчиков крупный лезгин Аби не мог усмотреть за тем, что вытворял без него Коничек. В конце концов этот зверь с сержантскими погонами сломал Кенту жизнь. Коничек ушёл на дембель, а Кент ещё целый год дослуживал, как сомнамбула. Он всё соображал, делал, но сильно «тормозил». По его неторопливой, неуверенной походке, по замороженному, равнодушному взгляду было видно, что с головой у него не всё ладно. Наши самые «чморные» «слоны», два Генки – Ногтев и Ларчук, жили в гораздо лучших условиях, чем этот бедный мальчишка.

Были у стрелков-зенитчиков и другие «кадры» – только что пришедшие с гражданки два крупных москвича – Акула и Целка. Акула был огромен, не меньше того горного «генацвале», что приходил к нам в казарму, земляк Шелии. И вид у Акулы был угрюмый. А Целка был высок и худосочен, как неокрепшее деревце. Был он беззлобным и старался свести к шутке всё, что могло свестись к шутке. Это его и выручало. Обладал он одним большим преимуществом – он мог спать даже на ходу. Строй идёт, вышагивают все, стараются. Над строем возвышаются две головы москвичей-переростков. Тот, что худой и беззлобный, с закрытыми глазами – дремлет на ходу.

Со стрелками-зенитчиками мы жили рядом, постоянно пересекались на стрельбах и успели с ними хорошо познакомиться. У них было много москвичей. Три крепких парня-«кандидата» были из Москвы. Из нашего призыва у них тоже был

один из Московской области – Валера Леухин, веселый паренёк, механик-водитель БМП. Это самый достойный представитель «московского» племени, сломавший стереотипы о москвичах. Был из Москвы и Кондрат, что призывался вместе Акулой и Целкой. Кондратьев – приземист и округл, как пенёк. Это хитроумное создание сразу же решило пробиться в штаб, но там и без него хватало умников. Тогда он продолжил заниматься тем, что у него хорошо получалось на гражданке – подался по комсомольской линии. Энергии у него было через край, языком молоток у него получалось неплохо. Как-то раз случилась с Кондратом беда. На раздаче пищи пожадничал и набрал себе лишнего. Этого Коничек пропустить мимо себя не мог. Тут же организовали дополнительный казанок сечки, что предназначался на десятерых, и усадили бедного комсомольца напротив. Коничек лично выдал ему ложку и приказал опустошить тару.

– Мечи, обрубок!

Тот начал «метать». Пару порций «проскочило» быстро, затем пошло тяжелей. Пухлощёкий Кондрат стал отказываться, оправдываться, просить, но над душой стояли серьёзные ребята. Полказанка осилил «комсомольский работник», дальше уже не шло, как он эту кашу в себя ни пихал. Было это для всех показательным уроком.

На тех стрельбах стрелки-зенитчики, как обычно, должны были стрелять по летящей цели с переносного зенитного комплекса «Стрела-2». Дело это ответственное, и мало кому хотелось «смазать» его и допустить промах. По какой-то причине доверили стрелять Кондрату. Боевая машина пехоты вышла на позицию и пошла по дороге над краем обрыва. Из люка торчал Кондрат, на его плече громоздилась «Стрела-2». В небе появилась цель. Молодой зенитчик навел комплекс, поймал его «на мушку» и нажал курок. «Ракета» пошла вдогонку. Это было точное попадание. Радости офицеров и солдат не было предела. «Ай да Кондратьев!» Похвалили и тут же забыли обо всех обещанных наградах в случае удачного пуска. А в случае неудачи припомнили бы ему страшную стоимость «народного добра», пущенного на ветер. И Коничек бы не преминул дать зуботычину.

У нас, в отличие от стрелков-зенитчиков, гораздо больше позиций, с которых нужно производить стрельбу. Чего стоит одна «зеркальная» стрельба! Сложнейшая вещь! Я как механик-водитель должен только загнать машину на ровную площадку, огороженную бетонной стеной с тыла. Высокие чины, среди которых есть и генералы, наблюдают со второго или третьего этажа смотрового здания за нашей стрельбой. У нас имеется чётко определенный сектор стрельбы, куда мы должны выпалить заряд, якобы поразивший «самолёт». Настоящий самолёт появляется с другой стороны, которую мы приблизительно знаем. Люки задраены по-боевому, локатор ищет цель. А стволы направлены под углом в девяносто градусов левее цели, чтобы не снести настоящий самолет. Я сижу в своей железной конуре, задраив лючок. Мне совсем не спится, я тоже волнуюсь за свой экипаж. Как там Колька Лазько отстреляется? Свистит газотурбинный двигатель. Слышу по внутренней связи в шлемофоне резкий голос Медеркулова. Цель поймана. Её «ведут». Башня плавно поворачивается «на гидроприводах». Через мгновение раздаётся треск выстрелов, и машина покачивается от стрельбы. А ещё через мгновение происходит непредвиденное – башню начинает крутить в сторону смотрового здания, слышится мат Медеркулова. Единственное, что он успевает, так это задрать стволы в небо. Но и этого хватило, чтобы перепугать высоких

наблюдателей. А нам хватило, чтобы нас сняли с «зеркальной» стрельбы. Благо, другие наши экипажи отстрелялись без происшествий! Не мы одни напугали начальство, нашлись и другие «достойные» экипажи из других полков. Вести цель «на гидроприводах» очень непростая вещь! В тот же вечер при разрядке патронов «Шилка» из другого полка допустила произвольную стрельбу. Красиво светящийся пучок плавно полетел в сторону Кежморочка. Но, к счастью, не долетел, потому что никто из местных жаловаться к нам не приходил. Экипаж после случившегося наказали отсидкой на «губе» сразу же по возвращении в родной полк.

После этого тяжёлого дня весь вечер «рвал и метал» Серёга Чакин, наш майор. Снова называл всех «ублюдками». Старлей Селиванов изошёл на желчь, ходил с зажатыми белыми кулаками, не то кровавой сок из них хотел выцедить, не то жертву искал – кому бы припечатать. И «деды» на взводе были, особенно Медеркулов. Это всё происходило, пока вечером не огласили результатов стрельб. Оказалось, что всё не так уж плохо! И напряжение спало.

На следующих стрельбах было всё гораздо лучше, хотя тоже не обошлось без «сюрприза». Это случилось в самом конце на ночной стрельбе по ракетнице. Мы выехали двумя экипажами, и случилось то, чего вообще никогда не случалось. На первой броне отказали все четыре ствола, а на нашей три. Лазько выловил цель в самом начале и сопровождал ее до самой земли, стреляя одним незаклинившим стволом. В этот вечер мы тоже ходили в подвешенном состоянии, не ожидая ничего хорошего. Но вот появился комбат. Усы у него торчком стояли. Под ними – сдержанная улыбка. Он пытался скрыть радость, играя на публику.

– Ну что, герои, опозорились напоследок?

– Так получилось, товарищ старший... – начал было замкомвзвода, но комбат не дал ему договорить.

– Молодцы! Стрельба на «отлично»!

В казарме оживление, фейерверк радости. Ликование. Вошёл Чакин. Мы построились в две шеренги. По виду начальника ПВО полка стало понятно, что он доволен нами. Грудь вперёд, губы «свернуты в трубочку», словно он собирался свистеть.

– Где этот, как его, у... – у него чуть не вырвалось его любимое словцо, но он вовремя его «поймал», – оператор поиска-на? Который разворотил эту бедную ракетницу?

– Лазько, выйти из строя! – скомандовал комбат.

– Да я при чём? – стал сопротивляться и краснеть Лазько.

– Ты ещё и команды не знаешь, солдат? – стеганул словом моментально вскипевший бешенством старлей Селиванов.

– Есть выйти из строя! – отозвался измученный Лазько, не поняв до конца – на экзекуцию он идёт или для поощрения.

В центр вышел Чакин. Он пожурил комбата за то, что тот не ценит своих «героев» и объявил Лазько благодарность.

– Сегодня, благодаря нашему герою, наш полк отстрелялся лучшим из двух дивизий, из всех восьми полков. Стрельбы закончились. Поздравляю вас с окончанием стрельб! Лазько, встать в строй!

В этот вечер Чакин ни разу не сказал слова «ублюдок». А «деды», раздобившись, не мучили «молодых», разрешив сразу отбиться.

У нас оставалась пара дней до отъезда. Мы собирались в дорогу. Механики готовили машины, заправляли топливом. Вечера «молодые» были свободны, главное – не попадаться «дедам» на глаза. И мы с Колькой Лазько прогулялись по лесу. Ужин был неважный, в животе урчало, хотелось поесть. Так нас ноги сами привели к хлебрезке. Хотели попросить буханку хлеба. Были сумерки, а в окнах света не было. Лазько залез на высокий фундамент и постучал в стекло. Тишина. Он заглянул в темную прорубь окна, но там никого не заметил. Потянул раму, а она не заперта изнутри. В этот момент нас и накрыли. Шум, гам, крик. Оказывается, в хлебрезку уже пару раз солдаты забирались, и поэтому её стали охранять. Даже окно специально оставили приоткрытым. Так мы и попались в эту ловушку. Оправдываться бесполезно – столько времени воров караулили. «Наконец-то!» Повели нас в казарму и отдали «дедам» на экзекуцию. Ещё вчера объявляли благодарность перед всем строем «герою» стрельб Лазько, а сегодня на том же самом месте мутузили нас с ним «деды», ибо кровью смывается позор, которым «мы покрыли с ног до головы» свой гвардейский полк. В глазах «дедов» преступление наше было воистину смертельным. Могли и вовсе умыздохать, но «пожалели». Замкомвзвода лично со мной разбирался, «по-землячески», несколько раз ткнул своим мелким кулачишком мне в скулу. На том и разошлись. Дней пять после того до самого прибытия в полк я не мог пошевелить челюстью, не ел твердой пищи.

В последний день перед отъездом «деды» высоко прибили свой щит в дембельской аллее. Настроения у меня не было совсем после вчерашней истории. Казалось, что никогда не наступит тот праздничный день, когда мы со своим призывом наконец-то прикрепим и свой щит в этом лесу. Но, как говорил мудрый Соломон, учивший терпению: «Всё пройдет, пройдет и это».

Из окон офицерской комнаты доносился «Паромщик» в исполнении Пугачёвой. Её меняли песни Антонова «Лунная дорожка» и «Море». Мы прощались с ребятами из других полков, расставаясь, с кем на пару месяцев, с кем на полгода. Теперь мы уже встретимся в другом качестве, мы уже не будем больше «молодыми».

РОДНОЙ ПОЛК. ЗЕНИТНЫЙ ДИВИЗИОН. НЕУДАВШИЙСЯ ДЕСАНТНИК

Мы вернулись в родной полк, по которому уже успели соскучиться. В родную одноэтажную деревянную казарму с надписью «Общежитие №», стоящую на окраине, которую прозвали в полку «болотом». Аристотель не забыл о своих обязанностях и выдал нам по пачке писем, что скопились за месяц на почте. Читали и радовались весточкам от родных. С большой радостью я встретился с Владиком Кученёвым! Он мне стал как старший брат. В его дембельском чемодане уже лежал гостинец, купленный для моих родителей. До приказа министра обороны оставалась пара недель. В первый же день я прошёлся по своим землякам из нашего «болота». Навестил Олежку Ворогушина из ремроты и Бесекина Максата из автороты, где из Казахстана служило, наверное, треть подразделения. В столовой увиделся со всеми остальными земляками моего призыва. Почти все они служили в пехоте. Больше всех я подружился с Бекбулатом Бакимбаевым, зеленоглазым весельчаком. Он был водителем на «ЗИЛ-130» в пехоте.

Через несколько дней, едва мы перевели дыхание, полк подняли по тревоге. Словно нас только и ждали. И мы длинной железной змеей поползли по лесам и долам Чехии на ближайший полигон на учения. Добирались своим ходом несколько часов. Серёга Чакин иногда поднимался на броню командирского бэтэра и на ходу рвал яблоки с нависающих над дорогой деревьев. В нём смешались непосредственность, авантюризм, боевой задор и желание повоевать. И когда мы пошли в учебную атаку, он задорно кричал по связи «Не отставать-на! Разобьём врага-на!» Его неподражаемая манера общения подзадоривала и заражала командиров своей энергетикой. Где-то неподалеку, в одной из машин, находился командующий ПВО дивизии. Это был старый вояка, полковник, ветеран Великой Отечественной войны, который наблюдал за нашими действиями. И эти два начальника стояли друг друга. Когда мы атаковали в составе полка, у меня была одна мечта – не задавить кого-нибудь из пехоты. Они бежали по обе стороны машины, и мне с задраенным люком, в положении по-боевому, не хватало обзора. В триплекс я видел, как в метре от моей правой гуськи несётся шальной пехотинец. Но вот дали команду «Огонь!», и отработанные гильзы полетели на этого, залёгшего в траве, автоматчика. Прямо по голове. Он рванул бежать в сторону от нас. То-то, товарищ пехотинец! Давай-давай, нечего лезть под машину, а то я не могу сосредоточиться на бое, думаю только о том, чтобы тебя, сердешного, не задавить.

Когда мы вышли на позиции и поставили «Шилки» на удобные площадки, снова поступила команда «Огонь!» Первый небольшой огненный пучок полетел в конец поля, нащупывая мишень. Второй огненный снап расколошматил «вертолёт» в щепки. Наш Лазько был мастером стрельбы. Отстрелялись и другие экипажи, поразив свои мишени. Танки долго не могли поразить свои цели, медленно прицеливались, снаряд поднимал снап земли рядом с мишенью, которая продолжала стоять на месте. Чакин запрашивал разрешения у своего начальства помочь танкистам. Полковник «входил в роль» и с задором кричал по связи: «Разрешаю! По “коробочкам” огонь!» И тут же под нашим огнём падали или разлетались в щепки мишени танкистов. И мы брались за цели большой пехоты, которые ещё не были уничтожены огнём БМП. Медеркулов посылал огненный рой, снайперски направленный Колькой Лазько в самое логово «врага». На поле остались только «ростовые» мишени для пехотинцев. Но зенитчики, «вошедшие в раж», перемололи и эти последние цели. «Отвоевавшись», мы покинули позицию и встали в поле, где нас покормила полевая кухня. Все были довольны. Взвод построили перед «Шилками», и полковник произнёс проникновенную речь о том, что мы достойно несём славу своих дедов-ветеранов. Был наш полковник крупным, и фуражка с чёрным околышем при каждом взмахе его руки, сопровождавшей эмоциональную речь, готова была слететь с головы. Она висела у него на затылке, и этим он напоминал нам «дембеля». Не то он ещё не отошёл от запала учебного боя, доставившего ему удовольствие, не то успел «макнуть» водочки за наш успех, но что-то в его внешнем виде давало нам повод склониться ко второму. В любом случае, это была колоритная, запоминающаяся фигура. А Чакин перед самым отъездом нашёл кусты какой-то дикой малины и с удовольствием лакомился ягодой, расхаживая по кустарнику.

В полк мы вернулись вечером. Химики где-то потерялись, их угол казармы был пуст. Один Владик Кученёв вернулся раньше всех. Столовая не работала.

С довольствия на время учений нас сняли. У меня оставалась из сухпая банка рисовой каши и хлеб. Я пригласил земляка поужинать, и мы по-братски ели с ним из одной банки. Не пресытились, но голод немного утолили. Владик мне сообщил, что они, химики, на днях переезжают в здание пехоты, а стрелки-зенитчики – в нашу казарму. И что здесь будет сформирован зенитный дивизион. Мне было грустно расставаться с земляком, я поблагодарил его за всё, что он сделал для меня. Владик был полон оптимизма, ведь ему через пару месяцев домой!

В воскресенье, на построении полка полковник Кудинов прошёл образцово красивым шагом по плацу в центр и объявил благодарность за отличную стрельбу второму пехотному батальону и танкистам. Про нас он не забыл, но сказал вскользь, примерно следующее: «Как всегда, хорошо отстрелялись зенитчики. Но они везде стреляют хорошо!» И, не заикливаясь на нас, стал объявлять благодарность другим участникам «сражения». Получилось как в поговорке: «Муха пахала, сидя на рогах у быка». Впрочем, нам не привыкать. Это были не первые и не последние наши учения.

Формирование зенитного дивизиона началось вскоре после нашего возвращения из Татр. За три месяца, проведённых вместе, мы уже познакомились со стрелками-зенитчиками. В казарме пришлось потесниться. Взвод материального обеспечения, где служили известные личности – Федя Софиев и Шелия, переехал в конец казармы, на место химиков. Второй взвод – к нашему взводу, а на их место – стрелки. Нас с ними разделяла только «взлётная полоса», коридор. Теперь мы стали первой батареей, а они – второй. На трёх солдат приходился один офицер или прапорщик. Появилось три новых офицера из Афганистана. Наконец-то заменился наш взводный Собина. На его место пришёл из училища симпатяга с густым чубом – лейтенант Лиманов – достойный офицер, которому было не безразлично, что творится в его взводе. Жизнь в казарме забила ключом. Нашим «дедам» пришлось потесниться и соблюдать гостеприимство, потому что у стрелков были свои матёрые старики. Один лезгин Аби чего стоил! Он мог уронить авторитет любого лидера, если тот перешагнул черту дозволенного. Сам он не переступал этой запретной межи, знал меру. Мог и похвалить за достойное дело. Он не побоялся сделать замечание самому Чакину перед последними учениями, когда выдавали сухпай и коробка с хлебом, полученным на наш взвод, стояла посреди взлётки. Командир формирующегося дивизиона, наводя порядок, как всегда, «нагонял жути» на нас, идя по коридору, и делал замечания.

– Чё это за бардак, ублюдки-на? – майор легонько пнул коробку. – Убрать-на!

Аби взял коробку с хлебом в руки и возмутился.

– Это ХЛЕБ! – дагестанец с уважением произнес это слово. – Вы не видите?

У нас, на Кавказе, за такое неуважение ногу оторвать могут! Слышите?!

Чакин развернулся к выходу, поняв, что совершил оплошность, и поспешил ретироваться, отдавая на ходу приказ прапорщику: «Навести порядок в подразделении!» Спиной он чувствовал недобрый взгляд сурового горца.

– И ещё! Здесь ублюдков нет! Есть солдаты! – кинул вслед майору Аби.

Чакин сделал вид, что не услышал, но запомнил урок рядового надолго. И понял, что не все в будущем дивизионе готовы «проглатывать» его необдуманные «словечки». По крайней мере, до увольнения Аби майор больше не употреблял слова «ублюдки».

Вскоре после этого случая произошло небольшое событие, которое могло обойтись мне очень дорого и стоило бы всей моей скромной репутации. Пословица «Назвался груздем – полезай в кузов» весьма здесь уместна. Тут самое время выдать мою самую сокровенную мечту юности – а мечтал я служить в десантных войсках. Шёл я к ней целенаправленно. И спортом занимался. И с парашютом прыгал три раза, когда вместо учёбы в энергетическом техникуме «ваньку валял» и перебирал парашюты. И, прибыв из учебки в войска тощим, но настырным, всё еще надеялся, что есть шанс попасть в десантники. Где я отыскал этот адрес, кто мне посоветовал? В общем, написал я письмо в Москву, в штаб ВДВ, с просьбой перевести меня в десантные войска. И вот наконец пришёл ответ. Но как! Он не пришёл, он ворвался в казарму, как вихрь, или как ярая одиночная атака, в виде моего замечательного друга и почтальона Аристотеля Каракалова. Я как сейчас помню этот непростой для меня день. И если бы молния попала в нашу казарму, она бы меньше навела шуму, чем это злосчастное письмо. Я вижу, как счастливый Аристо несётся по казарме, держа в высоко задранной руке, словно белый предательский флажок, письмецо, и кричит во всё горло: «Полетай! Тебе письмо из десантуры пришло!» Вот дружище меня осчастливил! А я уж и не надеялся! И главное, вовремя! Когда весь дивизион в сборе. Когда все «дедушки» исходят от тоскливого однообразия и от нечего делать на сотый раз уже перекаладывают вещички в заветном чемоданчике. Ой как им хочется развлечься! И вместо писем «старикам» и «кандидатам», которым полагается первым отдавать письма, они слышат радостный крик почтальона: «Полетаю письмо из десантуры!» К тому ж заступника моего Владика нет рядом, он уже переехал в казарму пехоты. Я кожей почувствовал «наступление грозы». У меня челюсть ещё не прошла после Кежмороба, только хлеб жевать начал... А тут! Кошка скребёт на свой хребёт! Тут уж ничего не попишешь! Будь что будет! Господи, помоги мне грешному, непутевому, бестолковому...

Все «деды» в глухом шоке.

Аби разводит руками:

– И кто этот «десантник»?

– Я! – мычу я, стараясь придать суровости своему «слонячьему» виду и выхожу на «взлётку» в горьком предчувствии прилёта очередных «люлей».

Я немного подкормился в войсках и подрос на целых пять сантиметров за время службы. Теперь во мне целых метр семьдесят три сантиметра! Шестьдесят восемь килограммов живого веса. Аби смотрит на меня как на недоразумение. Вот так вызов! Экий захлюстик отыскался.

– Ну, пойдём со мной!

И я иду за ним. За нами вся разношёрстая компания новоиспеченного дивизиона идет поглазеть на представление. Всем интересно, что будет со мной – до смерти умыздохает меня лезгин или не до смерти. И меня буровит едкая мыслишка: «Огребу по полной! Да и ладно, не впервой!» Двигаемся за казарму, там слева есть темный уголок... Но неожиданно для меня Аби за казармой повернул направо и повел мимо курилки в закуток. Там стоял старый заводской турник. Со временем левый столб у него сломался и стал болтаться «в суставе». Потому им никто и не пользовался, и от времени он заржавел. Но у этого турника была великолепная гибкая перекаладина.

Аби встал рядом:

– Вперёд!

О таком великом счастье я даже представить не мог. Как в том мультфильме про братца Лиса: «Делай со мной, что хочешь, только не кидай меня в ракитовый куст!»

Запрыгнул на турник. С ходу сделал «силовой выход на обе руки». Оттуда пошёл на «склёпку». Легко залетел на турник, несмотря на «болтанку» левого столба. Сделал «передний вылаз», собрался делать «задний вылаз», но услышал одобряющее «Хватит!» Я крикнул, что ещё могу, но услышал жёсткое «Хватит!» И спрыгнул. Аби на глазах у всего дивизиона обнял меня одной рукой за плечи, уводя в казарму: «Молодец! Из тебя выйдет десантник!» Одарил меня добрым словом. Он «дедов»-то не жаловал, а тут «молодого» похвалил. Я рад, что отделался лёгким испугом. Даже «в наваре» остался. Вон как меня зауважали! Весь дивизион за нами идёт, «наши» «дедушки» зубами, наверно, поскрипывают оттого, что теперь в новом подразделении есть лидеры покруче их, и что с ними придётся считаться. Стоило Аби выпустить меня из своих крепких объятий, как меня обнял другой кавказец, Федя Софиев: «Уф, молодец! Хорошо крутил! Сам Аби тебя похвалил!» Он знает, что такое турник – ни разу до него не допрыгнул. При небольшом росте и массе за сто килограммов ему это делать сложно. При быстрой ходьбе у него сотрясается живот и появляется отдышка: «Уф, уф...» Полгода он почему-то за меня вступается. И ведь я ему не земляк. Корысти с меня ему никакой. Значит, так сошлись звёзды.

Ребята моего призыва идут в самом конце. Когда мы остаёмся наедине, искренне хвалят меня те, которые стали моими друзьями – Ласка, Кожемяко, Гайдамаков и Аристо, что устроил моё сегодняшнее представление. Ноготь и Лара – с нескрываемой завистью.

В ту же ночь нас, как обычно, подняли деды. Завели в бытовку, чтобы удалить нас от глаз второй батареи, и за какие-то «прегрешения» устроили усиленную «трёпку». Мы лежали на полу в позе «думать» – на локтях. Ноготь свалился первым, с жалобой и слезами в голосе. Потом Пьянко, слабоватый здоровьем, следом Лара, а затем все остальные. Я остался один посреди комнаты. Маслик ходил вокруг меня и медлительно читал наставление. Его начищенные до блеска сапоги то и дело появлялись недалеко от моего лица.

– У нас не хуже, чем в десантуре... И чем тебе в пехотном полку не подфартило? Вставай, неудавшийся десантник. Всем – поза «думать» у стены, на полу-согнутых, гвардейцы!

ПРИКАЗ МИНИСТРА ОБОРОНЫ. МЫ – «КАНДИДАТЫ»

Наконец-то! Свершилось это долгожданное для «дедов» чудо – в конце сентября вышел приказ министра обороны СССР Соколова. Дождались старослужащие, когда закончится тягучая стодневка. Не наш приказ, но нам он тоже дорог. Это межа, которая делит нашу службу пополам. Год позади, год впереди. Теперь мы будем «кандидатами», «злыми», потому что наша задача – захомутать «слонов», уговаривать в армии не заведено. Осталось дожидаться, когда покинут казарму «дембеля», и тогда можно будет начинать жить согласно своему положению. И пока последний дембель не покинет подразделение, всё будет идти сложившимся чередом, с полным соблюдением субординации.

Наши деды после сентябрьского приказа стали немного «мягче». Даже сам замкомвзвода Медеркулов заметно расслабился. Видимо, боится залететь на какой-нибудь мелочёвке. Как найдёт на него настроение. Иногда увидит, что во второй батарее над молодыми измываются старослужащие и тут же начинает строжиться над нами. У стрелков-зенитчиков, словно вампир какой-то, всё никак не переставал злобствовать старший сержант Коничек. Что ему сделал бедный Кент? Как-то он стоял дневальным по батарее, «на тумбочке», и прислонился спиной к стене. Коничек появился неожиданно и со всей силы ударил сапогом в живот беднягу Кента. Тот упал на пол, схватившись за живот руками. Сержант несколько раз хлётко ударил ногой лежачего парня, который молча переносил боль. Коничек оглянулся, не заметил ли кто из офицеров, и пошёл в отделение своей батареи.

Вскоре после нашего приезда со стрельб из Татр, незадолго до приказа, я встретил своего одноклассника. С Закировым Кайратом я учился в первом классе, а потом его семья переехала в другое село. С той поры мы с ним не виделись. Поэтому я его не сразу узнал. Наш взвод возвращался из парка боевых машин и проходил по спортивному городку. На горизонтальной лестнице сидел паренёк в спортивной форме и красил перекладки «рукохода», так мы называли этот спортивный снаряд. Лицо его мне показалось знакомым, но его «дедовский» наряд отогнал мои мысли. Он был мой ровесник и вряд ли мог быть «дедом». Медеркулов поздоровался с паренёком и тот откликнулся по-азиатски: «Салам». Значит, земляк. Возле казармы я всё же решил спросить у замкомвзвода – не из Восточного ли Казахстана паренёк? Тот утвердительно кивнул головой.

– Кайратом зовут?

– Кайратом. А ты откуда знаешь?

– Это мой одноклассник! Я пойду?!

– Иди! До ужина двадцать минут у тебя есть, – великодушно разрешил мне земляк.

Я прибежал в спортивный городок, боясь, что одноклассник уйдёт, и я его потеряю. На ходу я расстегнул крючок на горле для мнимой солидности. Одноклассник задумчиво сидел на том же месте, внимательно прокрашивая трубки.

– Ну что, Кайрат, получается?

– Получается. А ты откуда меня знаешь?

– Да оттуда, еще с первого «Б» класса!

Кайрат поднялся во весь рост и стал внимательно приглядываться ко мне.

– Артем, ты? – он немного покачнулся на непрочной опоре.

– Я! Ты не упади от радости, дружище!

Он торопливо слез со снаряда, и мы крепко обнялись. Кто бы мог предположить, что нас сведёт судьба через много лет на краю света, далеко от родины! Меня волновал вопрос, почему он ходит в «гражданке», как «дед». Оказалось, что он служил в спортроде, был легкоатлетом и колесил по всей Центральной группе войск, был победителем многих соревнований. В нашем полку он находился в очередной командировке. Сколько он у нас пробудет, он и сам не знал. Жил, как вольная птица. Спал в спортзале на матрацах. Он о «дедовщине» знал только понаслышке. Никогда не «летал» в поисках сигареты для «деда» и представления не имел о позе «думать», которую знал каждый молодой «гвардеец» нашего полка. Везунчик! В тот же вечер, после отбоя, Кайрат пришёл в гости ко мне в нашу

казарму. «Кандидат» Вася Крецул стоял дневальным у тумбочки. Увидев моего солидного одноклассника, он принял его за «деда» и вызвал меня в коридор.

– Там тебя земля спрашивает. Я его раньше не видел. Иди.

Офицеры уже покинули казарму. Федя Софиев ходил по нашему кубрику, строился над моим призывом, обещая поднять за какие-то «прегрешения». Меня тоже остановил.

– Ты куда идёшь?

– К земляку. Вон, видишь, стоит, в коридоре...

– А. Иди, тебе можно.

Так мы с Кайратом чуть ли не каждый день просиживали часами в ленинской комнате. Иногда заходил кто-нибудь из «дедов», косо посматривал на меня, вольготно сидящего рядом с земляком, и тут же уходил, чтобы не нарваться на неприятности с незнакомым «дедом». Благодаря однокласснику я последний месяц почти не участвовал в ночных подъёмах. Кайрат часто приносил яблоки и груши, угощал меня и наших земляков. Ему ничего не стоило набрать фруктов, возвращаясь с пробежки по окрестностям нашего полка. Примерно через месяц он уехал на очередные соревнования. Он зашел попрощаться и больше с ним в армии мы не встречались.

Ближе к концу октября первые дембеля, надев новые «начёсанные» шинели и высокие, снятые с трёхлитровых банок шапки, с чемоданами в руках отправились домой, на родину. Нам, «кандидатам», становилось просторнее, «легче дышалось». Оставшиеся «дембеля» каждый день бегали к штабу, где вывешивали списки на очередной самолёт. Жадно высматривали свою фамилию и, найдя её, радостно возвращались назад, чтобы провести последнюю ночь в уже опостылевшей, но ставшей родной казарме. Давали напутствия, прохаживались по батарее, волновались перед дорогой, ведущей «на гражданку». Каждый припрятывал чёрные погоны. Территорию части все должны были покидать в красных «пехотных» погонах – прямых, как положено по уставу. А на пересыльном пункте все меняли их на чёрные – «дутые», дембельские. Перед своим отъездом на родину меня отыскал Владик Кученёв, ставший мне старшим братом. Мы попрощались, и он напутствовал меня, чтобы я встречал и оберегал земляков. Также я проводил старшину ремроты Мухамадиева Кайрата. попрощались со всеми и уехали из нашей батареи замкомвзвода Медеркулов и Кохас, Билан и Маслик. Малов и Кузя боялись остаться последними, так как чувствовали за собой «грешки» перед нами, уже «оперившимися», и что есть среди нас те, кто бы мог уже навалить им в тёмном уголке. Но им повезло. Последними, где-то в середине ноября, уезжали водители – Булат и Петренко. Уехали и дембеля второй батареи. Все вышли провожать лезгина Аби. Был он строгий, но справедливый. Наконец-то уехал ненавистный многим Коничек, сделавший нравственным инвалидом Кента. Пустела казарма. Менялось её лицо. На смену дембелям приходила безусая молодёжь. Много пригнали ребятишек прямо с гражданки. Кто-то из них боязливо посматривал на нас, борзых «кандидатов». Кто-то вёл себя нагло, привнося с собой нравы вольной гражданской жизни, уже подзабытой нами. Кто-то из этих, последних, ломается в первые же ночи, как только начнётся их, скрытая от глаз офицеров, жизнь с позами «думать» и работой за себя и за «дедушку». Сразу же выветрится и улетучится вся эта дурная спесь, этот гонор, привезённый, как ба-

цилла, из вольного далека. Вместо двух убывших моих земляков – Медеркулова и киргиза Сабыра пришло сразу шесть мальчишек из Киргизии, с гражданки. Все они, как на подбор, были мелкорослые. Я их принял как земляков и пояснил элементарные правила поведения, которым меня учил Владик: «Службу несите достойно, главное – не борзейте, в обиду вас не дадим!» В земляки мне стал набиваться и татарин Рамиль, что призвался из Казани. Мелкий весёлый паренёк с маленькой татарской гармошкой. Стоило его попросить что-нибудь сыграть он с удовольствием выдавал нам что-нибудь весёленькое, радуя душу. Вот, наверно, за эту гармошку и умение порадовать я взял Рому «под свое крыло». Но самым радостным для меня событием было то, что пришёл в наш взвод из учебки паренёк из Казахстана, из Сарканда, Игорь Чепелев. До него я мог перепутать казахстанский Сарканд с узбекским Самаркандом. Но он мне разъяснил, что этот небольшой город находится по дороге к Талды-Кургану. Был Игорёк крупноватым, нерасторопным, но весьма сообразительным и умным парнем. У него был каллиграфический почерк, что давало ему большое преимущество перед другими. В нашей зенитке он был нарасхват – все дембельские альбомы теперь заполнялись его аккуратным почерком. Его освобождали от всяких других дел, становились к нему в очередь «деды». Его берегли, как редкого специалиста. Единственное, но существенное неудобство от этого умения было то, что ему приходилось писать ещё и ночами, отрывая время от сна. Зато он это делал в ту пору, когда его призыв принимал позы «думать» или мыл ночами туалет. В общем, Чепелев сразу же занял достойное место на службе. С его приходом остался без работы Козырев, из нашего призыва, который заметно поблек на фоне Игоря. Козырев заменил писаря Кузнецова, уехавшего домой, и отирался возле комбата, будучи у него на побегушках. Он помещал в «Боевом уголке» свои бездарные заметки, выражая в них мысли Селиванова.

В тот день, когда уехали последние дембеля, по обычаю, заведённому в полку, нужно было совершить перевод солдат по ступеньке вверх в очередной статус. «Боевых слонов» – в «слоны», «слонов» – в «кандидаты», а «кандидатов» – в «деды». Как только офицеры покинули казарму, начался «перевод». Горел свет в коридоре возле тумбочки дневального. В наших глухих «закутках» по обе стороны от «взлётки» народ оживился, всем было не до сна. Возле окон выставили по бойцу, чтобы те вовремя предупредили о появлении офицера. Самое «блатное» место в ближнем углу казармы, которое занимал Медеркулов, теперь занял новый замкомвзвода – Шикармамадов Сергей. По праву он был лидером в своём дружном призыве. Его первым и перевели в «деды». В тот вечер он лежал в хэбэ на своей аккуратно застеленной кровати на животе, одна подушка под головой, другая на нём – чуть ниже спины. «Молодой», татарин Рома, «бил» по подушке, свёрнутой в несколько рядов ниткой ровно восемнадцать раз – по числу отслуженных месяцев.

Красивый лицом Шикармамадов при каждом «ударе» вскрикивал и улыбался:

– Ты чего сильно так бьешь? – спрашивал он Рамиля, который подыгрывал «деду» и тоже улыбался.

– Терпеть надо, ага! Ещё пятнадцать раз осталось.

Под кроватью никто из «молодых» не сидел, не кричал «дурниной», изображая страшную боль, как это было при Медеркулове. Теперь такой «дури» не было, над молодыми так не издевались, но и распускать «слонов» не собирались. После

Шикармамадова под ниточную «плеть» лёг Ибиш. Он тоже посмешил публику тем, что достоверно изображал боль и кривил лицо. Восемнадцать «плетей» получил Почек, и за ним все остальные. Следующими переводили нас в «кандидаты» новоиспеченные «деды». Вот тут уж было не до смеха. Ты должен был забраться на табурет и согнуться, чтобы удобнее было получать своих двенадцать ударов бляхой по ягодицам. «Перевод» делали самые авторитетные ребята старшего призыва. Они били крепко, прикладывались «с душой». Это событие должно было запомниться на всю жизнь. Главное для нас было – не свалиться с табурета. Кожа первым забрался на «постамент», отключив «седалище». Шикармамадов от плеча звезданул Кожемяку. Раздался приглушенный утробный выдох, словно человека силой окунули в прорубь. Ещё и ещё, Кожа только вскрикивал, не в силах сдерживать боль. Двенадцать! Кожемяка спрыгнул на пол, извиваясь и подпрыгивая, растирая больное место руками. Тяни не тяни, а никуда от этого не деться. Я забрался на табурет, согнулся. И тут меня обожгла такая жуткая боль, что из меня невольно вырвался сдавленный крик. Два! Невыносимо! Тяжела рука у Шикармамадова! Три! Да когда же закончится этот ад! Восемь! Скриплю зубами от боли. Одиннадцать. Последний! Двенадцать! Ура!!! Я – «кандидат»! Я спрыгнул на пол и завертелся, как ужаленный, растирая руками «обожжённое» место. Боль уходила медленно. Зато я теперь настоящий «кандидат»! Ура! Я наблюдал, как проходил «экзекуцию» мой призыв. Аристо, покрикивая под ударами, старался свести к смеху эту процедуру. Шелия, заранее договорившись с Фахри Софиевым, стоял на стуле и кричал для видимости, потому что Федя его «переводил» в полсилы. Высокий Эдик Гайдамаков едва балансировал на стуле, получая каждый удар. Ногтев стонал и, плача, поскуливал, пытаясь прикрыть рукой больное место.

Даже через несколько дней, когда мы пошли в баню, у многих из нас на ягодицах были видны синие звёзды от блях.

Продолжение следует.

